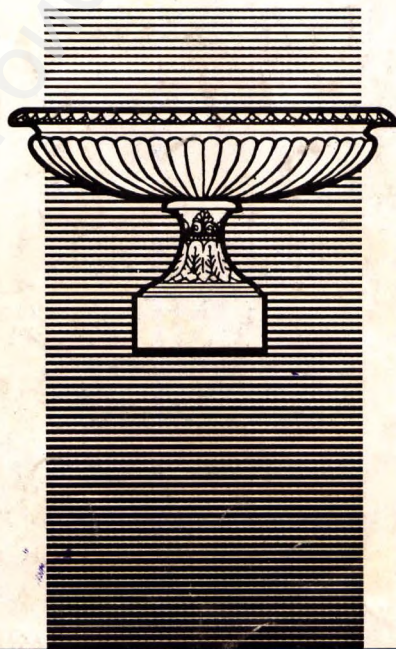

2/3

АЛТАЙ

1/1998

Художник Николай Иванов

Автопортрет

«Алтайское кочевье»

Издаётся с 1947 г.

А

Л

Т

А

И

ЯНВАРЬ

ФЕВРАЛЬ

1 / 1998

Литературно-художественный публицистический краеведческий журнал

Электронная библиотека АКШНБ.ру

Главный редактор
Станислав ВТОРУШИН

Редакционная коллегия:
Юрий ВИСЛОГУЗОВ

Владимир ПЕТРЕНКО

Виктор ПОПОВ -
редактор отдела прозы

Святослав ГРИГОРЬЕВ

Михаил КАПРАНОВ -
протоиерей

Юрий КОЗЛОВ -
редактор отдела
публицистики

Анатолий ЛОМАКИН

Василий НЕЧУНАЕВ

Владимир СВИНЦОВ

Иван СЕМОМЕНКОВ

Николай ЧЕРЕПАНОВ

Вольдемар ШПААР

Ольга ЮРОВСКАЯ

Оформление
Александра
КАЛЬМУЦКОГО

Технический редактор
Галина ЗАРКОВА

Компьютерный набор
Светлана САМОШКИНА
Валентина ПИТЕЛИНА

Компьютерная верстка
Ольга ПЛИСОВА

Корректор
Ольга БАСТРЫКИНА

Учредители:
администрация
и Законодательное
собрание
Алтайского края,
краевая писательская
организация,
трудовой коллектив
редакции

Адрес редакции:
656049, г. Барнаул,
ул. Анатолия, 102.
Тел. 23-27-26.

© «Алтай». № 1. 1998.

Писатели русского зарубежья

Иван ШМЕЛЕВ. Рождество 3

Поэзия

Поэтический венок (Владимир ХОХЛОВ, Владимир
КОНЬКОВ, Василий НЕЧУНАЕВ,
Юлия ТУДЕНЕВА) 8
Сергей КЛЮШНИКОВ. Стихи 74
Людмила КОЗЛОВА. С т и х и 82
Владимир КАЗАКОВ. С т и х и 105

Проза

Сергей ВОЗНЫЙ. Святых между нами нет.
П о в е с т ь 11
Людмила ГАРКАВАЯ. Путь, пройденный дважды.
Р а с с к а з 62
Сергей ШИЛОВ. Белый. Рассказ 77
Геннадий ЖИРОВ. Не хочу мельчать! Рассказ .. 78
Инна АНАТОЛЬЕВА. Почему окно перестало
закрываться. Современная сказка 80
Георгий РЯБЧЕНКО. Школа без каникул.
П о в е с т ь 84

Страницы истории

Станислав ВТОРУШИН. Путь на голгофу 109

Очерк. Публицистика

Николай ЧЕРТОВ. Что день грядущий нам
готовит? 123
Святослав ГРИГОРЬЕВ. Судьба образования -
наша судьба 128
Циники лезут в детские кровати 134

Наши земляки

Ильбек ХАЙРУЛИНОВ. Свет и тени (о художнике
Николае Иванове) 139

Из прошлого

Владислав КОЗОДОЕВ. Такая горькая любовь 145

Клуб любознательных 152

Сдано в набор 24.11.1997 г. Подписано к печати 18.12.1997 г.
Формат 70x108/16. Бумага типографская. Усл. печ. л. 13,3.
Уч.-изд. л. 16,661. Тираж 1000. Заказ 5425.
Цена в розницу договорная.
ГИПП "Алтай". 656049, г. Барнаул, Короленко, 105.

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступа-
ющая в переписку. Рукописи не рецензируются и не
возвращаются. За достоверность фактов несут ответ-
ственность авторы публикаций. Их мнения могут не
совпадать с точкой зрения редакции.

Иван ШМЕЛЕВ

Имя крупнейшего русского писателя XX столетия Ивана Сергеевича Шмелева мало известно широкому кругу российских читателей. После того, как в 1920 году был расстрелян находившийся на излечении в крымском госпитале его сын Сергей, писатель эмигрировал из России. В своих лучших книгах, таких, как "Лето Господне", "Богомолье", "Родное" и других, Иван Шмелев достиг вершин русской прозы. Редакция журнала предлагает читателям малоизвестный рассказ Ивана Шмелева, написанный в эмиграции.

РОЖДЕСТВО

Ты хочешь, милый мальчик, чтобы я рассказал тебе про наше Рождество. Ну, что же... Не поймешь чего - подскажет сердце.

Как будто я такой, как ты. Снежок ты знаешь? Здесь он - редко, выпадет - и стаял. А у нас повалит, - свету, бывало, не видать дня три! Все завалит. На улицах - сугробы, все бело. На крышах, на заборах, на фонарях, - вот сколько снегу! С крыш свисает. Висит - и рухнет, мягко, как мука. Ну, за ворот засыплет. Дворники сгребают в кучи, свозят. А не сгребай - увязнешь. Тихо у нас зимой и глухо. Несутся санки, а не слышно. Только в мороз визжат полозья. Зато весной услышишь первые колеса... - вот радость!..

Наше Рождество подходит издалека, тихо. Глубокие снега, морозы крепче. Увидишь, что мороженных свиней подвозят, - скоро и Рождество. Шесть недель постились, ели рыбу. Кто побогаче - белугу, осетрину, судачка, наважку; победней - селедку, сомовину, леща... У нас, в России, всякой рыбы много. Зато на Рождество - свинину, все. В мясных, бывало, до потолка навалют, словно бревна, - мороженные свиньи. Окорока обрублены, к засолу. Так и лежат, рядами, - разводы розовые видно, снежком запорошило.

А мороз такой, что воздух мерзнет. Инеем стоит, туманно, дымно. И тянутся обозы - к Рождеству. Обоз? Ну будто поезд... только не вагоны, а сани, по снежку, широкие, из дальних мест. Гусем, друг за дружкой, тянут. Лошади степные, на продажу. А мужики здоровые, тамбовцы, с Волги, из-под Самары. Везут свинину, поросят, гусей, индюшек, - "пылкого морозу". Рябчик идет, сибирский, тетерев-глухарь... Знаешь - рябчик? Пестренький такой, рябой... - ну рябчик! С голубя, пожалуй, будет. Называется - дичь, лесная птица. Питается рябиной, клюквой, можжевелькой. А на вкус, брат!.. Здесь редко видишь, а у нас - обозами тянули. Все распродадут, и сани, и лошадей, закупят красного товару, ситцу, - и домой, чугушкой. Чугунка? А железная дорога. Выгодней в Москву обозом: свой овес-то, и лошади к продаже, своих заводов, с косяков степных.

Перед Рождеством, на Конной площади, в Москве, - там лошади-ми торговали, - стон стоит. А площадь эта... - как бы тебе сказать?... - Да попросторней будет, чем... знаешь, Эйфелева-то башня где? И вся

- в санях. Тысячи саней, рядами. Мороженые свиньи - как дрова, лежат на версту. Завалит снегом, а из-под снега рыла да зады. А то чаны, огромные, да... с комнату, пожалуй! А это солонина. И такой мороз, что и рассол-то замерзает... - розовый ледок на солонине. Мясник, бывало, рубит топором свинину, кусок отскочит, хоть с полфунта, - наплевать! Нищий подберет. Эту свиную "крошку" охапками бросали нищим: на, разговейся! Перед свиной - поросячий ряд, на версту. А там - гусиный, куриный, утка, глухари-тетерки, рябчик... Прямо из саней торговля. И без весов, поштучно больше. Широка Россия, - без весов, на глаз. Бывало, фабричные впрягутся в розвальни, - большие сани, - везут-смеются. Горой навалят: поросят, свинины, солонины, баранины... Богато жили.

Перед Рождеством, дня за три, на рынках, на площадях, - лес елок. А какие елки! Этого добра в России сколько хочешь. Не так, как здесь, - тычинки. У нашей елки... как отогреется, расправит лапы, - чаща. На Театральной площади, бывало, -лес. Стоят, в снегу. А снег повалит, - потерял дорогу! Мужики в тулупах, как в лесу. Народ гуляет, выбирает. Собаки в елках - будто волки, право. Костры горят, погреться. Дым столбами. Сбитенщики ходят, аукаются в елках: "Эй, сла-дкий сбитень! калачики горя-чи!.." В самоварах, на долгих дужках, - сбитень. Сбитень? А такой горячий, лучше чая. С медом, с имбирем, - душисто, сладко. стакан - копейка. Калачик мерзлый, стаканчик сбитню, толстенький такой, граненый, - пальцы жжет. На снежку, в лесу... приятно! Потягиваешь понемножку, а пар - клубами, как из паровоза. Калачик - льдышка. Ну, помакаешь, помягчает. До ночи прогуляешь в елках. А мороз крепчает. Небо - в дыму - лиловое, в огне. На елках иней. Мерзлая ворона попадетя, наступишь - хрустнет, как стекляшка. Морозная Россия, а... тепло!..

В Сочельник, под Рождество, - бывало, до звезды не ели. Кутью варили, из пшеницы, с медом; взвар - из чернослива, груши, шепталы... Ставили под образа, на сено. Почему?.. А будто - Дар Христу. Ну... будто Он на сене, в яслях. Бывало, ждешь звезды, протрешь все стекла. На стеклах лед, с мороза. Вот, брат, красота-то!.. Елочки на них, разводы, как кружевное. Ноготком протрешь - звезды не видно? Видно! Первая звезда, а вон - другая... Стекла засинелись. Стреляет от мороза печка, скачут тени. А звезд все больше. А какие звезды!.. Форточку откроешь - резанет, ожжет морозом. А звезды!.. На черном небе так и кипит от света, дрожит, мерцает. А какие звезды!.. Усатые, живые, бьются, колют глаз. В воздухе-то мерзлость, через нее-то звезды больше, разными огнями блещут, - голубой хрусталь, и синий, и зеленый, - в стрелках. И звон услышишь. И будто это звезды - звон-то! Морозный, гулкий, - прямо серебро. Такого не услышишь, нет. В Кремле ударят, - древний звон, степенный, с глухотой. А то - тугое серебро, как бархат звонный. И все запело, тысяча церквей играет... Такого не услышишь, нет. Не Пасха, перезвону нет, а стелет звоном, кроет серебром, как пенье, без конца-начала... - гул и гул.

Ко всенощной. Валенки наденешь, тулупчик из барана, шапку, башлычок, - мороз и не щипнет. Выйдешь - певучий звон. И звезды. Калитку тронешь, - так и осыплет треском. Мороз! Снег синий, крепкий, попискивает тонко-тонко. По улице -сугробы, горы. В окошках розовые огоньки лампадок. А воздух... - синий, серебрится пылью, дымный, звездный. Сады дымятся. Березы - белые виденья. Спят в них галки. Огненные дымы столбами, высоко, до звезд. Звездный звон, певучий, -плывет, не молкнет; сонный, звон-чудо, звон-виденья, славит Бога в вышних, - Рождество.

Идешь и думаешь: сейчас услышу ласковый напев-молитву, простой, особенный какой-то, детский, теплый... - и почему-то видится кровать, звезды.

Рождество твое, Христе Боже наш,
Возсия миру Свет Разума...

И почему-то кажется, что давний-давний тот напев священный был всегда. И будет.

На уголке лавчонка, без дверей. Торгует старичок в тулупе, жметя. За мерзлым стеклышком - знакомый Ангел с золотым цветочком, мерзнет. Осы-

пан блеском. Я его держал недавно, трогал пальцем. Бумажный Ангел. Ну, карточка... осыпан блеском, снежком как будто. Бедный, мерзнет. Никто его не покупает: дорогой. Прижался к стеклышку и мерзнет.

Идешь из церкви. Все - другое. Снег - святой. И звезды - святые, новые, рождественские звезды. Рождество! Посмотришь в небо. Где же она, та давняя звезда, которая волхвам явилась? Вон она: над Барминихиным двором, над садом! Каждый год - над этим садом, низко. Она голубоватая, святая. Бывало, думал: "Если к ней идти - придешь туда. Вот прийти бы... и поклониться вместе с пастухами Рождеству! Он - в яслях, в маленькой кормушке, как в конюшне... Только не дойдешь, мороз, замерзнешь!" Смотришь, смотришь - и думаешь: "Волсви же со звездой путеше-эствуют!.."

Волсви?.. Значит, мудрецы, волхвы. А маленький я думал - волки. Тебе смешно? Да, добрые такие волки, думал. Звезда ведет их, а они идут, при-тихли. Маленький Христос родился, и даже волки добрые теперь. Даже и волки рады. Правда, хорошо ведь? Хвосты у них опущены. Идут, поглядывают на звезду. А та ведет их. Вот и привела. Ты видишь, Ивушка? А ты зажмурься... Видишь - кормушка с сеном, светлый-светлый мальчик, ручкой манит?.. Да, и волков... всех манит. Как я хотел увидеть!.. Овцы там, коровы, голуби взлетают по стропилам... и пастухи, склонились... и цари, волхвы... И вот подходят волки. Их у нас в России много!.. Смотрят, а войти боятся. Почему боятся? А стыдно им... злые такие были. Ты спрашиваешь - впустят? Ну, конечно, впустят. Скажут: ну и вы входите, нынче Рождество! И звезды... все звезды там, у входа, толпятся, светят... Кто, волки? Ну, конечно, рады.

Бывало, гляжу и думаю: прощай, до будущего Рождества! Ресницы смерзлись, а от звезды все стрелки, стрелки...

Зайдешь к Бушую. Это у нас была собака, лохматая, большая, в конуре жила. Сено там у ней, тепло ей. Хочется сказать Бушую, что Рождество, что даже волки добрые теперь и ходят со звездой... Крикнешь в конуру: "Бушуйка!" Цепью загремит, проснется, фыркнет, посунет мордой, добрый, мягкий. Полизет руку, будто скажет: да, Рождество. И - на душе тепло, от счастья.

Мечтаешь: Святки, елка, в театр поедем... народу сколько завтра будет! Плотник Семен кирпичиков мне принесет, и чурбачков, чудесно они пахнут елкой!.. Придет моя кормилка Настя, сунет апельсинчик, и будет целовать и плакать, скажет: "Выкормочек мой... растешь"... Подбитый барин придет еще, такой смешной. Ему дадут стаканчик водки. Будет махать бумажкой, так смешно. С длинными усами, в красном картузе, а под глазами "фонари". И будет говорить стихи. Я помню:

И пусть ничто-с за этот Праздник
Не омрачает торжества!
Поднес почтительно-с проказник
В сей день Христова Рождества!

В кухне на полу рогожи, пылает печь. Теплится лампадка. На лавке в окоренке оттаивает поросенок, весь в морщинках, индюшка серебрится от морозца. И непременно загляну за печку, где плита: стоит?.. Только под Рождество бывает. Огромная, во всю плиту, - свинья! Ноги у ней подрублены, стоит на четырех култышках, рылом в кухню. Только сейчас втащили, - блестит морозцем, уши не обвисли. Мне радостно и жутко: в глазах намерзло, сквозь беловатые ресницы смотрит... Кучер говорил: "Велено их есть на Рождество, за наказание! Не давала спать младенцу, все хрюкала. Потому и называется свинья! Он ее хотел погладить, а она, свинья, щетинкой Ему ручку уколола!" Смотрю я долго. В черном рыле - оскаленные зубы, "пятак", как плошка. А вдруг соскочит и загрызет?.. Как-то она загромычала ночью, напугала.

И в доме - Рождество. Пахнет натертыми полами, мастикой, елкой. Лампы не горят, а все лампадки. Печки трещат-пылают. Тихий свет, святой. Окна совсем замерзли. В холодном зале таинственно темнеет елка, еще пустая, - другая, чем на рынке. За ней чуть брезжит алый огонек лампадки, - звездочки, в лесу как будто... А завтра!

А вот и - завтра. Такой мороз, что все дымится. На стеклахросло буграми. Солнце над Барминихиным двором - в дыму, висит пунцовым шаром. Будто и оно дымится. От него столбы в зеленом небе. Водовоз подъехал в скрипе. Бочка вся в хрустале и треске. И она дымится, и лошадь, вся седая. Вот мо-роз!..

Топотом шумят в передней. Мальчишки, славить... Все мои друзья: сапожниковы, скорнячата. Впереди Зола, тощий, кривой сапожник, очень злой. выщипывает за вихры мальчишек. Но сегодня добрый. Всегда он водит "славить". Мишка Драп несет Звезду на палке - картонный домик: светятся окошки из бумажек, пунцовые и золотые, - свечки там. Мальчишки шмыгают ногами, пахнут снегом.

- Волхи же со Звездою питушествуют! - весело говорит Зола.

Волхов приючайте,
Святое стечайте,
Пришло Рождество,
Начинаем торжество!
С нами Звезда идет,
Молитву поет...

Он взмахивает черным пальцем, и начинают хором:

Рождество Твое, Христе Бо-же наш...

Совсем не похоже на Звезду, но все равно. Мишка Драп машет домиком, показывает, как Звезда кланяется Солнцу правды. Васька, мой друг, сапожник, несет огромную розу из бумаги и все на нее смотрит. Мальчишка портного Плешкин в золотой короне, с картонным мечом серебряным.

- Это у нас будет царь Кастинкин, который царю Ироду голову отсекает! - говорит Зола. - Сейчас будет святое приставление! - Он схватывает Драпа за голову и устанавливает, как стул. - А кузнечонок у нас царь Ирод будет!

Зола схватывает вымазанного сажей кузнечонка и ставит на другую сторону. Под губой кузнечонка привешен красный язык из кожи, на голове зеленый колпак со звездами.

- Подымай меч выше! - кричит Зола. - А ты, Степка, зубы оскаль страшной! Это я от баушки еще знаю, от старины!

Плешкин взмахивает мечом. Кузнечонок страшно ворочает глазами и скалит зубы. И все начинают хором:

Приходили вол-хи,
Приносили бол-хи,
Приходили вол-хари,
Приносили бол-хари,
Ирод ты, Ирод.
Чего ты родился,
Чего не хрестился,
Я царь - Ка-стинкин,
Младенца люблю,
Тебе голову срублю!

Плешкин хватает черного Ирода за горло, ударяет мечом по шее, и Ирод падает, как мешок. Драп машет над ним домиком. Васька подает царю Кастинкину розу. Зола говорит скороговоркой:

- Издох царь Ирод поганой смертью, а мы Христа славим-носим, у хозяев ничего не просим, а чего наладут - не бросим!

Им дают желтый бумажный рублик и по пирогу с ливером, а Золе подносят и зеленый стаканчик водки. Он утирается седой бородкой и обещает зайти вечерком спеть про Ирода "подлинней", но никогда почему-то не приходит.

Позванивает в парадном колокольчик и будет звонить до ночи. Приходит много людей поздравить. Перед иконой поют священники, и огромный дякон вскрикивает так страшно, что у меня вздрагивает в груди. И вздрагивает все на елке, до серебряной звездочки наверху.

Приходят-уходят люди с красными лицами, в белых воротничках, пьют у стола и крикают.

Гремят трубы в сених. Сени деревянные, промерзшие. Такой там грохот, словно разбивают стекла. Это - "последние люди", музыканты, пришли поздравить.

- Береги шубы! - кричат в передней.

Впереди выступает медной трубой и так в нее дует, что делается страшно, как бы не выскочили и не разбились его глаза. За ним толстенький, маленький, с огромным прорванным барабаном. Он так колотит в него култышкой, словно хочет его разбить. Все затыкают уши, но музыканты играют и играют.

Вот уже и проходит день. Вот уж и елка горит - и догорает. В черные окна блестит мороз. Я дремлю. Где-то гармоника играет, топотанье... - должно быть, в кухне.

В детской горит лампадка. Красные языки из печки прыгают на замерзших окнах. За ними - звезды. Светит большая звезда над Барминихиным садом, но это совсем другая. А та, Святая, ушла. До будущего года.

Электронная библиотека АКУНЬ

Война, как всегда, неупомянут,
неуклюже.
Запутала ноги сырая трава.
Повиснет казачка на шее у мужа,
Сегодня - жалмерка, а завтра -
вдова.

Застонет печальная выпь
за болотцем
И эхом откликнется - что впереди?
И мать перекрестит взрослеющих
хлопцев.
И ладанки спрячет у них на груди.

В холсте, у гайтана,
земля-сибирячка.
Последняя чарка, последний глоток.
Вздыхает, тайком отвернувшись,
казачка
И слезы украдкой схоронит в платок.

Уходят верхами по шляху казаки.
Высокие седла, да пик частокол.
Накрыло туманом стога да овраги,
Накрыло туманом нескошенный дол.

Чубы да усы, да знакомые лица -
Лишь только разок оглянуться назад.
Накрыло туманом родную станицу,
Накрыло туманом казачий отряд.

СЕРБИЯ

Коромысло качается, словно весы,
Ведро стянуто обручем в две
полосы.

Под ногами блестит, рассыпаясь,
роса,
На кораллы легла воронья коса.

На тяжелых сережках узоры просты.
А на черном платке золотые цветы.

Не спеши уходить, эй, хозяйка,
постой!
Ты, хозяйка, пусти казака на постой.

Я закончил войну в високосном году,
Я веду боевого коня в поводу.

Он устало за мною бредет по селу
И сума приторочена слева к седлу.

Там звенит золотой басурманский
браслет
И монисто из звонких турецких
монет.

Я тебе расскажу, только ты
помолчи,
Как бегут янычары, теряя мечи.

Как, стреляя вдогон, улыбается серб,
И усы у него, как серебряный серп.

Как в славянских полях выгорает
зерно.
Перемешано с кровью хмельное
вино.

Ночь, как стая кричащих ворон,
Черногорские горы накрыла крылом.

Эта ночь и черна, и от красноты пьяна.
Только церковь одну освещает луна.

А наутро стада бубенцами звенят...
А наутро казак оседлает коня.

Ты, хозяйка, его у околицы жди...
И монисто горит чешуей на груди.

СПЛОХ

От белых Половецких Веж
Доносит ветерком
Кобылий пот наперемеш
С кобыльим молоком.

Блестит кривой дамасский нож
И брызжет от подков
Едва налившаяся рожь
Под ноги степняков.

Меж бревен дым, кипит смола,
Клубится крыши скат.
И тень вороньего крыла
Разрезала закат.

А с вороненного крыла
стекает кровь вином.
Горит хазарская стрела
Под слюдяным окном.

Гудит над городом набат,
И катится к селу.
Горит село, горит посад,
И князь прирос к седлу.

И режет слух чужая речь,
Глаза, как щель, косы.
Рука привычней держит мечь,
Чем рукоять косы.

Из года в год от Белых веж
Несется черный ком -
Кобылий храп наперемеш
С кобыльим молоком.

Василий НЕЧУНАЕВ

ПОМИНАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Памяти ушедших товарищей

Рассветы - все те же рассветы.
 Жар-птицы клюют небеса.
 Но вовсе не дым сигареты
 Мои застилает глаза.
 Но что-то случилось в природе,
 Природа не та, что вчера:
 Сергеева нету Володи
 И Старцева нету Петра.
 Все так же за Обью-рекою
 Простор зеленеет сквозной.
 Но нету Черкасова Коли
 И Гены Панова со мной.

Все те же узоры на клене,
 Все та же кругом красота.
 Но нету Мерзликина Лени,
 И песня - уж песня не та.
 И праздники стали не теми,
 Рабочие будни не те.
 Не так проходящее время
 Встречаю на каждой черте.
 И даже когда в коридоре
 Мой гость надевает пиджак,
 Не так - без Капустина Бори,
 Без Стаса Яненко - не так.
 Закаты - все те же закаты
 Пылают над краем земли...
 Ребята! Куда вы, ребята!?
 Зачем вы так рано ушли?!

Юлия ТУДЕНЕВА

РУСЬ МОЯ...

Ждали ведро -
 обрушилась засуха.
 Ждали дождь -
 разразилась гроза.
 Черным дымом
 полнеба нам застило,
 черный дым
 разъедает глаза.

Миром всем
 сколько горюшка выпито,
 сколько было
 положено сил,
 а не стало
 российских столыпинных -
 и орел наш
 двуглавый без крыл.

Русь моя!..
 Снова вороны каркают.
 Ты данайцев
 к себе не зови.

Пирогамы нас кормят -
 подарками -
 тесто месят
 на нашей крови.

Что ж мы, люди,
 глядим неприкаянно?
 Руки есть,
 а земля-то, земля...
 Сколько ж ей
 дожидаться хозяина,
 под бурьян
 отдавая поля?

Оттого-то у нас
 непогодина,
 что, видать,
 в головах недород.
 Гей, славяне!
 Спасать надо Родину,
 коли жив еще
 русский народ.

Сергей ВОЗНЫЙ

СВЯТЫХ МЕЖДУ НАМИ НЕТ

Повесть

1

Вечеринка близилась к концу. С легкой руки Сени Векшина этот этап называли стадией доходчивых тостов, понятных после любой дозы. Самое время было для них. Уже отзвучали под первую рюмку витиеватые речи во славу именинника с перечислением всех мыслимых достоинств. Соблюдая круговую очередность, гости выдали на гора вторую серию шедевров - на этот раз с комично-эротическим уклоном. Последним, что Игорь запомнил отчетливо, было неизменное, за лося - чтобы жилося, пилося, спалося... Потом пошли-поехали танцы - насколько позволила разгуляться однокомнатная квартира. Имениннику плясать не хотелось. Улучив момент, Игорь выдул на кухне полбутылки "Жигулевского", прямо из горла, и вскоре заветная пелена затянула мозги. Это, пожалуй, было то, что доктор прописал - после всех дерганных дней и ночей без сна. Хорошо было сидеть на диване в интимном свете ночника, покачиваясь под рэповую скороговорку, и *не думать*. Кто-то плюхался рядом, говорил смешные вещи, хлопал по плечу и уходил опять. Силуэты за столом дружно добились очередную бутылку, отправив стеклотару под стол. А потом как-то враз, без перехода, обнаружилось, что гости дорогие требуют к себе виновника торжества, и лампа под потолком светит вовсю, и тосты все уже заготовили. Те самые, доходчивые. Слава Каракозов никого не удивил, подняв рюмку за наших дам, - это пожелание он мог выдавать на протяжении всей гулянки, мотивируя любовью и уважением к слабому полу. Так или иначе, но спорить никто не стал. Дама здесь, собственно, наблюдалась одна единственная - Таня Векшина, исполнявшая при Сене роль наблюдателя и борца за трезвость. В ответ на каракозовский тост дама кивнула благосклонно и узкой ладошкой остановила на полпути Сенину рюмку. "Таню-юш...", - укоризненно протянул тот и поспешил отвлечь внимание зрителей. - А именинник-то наш взгрустнул чего-то. Печаль сердце гложет и думы тяжкие... - На этом красноречие векшинское исчерпалось, и он стал мучительно додумывать окончание фразы. Игорь-именинник, напротив, вздрогнул, окинул всех тусклым взглядом и вдруг поднялся из-за стола. Тост его был кратким и очень даже доходчивым: "Будем живы!". Что-то странное слышалось всем в обыденной фразе. Совсем для юбилея не подходящее. Может, виной тому было лицо именинника, а может, его тон, только гости как-то враз отрезвели, скукисились, выпрямили спины зачем-то. И выпили дружно все, даже Таня. Новая порция водки "Петрофф" вернула все на свои места, но Игорь неумолимо ощутил, что трезвеет. Нельзя

было этого допускать. Хоть один вечер надо прожить бездумно, иначе *они* до тебя добраться не успеют. Сам умом сдвинешься. Игорь выбрался из "тронного" кресла во главе стола и взял курс на кухню. Где-то там ждет-не дожидается еще одна пивная поллитруха. Та-ак, вот она, родимая... Отхлебнуть не успел - из комнаты явился Сеня Векшин. Подошел и уставился внимательно. Игорь взглянул на него так же, протянул молча бутылку, но взаимопонимания не встретил.

- Че такое? - пьяная интонация удалась вполне, но Сеню этим не купишь.
- Это с тобой что такое? Ты мне не веришь?
- Верю. Тебе верю, - отозвался бодрым голосом и сделал попытку глотнуть пива. Сеня остановил его мягко и ловко (у Танюши, видать, научился).
- Ты, брат, нынче весь вечер пытаешься надраться. У тебя проблемы?
- Да все нормально, Сеня. Ну юбилей у меня и все.
- А по-моему, жить тебе хреново стало. Это из-за тех дел?
- Каких тех?
- За дураков ты нас держишь, что ли? Половина редакции что-то знает или слышали. На тебя уже наезжали?

- Знаешь, если честно, то всякое было. И наезды, и по мордам навешали разок. Пугают пока. Но сейчас на подходе что-то новенькое. Мне тут матерьяльчик один подарили...

Запокали каблучки, возвестив о явлении Танюши. Единственная дама выглядела изрядно навеселе, но на "шпильках" ступала уверенно и с непостижимой грацией.

- А-а! Во-от они где! - провозгласила торжествующе. - Игоречек! Игорюнчик! Ты это в свой, понимаешь, день уклоняешься от компании!? Это, знаешь, Игорюнчик, это неэтично! Вот!

- Танюшка, иди к народу, - Сеня чмокнул жену и попытался развернуть на 180 градусов.

- Ну, Сеня! Нам-пора-домой, - тихо и с напором проговорила Таня и обняла мужа за шею.

- Дорогуша. Я ж тебе говорю, у нас мужской разговор...

- Ни-ка-ких разговоров. Игоречек, проводи нас, будь ласков.

Игорь встретился вдруг взглядом с ее глазами, они смотрели испуганно и трезво. Тут же холодной волной накатило понимание - она тоже *знает*, или догадывается (половина редакции, как-никак). И цель ее сейчас вполне объяснима - не позволить любимому супругу узнать ненароком, по пьяни, что-то, чего знать не положено, за что люди попадают под машины или получают в спину клинок. Игорь улыбнулся и кивнул:

- Сеня, не будем обижать твою половину.

Спустя полчаса квартира опустела. Игорь устроился на диване, оглядывая сцену пирушки, и сдернул-таки крышечку с "Жигулевского". Гулять так гулять. Проводить пивком стаканчик водки и уснуть здесь же. Вот так. И хоть трава теперь не расти. Завтра - выходной, можно поработать над статейкой, а там и Марина должна нагряться.

В дверь позвонили. Еще полчаса назад Игорь крепко подумал бы, прежде чем открыть, но сейчас все было до фонаря. Скорее всего, вернулся кто-то из гостей. Забыл чего-нибудь. Даже если и нет - мы еще за себя постоим, мы еще ого-го! Прихватил Игорь со стола кухонный ножик (мало ли) и решительно двинулся на зов. Звонок заголосил опять, ускорив дело.

- Щас, паади! - отозвался именинник и шелкнул замками. За дверью густела темнота. "Лампочка что ли крякнулась?" - удивился он и ни о чем больше не успел подумать. Холодная темень лестничной площадки ожила вдруг, скользнула навстречу гибкой кошачьей тенью.

И наступила тишина...

Коляда проснулся поздно. Июльское солнце светило в лицо, отчего мозги начали закипать. Сколько раз ведь давал зарок вскочить на зорьке, водичкой холодной окатиться, то-се. Вместо этого ворочался всю ночь в духоте, забываюсь кое-как под утро. Голова давила тяжестью, как с похмелья, и нестерпимо зуделась нога. Опять.

Валерий Петрович уселся на узеньком своем холостяцком диване, потер виски. Коснулся машинально неровного среза пониже колена, ощутив знакомое жжение. Все как положено - такие вещи и через пять лет продолжают болеть. Коляда к этому делу уже привык, вот если бы еще не зуделась во сне ступня, которой нету...

Протез лежал на своем месте, в ногах. Великолепная германская штучка, на которой можно, как в той книжке, "польку-бабочку танцевать". С костылями Коляда расстался через год после аварии, и немногие знали, чего ему это стоило. Ладно, что было, то прошло. Одним махом откинув ненужные мысли, Валерий Петрович приладил деревяшку на место, прошелся пружинисто по комнате и бросился на пол. Сотня отжимов на кулаках, потом пудовые гантели и груша. Гимнастика эта вошла в привычку много лет назад, еще на той работе. Там, хошь-не хошь, а приходилось держать себя в форме, да и молодой был, любил на пляже покрасоваться. После аварии, в то время, которое казалось одной бесконечной ночью, тренироваться приходилось через "не могу". Зато и сейчас, если по фигуре судить, сороковник никто не даст. Вот только на пляж Коляда больше не ходил.

Телефон завершал в самый неподходящий момент. Валерий Петрович опустил аккуратненько на пол гантель и дотянулся до трубки.

- Алло. Здорово, Валерий.

- Привет ментам, - хмыкнул Коляда, отметив напряженность в голосе собеседника. Саня звонил, он же Кобрин Александр Дмитриевич, майор милиции.

- Давненько вас не слышать. Как звезду привинтил, так совсем от народа оторвался.

- Работа, Валерий, текучка. Помнишь еще?

- Да как тебе сказать, чтоб не соврать... - что-то нехорошее шевельнулось в душе. Интуиция? Не станет Саня просто так звонить дабы потрепаться. Не тот человек.

- Помнить, я ж точно знаю. Ладно, оставим тему. Деревяшки-то свои все строгаешь, кооператор?

- Во-первых, не кооператор, а предприниматель. Запиши, Сань, а то забудешь. Могу по буквам продиктовать. А во-вторых, кончай лабуду пороть, ты меня от дела отрываешь наиважнейшего.

- Ух ты, деловой. Ладно... скажи, ты когда последний раз Игоря видел?

- Нда. Вообще, слушай, с месяц назад. Да и нынче собирался - юбилей у него.

Трубка молчала пару секунд, не желая сообщать плохое.

- В общем, такие дела... В больнице он сейчас, в реанимации.

- Что?

- Тихо, не перебивай. Нашли его в чужой квартире и при таких обстоятельствах, что хуже некуда. Алло, ты слушаешь? По телефону не могу про все. Кафешку знаешь на Ленинском? Рядом с нашей конторой? То ли "Факел", то ли "Вымпел".

- "Импульс"?

- Точно. Через часок будь там.

- Слушай, изверг, ты поконкретней-то скажи, в чем дело!

- Там, Валера, все там узнаешь. Подозреваемый твой братан, причем крепко. Убийство с отягчающими. Бывай.

Коляда осторожно, словно хрустальную, опустил трубку на рычаг и уставился на нее в недоумении. Ну и денек начинается!

Центральная городская артерия, названная, как и положено, именем вождя революции, кишела транспортом. Троллейбус продвигался по ней неспешно, будто разомдел от солнышка и мечтал застопориться вовсе. Пассажиры, внутри плотно стиснутые, героически истекали потом. Коляда, худошавый и жилистый, не страдал особо ни от духоты, ни от давки, да и думал сейчас совсем о другом. Игорек, куда ты еще умудрился влезть? Двоюродные братья, они были с детства не похожи. Коляда - расчетливый реалист, не боявшийся проблем, но умеющий их избегать. Игорь Дымовцев - романтик вечный и неисправимый, искатель приключений на свою голову (и не только голову). С самого детства какие-то турпоходы, мечты стать космонавтом, потом летчиком и еще кем-то там.

Сделался, в конце концов, журналистом и долго получал по мозгам от начальства. Колхозно-заводские темы ему казались скучными, искал остренькое, о чем и говорить-то не положено было. Повезло Игорю с исторической эпохой - грянули вдруг большие перемены, и все стало можно. Карьера его пошла в гору, а несколько крутых статей помогли слепить какое-никакое, но имя. И вот тебе раз - подозреваемый. А ведь был тот звонок последний, когда Валерий Петрович нутром почуял плохое в голосе, в словах. Та-ак, дай Бог памяти, о чем же тогда шел разговор?

Кафе "Импульс" стояло на оживленном перекрестке, и от посетителей отбою не было. Кобрин был уже тут, уплетая за столиком манты. Коляда он жестом предложил присоединиться, но тот поморщился красноречиво - жарко, мол. Секунду поразмыслив, прикупил стакан какого-то сока и устроился рядом с любителем восточной кухни. Сок был приторно сладким и теплым, а Кобрин уходить не спешил.

- Не отравись смотри, - грустным голосом пожелал ему Коляда и вышел на воздух. Уютные лавочки стояли в тени тополей, травка зеленела, только птичек не было певчих. Коляда смирился с этим обстоятельством и присел на скамейку, наблюдая за кафе. Кобрин вышел минут через пять, неспешно закурил и побрел в его сторону. Подобная скорость указывала на плохое настроение - ох как не хотелось майору делиться с кем-то *такими* новостями. Кумекал на ходу, как бы изложить все помягче, но слова в голову не шли. Жарко, что поделаешь.

- А ты не изменился совсем, - окнул, подойдя, цепким взглядом Коляду с ног до головы. - И стареть ведь не собираешься.

- А чего нам стареть? У нас работенка без нервов, - строгой да ножичком ковыряй.

Сам Кобрин особым здоровьем не блистал. Хоть и держал форму спортивную, но мешки под глазами набрякли, морщины на лбу как рубленые. Укатали сливки... И лет-то ему всего-ничего.

- Ладно, кончаем лирику, - Саня докурил двумя затяжками сигарету и весь вдруг как-то подобрался, помолодел даже. - Насчет Игоря мне утром сообщили. Мужики у него знакомые оказались в ихнем райотделе. Короче, ночью вызов поступает. Звонит парень, так, мол, и так - я человека убил и не хочу больше жить. И адресок дает. Это Игорева соседу квартира. И они там вдвоем. Соседу уже ничего не нужно в этом мире, а братан твой живой еще. Он себе, якобы, вены вскрыл. Клиническая смерть почти. Хорошо - патрульный попался знающий, первую помощь оказал, а там "скорая" прикатила. В реанимации сейчас Игорь.

- Да, ты говорил, - Коляда сбил пепел о скамейку и потер висок. - Как был убит этот... сосед?

- Во, правильный вопрос. Братан твой никогда, случаем, каратэ не увлеклся?

- Нет, он все больше авторучкой воевал. То есть, воюет.

- Да. Так вот, парня этого убили кухонным ножом. Игоревым, кстати. Но до этого был и еще один удар - узким тупым предметом по горлу. Кадык сломан. Этого одного может быть достаточно для смерти. И как я представляю, били ребром ладони. Ударчик профессиональный, поставленный. Вот тут и рисуется неувязочка с официальной версией. Там-то они вроде как по пьяни сцепились. Пара бутылок на столе, закусон, то-се. Ну и у Игоря тоже какой-то сабантуйчик был. Ничего версия, вот только тот удар совсем лишний. Сосед, кстати, был паренек не из слабых, где-то там служил в свое время, тренированный. Так что его стукнуть еще суметь надо было.

- Ясно. А кто в дежурку звонил, выяснили?

- Да есть там запись. От имени твоего братца, но голос, вроде, не его. Экспертиза нужна, а стоит она знаешь сколько?

- Так что, в финансах проблема? - Коляда взглянул с прищуром.

- Не придуривайся, Валерка, знаешь ведь все сам. Никому из них - Кобрин ткнул пальцем вверх, - не нужен новый висяк. Вот оно дело, а вот он убийца, и все доказательства на месте. В прокуратуру собираются передавать со дня на день. И в такой обстановке назначать экспертизу...

- Опять ясно. - Коляда пульнул "бычок" в траву и задумался.

Было о чем. Прав ведь Кобрин на все сто. Это только в романчиках детективных доблестный сыскарь находит непостижимым образом улики, будто зная все наперед. В жизни убийцы либо ловятся сразу, либо не ловятся вообще. И коль уж человек лежит рядом с трупом, да еще держит в руках нож, то... что уж тут мудрить.

Посидели, помолчали минут пяток. Коляда, разглядывая задумчиво транспортный затор, выудил из пачки вторую сигарету, но прикуривать не стал.

- Знаешь, Саня, у нас ведь с ним разговорчик один был не так давно. Телефонный. Звонит, короче, под вечер. Я-то сейчас отпускной, целыми днями дома, строгою на заказ. Так вот, значит, голос испуганный и с ходу мне выдает, что звонит из автомата. По-домашнему, мол, говорить не может.

- Прослушка что ли? - в глазах Кобрина вспыхнули искорки интереса.

- Ну да, он так сказал. Нашел, говорит, интересный матерьяльчик и может всякое быть. Обещался в крайнем случае передать се прямо тебе.

- А конкретнее?

- Да было б чего. Знаешь ведь Игоря - вечно тень на плетень наводит. Намекнул, что связано как-то с местной мафией. Серьезный, мол, человек затронут.

- Мафия? - Кобрин скривился скептически и головой даже потряс. - Чего он мог нового про них собрать, что мы не знаем? Анкетные данные даже есть. Время такое сейчас - никто особо и не прячется.

Коляда пожал плечами и убрал сигарету обратно в пачку.

- Не знаю, Саня, не знаю. Так что думаешь делать?

- Ничего, Валер. Почти ничего. Будь вместо Игоря кто другой, давно бы сдал со всеми потрохами в прокуратуру, потому как дело почти ясное. А сейчас все, что я могу, так это удерживать наших боссов от такого шага.

- А искать кто будет? - вопрос был почти риторическим. Понял Коляда что к чему, давно понял. Он вообще был мужик понятливый.

- Ты ведь опер, Коляда. Хоть бывший, но опер. А мы из тебя слепим частного детектива без лицензии. Кстати, с моей стороны это должностное преступление, так что, если что не так, я тебе добро на сыск не давал.

- Да ясно, ясно, - у Коляды внезапно заболела голова. - Я все распутаю, дам тебе наколку, а ты с ходу лепишь красивое дело. В итоге становишься подполковником Кобриним. Так?

- Хм. А подозреваемый Дымовцев опять становится просто Игорем. Или тебя что-то не устраивает?

- Да нет, все в норме. Ты на работу не опоздаешь?

Кобрин взглянул на часы и кивнул уныло:

- Пора, брат, пора. Ну, давай, Холмс, действуй.

Коляда пожал ему руку чуть сильнее обычного и проникновенным тоном сообщил:

- А ты ведь карьерист, Саня, и скажи мне, если я не прав.

- Да иди ты...

Кобрин пружинисто зашагал прочь. Плоховато у него было с чувством юмора.

3

Виктор Сергеевич Черемной, подобно великому русскому поэту, любил осень. Причины, правда, были вполне прозаические - жара проклятая допекла. В такую погоду хорошо "скупнуться" в бассейне или по-простому - на речке. Черемной вздохнул и выудил из кейса-холодильника банку пива. Э-эх, жизнь! Непосвященному зрителю Виктор Сергеевич мог показаться лошеным интеллигентом - породистое лицо, борода, живой ум в глазах. Зимой и летом Черемной предпочитал классический стиль в одежде - костюм от Кардена, рубашка от Версаке, галстук модных тонов. Стоило, однако, присмотреться получше, чтобы почуять в этом человеке опасную силу - могучий торс под дорогим пиджаком, кошачья мягкость движений и что-то неуловимое во взгляде. Бывший мастер спорта по боксу в тяжелом весе, ныне Черемной возглавлял одну из городских преступных группировок. Имя его знали далеко за пределами крупного сибирского города. Команду свою Виктор Сергеевич скомпоновал из бывших спортсменов,

уголовников не брал. Ходили слухи, что блатные в свою очередь недолюбливают его, считая дилетантом - не сидел, не привлекался, то-се. Так или иначе, но по сей день Черемной с положенцем - воровским авторитетом местного масштаба - руки друг другу подавали.

Сейчас, в середине июльского дня, Виктор Сергеевич отдыхал от дел в офисе с кондиционером. Ждал. В этой работе ждать приходилось частенько, такие дела. Тихий шорох автомобильных шин долетел, наконец, с улицы. Во-от он, родимый. Спустя минуту, в кабинет заглянул Гарик - двухметровый "шкаф", исполнявший обязанности телохранителя. Как подозревал Черемной, ничем кроме мускулатуры Гарик не обладал, но был, по крайней мере, предан хозяину.

- Виктор Сергеевич, там это... мужик какой-то.

- Впусти, - Черемной подтянул узел галстука, выпрямился на стуле и суровым взглядом встретил гостя.

Низенький пухлый мужичок остановился на пороге - приходилось ему уже бывать в этом кабинете. Воспоминания остались не из лучших.

- Входите, Пал Васильич, входите, - радушно пригласил хозяин, не делая попыток встать навстречу. Мужичок кивнул сам себе, вошел и потянулся через стол, чтобы пожать Черемному руку.

- Пиво? Минералку?

- Да, пожалуйста, - гость был одет в дорогой летний костюм и сейчас обмахивался лапами пиджака, пытаясь охладиться.

- Жарко на улице-то? - с ленцой поинтересовался Черемной, двигая по столу банку пива. На мужика он смотрел без особых симпатий. Средней руки торговый работник, тот был поклонником азартных игр и однажды крупно влетел. Платить торгашу ну никак не хотелось, и кредитор вскорости включил ему счетчик. Сумма натикала со многими нулями, и однажды вечером пара бомбардиров напомнила Пал Васильичу, кто есть кто. После этого перепуганный в усмерть торгаш через знакомых связался с Черемным и слезно упросил счетчик вырубить. Сейчас Виктор Сергеевич разглядывал хмуро гостя и думал, как бы поэффектнее преподнести спасительную весть.

- Ты пей пиво, Пал Васильич, пей. Знаешь поговорку такую: "Удар по почкам заменяет литр пива?"

Мужичок поперхнулся и закашлялся, замахал банкой. Черемной перегнулся через стол и пару раз хлопнул по спине.

- Да ты расслабься, друг, не волнуйся. Это я к тому говорю, что люди разные есть. Я, видишь, пивком угошаю, а кто другой мог и по почкам отоварить за все дела. Нехорошо долги-то зажимать. Вон при царе-батюшке дворяне из-за этих дел пулю в лоб пускали себе. Долг чести. Что ж ты себя как дешевка ведешь?

- Виктор Сергеевич, я... я. - Торгаш был напуган не на шутку переменной в голосе хозяина.

- Да не якай ты, слушать тошно. Отмазал я тебя, додика, пожалел. Жить будешь.

- Я это... спасибо, - отозвался мужичок и расслабленно откинулся на спинку стула. По лицу его, несмотря на прохладу, катился градом пот.

- Платок есть у тебя? Оботрись, - посоветовал Черемной и внезапно перешел на "Вы".

- Теперь о деле. За вами, Павел Васильевич, числится неплохая сумма. Все, что натикало на "счетчике", плюс основной долг. А поскольку живем мы в тяжелое время и альтруизм сейчас не в моде, то мне вы оплатите отдельно. Я много не запрошу - половину основного долга в переводе на СКВ. А что это вы побелели, Павел Васильевич? Замерзли? Свежо у меня тут. Ничего, на улице согреетесь. Я вас больше не держу. Кстати, если через три дня денег не будет, я вам свой "счетчик" включу. Всего доброго.

Подойдя к окну, Черемной понаблюдал сквозь жалюзи за идущим к машине посетителем, которого глубоко презирал в душе, но ценил как дойную коровку. Каждому свое.

Минут через несколько, словно почуяв потребность Черемного в новостях, явился Николай. Крутой мужик лет тридцати, он был одним из бригадиров в команде Черемного. Сквозь те же жалюзи Виктор Сергеевич увидел подлетевшую к дому "девятку" и усмехнулся довольно - посетитель был давно ожидаем. Нико-

лай вошел как всегда стремительно, бухнулся в кресло без малого центнером литой мускулатуры и без особых церемоний начал дуть пиво. Ему это позволялось - друзьями они были с Виктором Сергеевичем.

- Вид у тебя потасканный, будто с похмелья, - высказал свои впечатления хозяин и отвернулся к окну.

- Дак воскресенье ж седня, - отозвался бригадир и неторопливо смял пивную жестянку в комок.

- Да ты, по-моему, и в будни не прочь. Ох, введу я для вас для всех штрафные санкции за пьянку. И с тебя в первую очередь брать буду, чтоб злее был. Ладно, закончим пока морали. Дело сделал?

- Дак это, слушай, там без нас все вышло. Примочил его кто-то. У меня один прикормленный в ментовке есть, так говорит, что вроде тот журналист и примочил.

- Тот самый?

- Ну.

- Чего это он?

- Да, говорят, по пьяни. Вроде, махла у них вышла. Не, я в натуре говорю, это не мои сработали.

- Рановато. Ра-но-ва-то, - сказал сам себе Черемной и головой покачал даже.

- С бумажками все на мази?

- Да послал я ребят. Как сделают, звякнут.

- Рановато, - повторил еще раз Виктор Сергеевич и махнул рукой.

- Ладно, что ни делается - все к лучшему. Поддай-ка мне баночку, а то все выглотаешь на халяву-то.

4

Классический вопрос "что делать?" давненько уже не вставал для Коляды ребром. Когда, в свое время, затяжная ночь после травмы ушла, наконец судьба решила дать ему передых. Работу нашел не особо пыльную - резьба по дереву. Платили за качество, и не раз еще Коляда вспомнил добрым словом отца - мастера этих дел. От него остался набор резцов и кое-какие навыки, остальное дали в кооперативе. В свободное время Коляда вырезал на заказ - рамки для зеркал и прочие штуковины. Озолотиться не успел, но на жизнь холостяцкую хватало. Так вот и шли дни. Прошлую жизнь свою, бурную и утомительную, вспоминал сперва как плохой сон, а потом... с ностальгией. Был такой - старший оперуполномоченный уголовного розыска Коляда, бегал с пистолетом, жуликов ловил. И жена у него была, вечно недовольная этой работой. Все, короче, как в том кино. Глядел будто бы кино это самое, да и заснул прямо в зале, а пробудился, когда все уж на выход потянулись, в реальную жизнь. В ту, что теперь - с протезом и стружками.

После ухода Кобрин Коляда с полчаса отдыхал еще на лавочке, курил. На прежней-то работе так бы не засиделся, а сейчас шибко не набегает. Впрочем, нечего из себя калеку строить. Можешь ты и бегать, и прыгать, и наподдать кому-нибудь можешь с любой ноги. А руками так и вовсе - боксом занимался когда-то. Детектив хоть куда, даром что без лицензии... Ствол пока тоже ни к чему - еще в розыскную бытность свою привык на оружие не полагаться. Тогда, конечно, и времена были не те, чего уж там. Это сейчас вон палят друг в дружку почем зря, бандитов как блох развелось. Кстати, о бандитах. Интересно все же узнать, кому Игорек на хвост наступил.

Подумав об этом, Коляда выудил из пакета блокнотик с авторучкой - специально с собой вез. Так-с, это будет план оперативно-розыскных мероприятий. В верхней части нарисовал человеческую фигурку - Игорь. Версия № 1 - "бандитская". Теперь стрелку вниз и пункт первый - "бумаги". Какие-то ведь собрал он документики или еще что. Матерьяльчик тот самый. Где он - дома у Игоря, или, может, у Марины? Марина была весьма близкой Игоревой подружкой, если не сказать больше. Расписываться братан не спешил, и Коляда, слушая Марины жалобы по этому поводу, поддерживал его втайне. Это дело всегда подождет, было бы желание. Та-ак, значит, Марина. Она была в командировке, нынче как раз должна приехать. Ладно, двигаем дальше - альтернативная версия. Все случилось так, как выглядит, и Игорек впрямь угрохал соседа. Не верится, но

учтем - жизнь ведь штука сложная. Стоп, кстати про соседа. Он-то кому помешал? Ну, тюкнули бы одного Игорька, зачем же лишний труп? Два варианта - либо с братом разбирались, а сосед заступился, либо тот сам к этому каким-то боком причастен. Коляда нарисовал еще квадратик - "сосед". Кто такой, чем дышит? Это у Сани Кобрина узнать, должно быть, досье.

Еще с полчаса Валерий Петрович увлеченно строчил в блокноте, затем убрал его с глаз долой. Для начала - перекусить (с утра не жрамши) и - вперед, заре навстречу.

Марина Ковалева (потенциальная Дымовцева) жила в одной из хрущевской застройки пятиэтажек, район этот воздвигали в свое время поточным методом, из-за чего прилипло к нему навечно странное имячко "Поток". Миновав густую тень дворов, Коляда издали засек объект своего интереса. Марина договаривалась о чем-то с явно алкогольного вида мужичком в спортивных штанах и кирпичного цвета майке. Еще трое подобных ему устроились за вкопанным в землю столиком, забивая "козла". При виде Коляды Марина руками даже всплеснула от радости и издали начала что-то объяснять. Валерий Петрович, подарив ей белозубую улыбку, отметил заодно командировочный Маринин чемоданчик на лавочке у подъезда.

- Валера, как вовремя. Представляешь, нас хотели обокрасть! Представляешь, мама с отцом на дачу, видать, укатили, а я теперь не могу домой зайти!

- Стоп! Давай по порядку. Кто хотел, почему расхотел и тэ дэ.

Тут же выяснилось, что неведомый гость сломал, слава Богу, в замке отмычку (хороший замочек, германский) и попасть в дом не смог. Судьбу его, однако, разделяла теперь и сама хозяйка. Всею эту массу информации Марина выдала в буре чувств, не обращая больше внимания на алкогольного мужичка. Тот пару минут размышлял, затем спросил-перебил:

- Слышь, хозяйка, так тебе открывать или как?

- Бутылку требует! - с непонятной обидой кивнула на него Марина.

Коляда оценил мужика взглядом - не похож, вроде, на вора, хотя, кто знает - затем кивнул Марине:

- Вполне законная просьба. Человек серьезный, берет только валютой. Тащи, друг, пассатижи и будем кумекать.

Замок и впрямь был хороший. Огрызок отмычки торчал из него на пару миллиметров и поддаваться не желал. Дремавший доселе талант взломщика привел в конце концов Коляду к победе, и дверь поддалась произволу. Заглянув в возделенное жилище, Валерий Петрович присвистнул тихонько. Гость-то, выходит, невежливый был, и отмычку сломал уже уходя. Надо полагать - вместо благодарности. До этого он успел пройтись по комнатам, как вольный ветер.

- Что... Что это такое? - растерянно пролепетала Марина, обманутая в лучших чувствах, и метнулась было в комнату, но Коляда прихватил ее за рукав:

- Тихо. Пальчики сотрешь. Я так думаю, что тут без них не обошлось. Игорь тебе давал что-нибудь на хранение?

- А? - Не до конца еще опомнилась хозяйка.

- Бумаги. Какие-нибудь папки, блокноты?

- Д-да. Была такая беленькая, с заявками.

- Найди. Быстрее, детка моя, и хрен с ними, с отпечатками. - Распорядился Коляда устало и на что-то еще надеясь. Зря. Исчез матерьяльчик, как и следовало ожидать.

С ближайшего автомата Валерий Петрович набрал кобринский номер, улыбувшись своим мыслям. Что ж, как говорил один наш деятель - "Процесс пошел". А отсутствие результата - тоже результат.

5

- Он никогда не любил попадать в струю, - произнес задумчиво Арсений Векшин и тут же запнулся:

- Извините, что я в прошедшем времени ляпнул.

Они сидели в мягких креслах длинного редакционного коридора. Неплохо бы в каждой конторе поставить такие седушки для посетителей - подумалось и забылось тут же. Арсений Векшин, вызванный на пару минут безеды, был долговязым блондином с постоянно настороженным выражением глаз. В каждом

встречном он, казалось, видел источник потенциальной опасности. Коляда с ходу решил особенно не мудрить и назвал сам собой - братом подозреваемого и еще Бог знает какого. Векшин при знакомстве изобразил на лице подобающее случаю выражение печали и заявил, что милиция с ним уже говорила:

- Понимаете, люди вчера были приглашены почти случайные. У нас тут в последнее время все на голове стоит - народ уходит, берут новеньких. А у Игоря вообще друзей было маловато, хотя он парень прекрасный. И тут вот загорелся идеей пригласить этих самых новеньких, собрать большую компанию...

Арсений внезапно смолк и к чему-то прислушался. Коляда попробовал уловить причину, но уху простого смертного это было явно не под силу.

- Вышла полная ерунда, - продолжил Векшин, как ни в чем не бывало, спустя полминуты. - Знаете, толпа разношерстная, все разбилась на кучки по интересам и забыли, к кому и зачем пришли. А Игорь попросту начал упиваться.

- Он пил больше других?

- Знаете, я бы сказал не *больше*, а *крепче*. Мешал водку с пивом, с шампанским. Я вообще думаю, что он всю эту толпу созвал, чтобы выпасть.

- Что сделать?

- Выпасть. Из реальности. Ну вы понимаете, - много народу, то-се. Мне кажется, он весь напитан был страхом, аж светился.

- Скажите, Арсений...

- Сеня. Так привычной.

- Ну лады, Сеня. Я понимаю - сор из избы, то-се, но это останется между нами. Могли на него давить здесь, в редакции?

Договорить Коляда не успел, ибо Сеня энергично затряс головой:

- Нет, нет и нет. В том смысле, что атмосфера для него тут самая что ни на есть кислородная.

Векшин опять прислушался и выдал ту самую фразу насчет Игоря и струи.

- Знаете, в *те* времена ему доставалось крепко. И в переходный период тоже. Как-то так получалось, что он всегда вылезал чуть вперед, куда все прочие еще не доползли. Деятели, бывало, ругал не как все нормальные люди - посмертно, а совсем наоборот. А все, что делалось *можно*, для Игоря становилось неинтересным. Вмиг. Помнится, перед известными событиями девятнадцатого августа сделал он статью в пику партии родной. Крепкий был материал, а тут и гром грянул. Путь подавлен, всеобщее "ура". Тут бы ему это дело и пропечатать, как раз в цвет. Так нет же - скучно стало. Партию, говорит, разогнали, а вдогонку орать не хочется. Так и схоронил статью на полполосы в мусорной корзине.

- Да, водится за Игорьком такое. Кстати, о чем он писал в последнее время?

- Да-да, я как раз перехожу. Знаете, не так давно - с год назад - Игорь увлекся организованной преступностью. Начал копать. Встречался с этими людьми, интервью брал. Словом, много чего накопилось. Помню, у одной статейки такое крутое название "Тень над городом". Очень подробно описаны группировки, лидеры, сферы влияния и все прочее. Досье, одним словом у Игоря талант был искать подходы к этим самым "новым русским". И никогда, заметьте, никогда его не трогали. А неделю назад что-то произошло. Изменился Игорь, стал какой-то психованный, напряженный...

Коляда едва не хмыкнул - чья бы корова мычала... Сеня, однако, ничего не заметил.

- И на этом юбилее, представьте, все веселятся, бухают по-черному, тосты всякие доходчивые. И вдруг Игорь встает во весь рост и говорит: "Будем живы". Тоном таким похоронным и безо всякой улыбки. Выдул водяры граммов двести и пошел на кухню пивом запить. И, знаете, гости после этого вмиг разбежались, как почували.

- Н-да, ясноенько. Глупый вопрос, но где можно прочитать его последние статьи. Если только подшивку рыть...

- Да не надо! - обрадовался почему-то Сеня:

- У Игоря привычка была все свои статейки вырезать - и в папку. Только я это дело уже в милицию отдал, они спрашивали тоже.

- Хорошо. В милицию - это хорошо. Ладно, Сеня, извини, что отвлек. Пойду я в больницу, к Игорьку сгоняю.

Коляда уже повернулся было идти, когда Векшин подал голос:

- Валерий Петрович! Знаете, одна вещь вспомнилась. Вчера мы когда на кухне сидели, Игорь мне сказал, что, мол, информацию ему подарили какую-то. Именно так - "подарили". И что, мол, теперь будут всякие последствия. А кто, что и как - молчок. Интересно, да?

Бывают в любом деле этапы, которые Коляда называл "следственным запором". Грубовато, но в точку. Этапы, когда оперы впустую день за днем роют носом землю, следователь исписывает гору пустых бумаг, а начальство собирает над головой грозовые тучи. Сейчас наступало что-то похожее, вот только не было ни начальников, ни подчиненных. Брат Игорь по-прежнему пребывал в состоянии тяжелом, и вместе с ним обрывалась единственная ниточка. Как успел уже выяснить Коляда, никаких бумаг при обыске на Игоревой квартире не нашли. Передал, очевидно, все интересное Марине, и вот тебе, бабушка, Юрьев день.

Валерий Степанович отпил глоток чаю и откинулся на спинку дивана. Вечер этого суматошного дня решено было провести именно так - дома, в глубоких раздумьях. Снимите шляпу - Холмс размышляет. В отличие от зарубежных коллег Коляда не любил ни кофе, ни трубку, предпочитая крепкий, как деготь, чай. Напиток этот полагалось пить без сахара, иначе сердце посадишь с ходу.

Вопрос: Насколько оправданы слухи о грядущей войне между преступными группировками города?

Ответ: Полная ерунда. Серьезные люди сейчас претензий друг к другу не имеют. Все беспорядки идут от мелкой шпаны и залетных беспредельщиков. С такими мы разбираемся сами.

Вопрос: Выходит, что вы служите охране порядка? К тому же...

Коляда сделал еще глоток и отложил статью. В глазах рябило уже от газетного шрифта, а толку - на ноль. Папку с Игоревыми статьями удалось добыть в кобринской конторе, куда доставил ее какой-то ретивый опер. Как верно предположил Кобрин, ничего особенного Игорь накопить не успел. Иерархия городского преступного мира, данная им, грешила неточностями, а в одном месте Коляда откровенно рассмеялся:

По неподтвержденным данным, лидером этой бригады является "вор в законе" известный под кличкой "Петух"...

Бывший опер, дойдя до этого слова, едва не расплескал остатки чая на колени. Для любого приклатненного страшней "петуха" оскорбления нет. За такое с ходу суют заточку под ребро, а уж говорить про "вора в законе"... Охо-хо, Игорек, накропал ты, однако. Вот уж точно "неподтвержденные данные". Повеселились, однако, твои источники, выкладывая тебе "секретную информацию". Как в том анекдоте - вилка на кухне, а лапша у тебя на ушах. Коляда убрал вырезки в папку, потеряв к ним интерес. Вряд ли ты, брат, нашел нечто, за что тебя могли приговорить, если прочие твои осведомители были того же плана. Почитаем на досуге, но не сейчас. Что там у нас дальше? Дальше шло маленькое досье на соседа-потерпевшего - два машинописных листка и несколько фотографий. Молодой был парень Воронцов Константин Михайлович - с шестидесяти восьмого года. Четверть века и то не прожил. С цветного фото глядел плечистый хлопек в форме с аксельбантом и голубом берете. Десантура. Снято на фоне красного знамени. На обратной стороне фотографии карандашная дата "1987". Если призвали в восемьдесят шестом, то к этому времени был ты, друг, еще салагой. А смотри-ка, у знамени шелкнулся - не каждому "деду" это удастся. Видать, успехи делал. Грудь в значках - спортсмен классный. Ну-ну. На следующем снимке Воронцов в комбинезоне с множеством карманов, в руках - укороченный "калашник". Здесь тоже была подпись. "Это я такой крутой - 1988". Н-да, вон тебя куда спортивные успехи завели. Коляда вчитался в листок, с ходу отыскав нужную строчку "...исполнил интернациональный долг на территории ДРА." Афганец, выходит. Так-так. А вот это фото, наверное, уже после дембеля - скуластое лицо, взгляд жесткий, шрам на щеке. Тебе тут все тридцать дашь и немудрено - "в июле 1988 года с тяжелым ранением госпитализирован. Впоследствии комиссован. До декабря 1989 г. работал грузчиком на ж/д вокзале. В дальнейшем, по неподтвержденным данным, преподавал восточные единоборства в одной из частных спортивных секций города..." Опять эти "неподтвержденные

данные"! Ох уж они мне. Коляда потянулся к телефону и набрал номер. Кобрин, несмотря на поздний час, все еще обретался в кабинете и был явно не в восторге от этого:

- Валер, давай в темпе, чего у тебя там!

- Торопишься? Как говаривали наши предки - поспешишь, лю... Ладно, ладно, все, молчу. Слушай, что у тебя здесь за фразочка такая...

- Как написано, так и понимай! - бурно разъяснил Кобрин, поняв суть дела. - Знаешь такое понятие: "Одна баба сказала"? Вот тут как раз тот случай. В подъезде про этого парня ничего не знают, ни с кем особо не контактил. Родители погибли давным-давно, жил с бабкой, которая с год назад померла, мир праху ее. Других родственников нет. Так что сведения по крупницам наскребали. А насчет каратэ всяких пацаны рассказали из ихнего двора. Они его еще с детства помнят, он тогда уже где-то занимался, драться, мол, классно умел, но насчет преподавания они точно не знают. Нет, я никого не посылал искать...

Коляда еще минут пять пытался узнать что-то новое и, наконец, положил трубку. Ладони знакомо чесались - от накатившего волной охотничьего азарта. Оставим на время чаек с бумагами - бежать пора. Волка ноги кормят. Пацаны во дворе, значит? С детства помнят, значит? Вот она, ниточка к "неподтвержденным данным" сама в руки лезет.

Время было совсем еще детское - десятый час. Над городом только-только нависли поздние летние сумерки. Любил Коляда эту пору, когда раскаленные за день цветы и деревья источают в прохладном воздухе пряный аромат, а по улицам прогуливаются беззаботные люди. Двор Игорева пятиэтажки походил на сотни таких же близнецов-братьев - с неизменной тенью тополей, цветниками у подъездов и врытыми в землю столиками-лавочками. За одним прочно уместились столь же традиционные доминошники, а объекты поиска сидели подальше. Кучка хлопцев - от пятнадцати и старше, пара девчонок, гитара, дымок сигаретный. Все как положено. Коляда бодро зашел в подъезд с чемоданчиком в руках, выждал пару минут и явился обратно пред взоры людские. Для возможного наблюдателя изобразил на лице крайнее удивление. Огляделся задумчиво и пошел, не торопясь, на струнный звон. Компашка с его приближением затихла, глядела на незваного гостя без особой радости.

- Привет, ребята.

- Здорово, мужик, - отозвался кто-то из малолеток и хихикнул, но тут же смолк.

Прочие смеяться не спешили - постарше были, поумнее. Разглядывали, изучая, подтянутую фигуру, фирменный прикид, бугры мускул под футболкой. Крепкий мужик, непростой. Хамить, во всяком случае пока, не следовало, даже при подружках - можно и по ушам схлопотать.

- Подскажите, хлопцы, что там с Костей Воронцовым случилось?

- Так его ж убили.

- Что?

Повторять никто не стал. Коляда с явным недоверием оглядел всех сидящих, прочитал в глазах правду и окаменел лицом. Скупую мужскую слезу, однако, сдержал и как-то рассеянно зашарил рукой по карманам. Выудил пачку "Кэмэла", но закуривать медлил.

- Так, слушайте, когда же это...

- Дядя, а вы тоже шпиен? - опять нахальный малолетка.

- Что? А, ну да, шпиен, - не заметил Коляда шпильки. - А вообще-то я его давний друг. Нынче только приехал вот...

Компания зашевелилась, потеплела лицами. Дружба - дело святое. Один из парней - качок лет двадцати, явный авторитет двора, взглянул вполне сочувственно:

- Да ты садись, мужик, че стоять. Хава, подвинься своей задницей, дай человеку сесть.

Место на лавочке тут же нашлось. Коляда кивнул коротко, уселся и без предисловий протянул руку качку:

- Валерий.

- Леха.

Следом протянул пачку "Кэмэла":

- Курите, хлопцы.

Хлопцы закурили с явным удовольствием. Посидели, помолчали для приличия.

- Понимаешь, пять лет не видел. Сегодня прикатил, думаю - зайти надо. А там дверь опечатана.

- Сосед его зарезал. Тут ночью седня такой хипиж подняли - охренеть! "Бобонов" ментовских штуки три, "скорая" еще, все с сиренами. А потом, утром уже, по дому ходили, выпрашивали.

- Милиция?

- Ну а кто ж? И про соседа потом узнали. По пьяни заколол и сам себе вены порезал.

Коляда присвистнул и головой покачал.

- Как же он с Константином справился? С таким бойцом!

- Да говорю ж, бухие они были оба. А так-то, конечно. Сосед тот ваше дохлый, а Костян круто хлестаться умел.

- Знаю. Мы с ним служили вместе, только я - капитан, а он - рядовой. И вышло так, что спас он меня, раненого вытащил.

- Это в Афгане что ли?

Коляда кивнул быстро и затянулся сигаретой. Противно было врать на такие темы, но что поделать. Ложь во благо. Пацаны вон совсем оттаяли, с уважением глядят. И никто ведь не усомнился даже. Эх, Коляда, большой актер в тебе гибнет.

- Он нам как-то говорил про те дела. А ваше-то мы сильно с ним не корифанились. Первый год после дембеля еще было, а потом все.

- А что так?

- Да он шибко крутым заделался. Сперва в одном подвале каратэ вел, а потом к какой-то шишке устроился в охрану. Ваше стал круче тучи - на тачках все время катался, с нами еле здоровался.

- Да? А что за шишка такая, если не секрет?

Леяда пожал плечами молча, сплюнул под ноги.

- Костян много не трепался. Так, ляпнул однажды, мол, - большого человека стерегу и все. Это я как раз к нему хотел на каратэ записаться. Он сперва-то все ходил, вербовал желающих по дворам, а потом перестал. Ну а я где-то через год после этого спросил, он и говорит - все, облом. Секция, мол, есть, но я не веду.

- Ясненько. Секреты, значит, держал. Да что-то сомневаюсь я, чтобы Константин в охрану пошел. Он, помню, гордый был, свободный. А охранник - та же "шестерка", за хозяина рискует. Сомневаюсь.

- Да ты че, мужик, не веришь? Говорю ж, на иномарке он постоянно ездил - подвозили его. Свою-то, видать, не заработал еще. Кстати, седня днем какие-то двое подкатили, спрашивали тоже, как и что. Это уже после ментов.

- Тоже охранники?

- Да хрен их знает. Но крутые, сразу видать. На "вольвешнике" приехали, амбалы вроде меня. Мы, говорят, шпиены и хотим сведения узнать, кто кого убил и почему двери заклеены. Перекурили с нами, побазарили и уехали.

Коляда досмолил чинарик и втоптал в землю:

- Ладно, спасибо, хлопцы, за компанию, поеду. Хотел поподробнее узнать про Константина, как он тут, а вы, видишь, не в курсе. Слушайте, а где этот его подвал каратэшный? Там, может, кто получше знаком...

Уходил Коляда по темноте, унося в кармане кой-какие записи. Автобусы ходили плохо, комары кусались нешадно, но настроения это не испортило.

Дома, едва Коляда успел разуться, забренчал телефон. Надо ж, как удачно. Голос в трубке показался знакомым:

- Еще раз здравствуйте, это Векшин из редакции. Узнали? Я тут случайно вспомнил - Игорь последнюю неделю обретался на вокзале. Может, и дольше.

- Вокзале?

- Ну да. Он сам как-то обмолвился. Все ночами туда катал, да шутил еще: мол, девочек снимаю, пока подружка в отъезде. Как вы думаете, может, это имеет отношение...

- Узнаем. Обязательно. Благодарю за помощь.

Несмотря на поздний час, Коляда заварил крепкого чаю и вытащил заветный свой блокнотик. Нарисуем два новых кружка - "секция" и "шишка". А вокзал-то тут при чем?

Вокзалы наших городов похожи друг на друга, как сямские близнецы. Как ни латай снаружи, а никуда не денешь толкучку, грязь и бомжей вкупе с цыганами. Ночью все живое тут делилось на спящих и неспящих. Ко второй категории относился неприметный с виду мужичок - проводник с одного из транзитных составов. Сформированный в знойной Азии, поезд принес сибирскому городу очередную порцию беженцев и урючно-изюмных торговцев. Мужичок-проводник разделался, наконец, с обязанностями и топтался теперь у вагона, выглядывая чего-то в ночи. Стоянка здесь была долгой, но не отдыхалось проводнику. Курил, щуря азиатские глаза, почесывал щетинистый подбородок. Ждал. Наконец ожидания сбылись - на дальнем конце перрона возникли три плечистых фигуры. Обладатели таковых приближались неспешно, и на лице проводника отразилась гамма чувств. Чего-то не того он дожидался, это уж точно. Получатель всегда приходил один, дабы в глаза не бросаться. А теперь... Не по себе стало мужичку, сигарету он бросил и переминался с ноги на ногу. Троица подошла, один - квадратный, стриженный, с толстой золотой цепью на шее, хлопнул широкой ладонью по плечу:

- Привет, корешок. Как она, жизнь?
- Хорошо, да, - суетливо закивал узбек и взглядом указал на оставшуюся пару.
- А это, корешок, свои люди. Для здоровья полезнее. Тащи давай. - Мужичок нырнул в вагон, появившись вскоре с объемным чемоданом. Тяжело было мужичку. Квадратный, однако, ношу не принял, лишь кивнул:
- Молодец, друган. Слушай, пошли до "тачки" донесешь, а то у меня че-то рука болит.

- Не-е, не договаривались. Ты почему? - удивился проводник и как-то побелел весь.

- Шас зато договорились. Тащи давай.

- Не-е! Моя дело привезти. Забирай. - Чемодан бухнулся на асфальт.

- Да ты чо, корешок? Мы ж к тебе разговор имеем, а ты никак. Не уважаешь что ли, говнюк?

Квадратный одним движением поймал мужичка за плечо и коротко ткнул пальцем в печень. Проводник заскулил и согнулся от боли.

- Ты кому, петух позорный, хайло раскрывал? С кем базары разводил? Ну!

- Не-е! Моя говорить плехо. Но понимать. - Невесть с чего проводник начал коверкать слова.

- Не понимаешь? - Голос квадратного звучал почти ласково. - Ну, ладно, корешок, шас прокатимся, - там все и вспомнишь.

Они двинулись к зданию вокзала - квадратный с проводником рядом, как лучшие друзья, остальные двое почетным караулом позади. Мужичок судорожно перебирал в уме варианты спасения - в дальнейшей своей судьбе сомневаться не приходилось. Надо ж было купиться на те баксы, будь прокляты они и тот шайтан, что предложил сделку. Не хочется к праотцам, ох как не хочется. В какой-то момент узбек решил - гибкой змейкой ускользнул из-под руки квадратного, завопил истошно и кинулся бежать. Догнали его в два прыжка, приласкали коротко под дых и поволокли обмякшим мешком к машине. Один из парней еще пихал в багажник чемодан, когда подошел, поигрывая дубинкой, дежурный милиционер:

- Кто тут кричал?

- А че такое? - квадратный вылез из "тачки", улыбнулся белозубо. - Это кореш наш, товарищ сержант. Нажратый в доску, вот и орет.

- Да? - Патрульный оглядел внимательно собеседника, отмечая саженные плечи, перебитый нос и цепь толщиной в палец. Отметил попутно еще три тени в салоне. Молодой был сержант, но не дурак и потому заулыбался дружелюбно, кивнул:

- Бывает. Ладно, езжайте, мужики.

Хлопнула дверца, заурчал движок. Патрульный проводил машину взглядом и потянулся к рации.

* * *

Этим утром Коляда впервые проснулся рано и в хорошем настроении. Грех, конечно, радоваться, когда такая история, а все ж приятно снова в седло сесть. Вроде и неудобная была седушка, и потряхивало, и натирало, и вылетал с нее, в конце концов, да об землю шваркнулся. А вот, пожалуйста, - уселся по новой и ощущаешь себя как дома. В наплыве благодушия Коляда врубил на всю катушку самсунговский двухкассетник и под ритм чего-то иноземного взялся за тренировку. Измотал себя как следует, повеселел еще больше, жаль только, что в холодильнике было пусто. Пробежал вчера день, а про желудок забыл. Ладно, в городе чего-нибудь порубаем. Дело это, впрочем, было отложено еще на часок - столько понадобилось, чтобы навестить гаражный массив в старой части города. В одной из сварных клетушек ожидал (и дождался) хозяина потрепанной жизнью "Жигуленок" третьей модели. С некоторых пор благодаря непрерывно растущим ценам на бензин средство передвижения превратилось в роскошь и хранилось, соответственно, в сейфе. Долгонок бы еще не увидало оно белого света, кабы не такая история. Оседлав стального коня, Коляда на полном ходу описал дугу перед гаражами, тормознул и свистнул громко. Хорошо, елки-палки! Переулками-закоулками вырвался на широкую улицу и пошел в колонне, проверяя шоферские свои навыки. Причалившись у какого-то кафе, прикупил пару чебурек, в соседнем киоске - бутылочку "пепси" и принял внутрь прямо в машине, теперь можно было вершить большие дела. Запросто.

Пацаны сидели по-японски - на пятках, длинной шеренгой. Все как один - малолетки, в белых кимоно с того же цвета поясами, некоторые и вовсе в трико с майками. Такая группа, наверное, подобралась на утренние часы. Малолеточная. Инструктор, он же сенсей (а может, сэмпай, или как их там кликают) выгладел, впрочем, вполне-вполне. Худой, жилистый, властный. Возраст - чуть за двадцать. Кимоно - белоснежное, пояс - угольно-черный, все как положено. "Макусо ямэ. Татэт!" - сказал сенсей (семпай), и шеренга подпрыгнула разом, выкрикнула хором: "Киай!" и встала на ноги. Настроены пацаны были весьма серьезно, без балдежа. Да и подвальчик этот был оформлен с солидной основательностью, в восточном стиле - бамбуковые панели, плетеные циновки-татами, доскуты ткани с начертанными иероглифами. Портрет седого японского старца глядел со стены мудро и испытующе. "Фунакоши, или этот... Ояма?" - подумалось Коляде. Фамилии были на слуху, но всерьез каратэ он никогда не занимался - возраст не тот. Это не помешало, впрочем, изобразить живейшую заинтересованность и закончить с обладателем черного пояса. Уже минут через десять Жека, оказавшийся все-таки сэмпаем (помощником учителя), заливался не хуже курского соловья, благо тема вдохновляла - бойцовские достоинства Константина Воронцова. Последний был в числе легендарных основателей данной секции и почитался тут не хуже пресловутого Оямы.

- Я тогда еще салагой был, когда он группу набрал. Но он со всеми на равных, если че не поймешь - работает с тобой до одурения.

- Да помню. Он и мне тогда помог от толпы отбиться. Один пятерых завалил без проблем, скажи мне, если я не прав.

- Ну так в охрану кого попало не возьмут, - солидно кивнул Жека.

- Охрану? - Коляда вполне удачно изобразил удивление. - Елы-палы, лес густой! А я его хотел к себе телохранителем звать. Это кто же переманил?

- Военная тайна, - хмыкнул сэмпай, но тут же проговорился, не в пример Мальчишу-Кибальчишу: - У крутого какого-то. Я так слышал, что деловой, но неконкретно. Это Славян потом намекал, что кто-то из этих - Жека изобразил рукой пистолет, нацелив его в лоб Коляде.

- А Славян это кто? - осведомился Валерий Петрович вполне осторожно, но сэмпай вдруг что-то в вопросе не понравилось. В глазах блеснул холодок, хотя ответил он нормально:

- Сенсей наш. Они с Костяном по корешам были - одногодки. Он, может, чего поконкретнее знает. А что, проблема?

- Нет проблем у МММ, - рекламной фразой ответил Коляда и улыбнулся как мог простодушно:

- Говорю ж тебе, брат, отбойщик мне нужен. Телохранитель.

- А-а, ясно. А вы не из органов случаем?

Коляда сумел не выдать эмоций, хотя и удивился крупно. Дальше туфту гнать было бесполезно. Пойдем другим путем.

- Тебе бы опером быть, хлопец. А ты у нас кто? Хоп! - Валерий Петрович внезапно движением рубанул рукой, целясь вполсилы по горлу собеседника. Своего добился - удивил, ошеломил. Рука наткнулась на жесткий блок, поставленный машинально, но в глазах Жекиных было полное непонимание - то ли драка, то ли шутка. Опережая возможную реакцию, Коляда улыбнулся на все тридцать два зуба.

- Реакция есть - дети будут. У Кости тоже реакция была, а не будет ни детей, ни жены, ни тихой старости. Убили Костю, понял, пацан?

Не знал хлопец еще про сей прискорбный факт. На лице, по крайней мере, отразились все положенные чувства, ничего лишнего. Коляда решил дожать, пока не поздно:

- И убили, представь себе, таким вот ударом по шее. Это с его-то привычками. Вот скажи мне с ходу, кто мог это исполнить, а?

- Так вы из органов или как? - Жека поддаваться не спешил.

- Это имеет значение? А если я просто друг, знакомый? Частное лицо, елыпалы, лес густой! Помочь мне не захочешь?

- Смотря какая помощь. Я не понял, кто вы, и что я со всего этого буду иметь, - ладнокровно отозвался сэмпай и перевел взгляд на бамбуковую стену.

- Многое, брат, многое. Свободу, например. Ты мне сейчас скажешь, что ни в чем не замазан. Так вот я тебе отвечу, что дело это у органов любимых твоих идет туго. Биографию покойного они знают через раз, а насчет данного подземелья вообще, я думаю, не в курсе. Придется, наверное, им намекнуть, как ты считаешь?

- И что с того?

- Я, Жека, с грустью убеждаюсь, что быстрота реакции тела ухудшает быстроту соображения. Тормозишь, брат. Представь ситуацию - Константин ужинает с кем-то у себя дома, распивает напитки, после чего этот "кто-то" запросто ломает вашему мастеру шею. Одним ударом. Естественно предположить, что гость владеет этим делом не хуже хозяина. А тут ваша секция как на подносе. Вот такая версия, как тебе?

- Плохо, потому что липовая.

- Ну это вы им будете объяснять. А для них такой вариант очень даже ничего и вполне укладывается в схему. Может, и не докажут, но нервы попортят. Так ведь? Ну скажи мне, если не прав.

Жека сказать не торопился. Размышлял.

- Что вам нужно?

- Ну вот, приехали. Информации, Жека, информации. Я тебя ни к чему криминальному не склоняю, но мне нужно найти того бойца, кто это сделал. И я его найду. А чтобы не было лишних проблем, хочу побеседовать с вашим Славяном по душам.

- И всего делов? - откровенно обрадовался сэмпай, слагая с себя возможную ответственность. - Вечером он ведет, у другой группы. В семь часов начинается.

- Вот так бы сразу и сказал, - улыбнулся Коляда и хлопнул Жеку по плечу.

- Меня в этой жизни удивляет только одно. Почему самая ерундовая информация всегда достается с такими проблемами.

- Се ля ви, - совсем не по-японски и совсем не оригинально отозвался Жека, завершая приватную беседу.

8

Днем вокзал выглядел ничуть не лучше, чем ночью. Для случайного человека - та же грязь, нищета и столпотворение. Так уж вышло, что Коляда случайным здесь не был - с давних пор корешались с начальником местной милиции. В те годы, правда, Леха Качалов вкалывал простым вокзальным опером, а сыскарь Коляда бегал на двух здоровых ногах, но время, время... Старое знакомство помогало по мелочам - достать билеты в переполненный состав и все такое. Сейчас придется напрямь знакомого посерьезней.

Сидел знакомец в собственном кабинетике, пусть не шикарном (какой там шик у линейных ментов), но определенно начальственным. За годы сидячей работы раздобыл, обзавелся лысиной и брюшком, но сохранил крепость мускулов и профессионально-цепкий взгляд.

- Ка-акие люди в наших скудных апартаментах! - поднялся из-за стола, пожал руку, стул сам подвинул.

Коляда сел, недолго думая, и обозревался с интересом вокруг. Все по-прежнему было в кабинетике - портреты вождей на стенах, стенды какие-то, сейф пузатый в углу. Впечатления свои Валерий Петрович тут же высказал, чем порадовал друга-начальника. Не любил Качалов перемен - ни в кабинетах, ни в политике. Особенно на вверенной ему территории, где во все времена проблем хватало.

- Не надоело, Леха, в гадюшнике работать? - риторический вопрос.

Лехе надоело. Леха с нескрываемой радостью пересел бы в кабинет на Ленинском проспекте, да грехи не пускают. Коляде же, судя по всему, не живется никак в гордом звании мастера-краснодеревщика, и явился он сюда совсем не за билетиками. Или не так?

- Я всегда говорил, что ты гений, и скажи мне, если я не прав. Ну что, сразу излагать или чаю выпьем сперва?

Выпили. Именно чаю. Коляда был за рулем, а Качалов в одиночку не любил. Так что минут через десять дули круто заваренную водичку и мило беседовали по делу. Излагать Валерию Петровичу было особенно-то и нечего. Рассказал все без утайки, помянул добрым словом Игореву коллегу Векшина и завершил на вопросительной ноте.

- Да нет, пожалуй, ничего интересного тут не вспомнить, - отозвался Качалов после секундного размышления:

- Обычная рутина: ворье, наперстки и прочее. Мафии всякие тут ни с какого боку. Хотя, стоп! Вчера что-то похожее. Исчез проводник с транзитного состава, причем весьма круто. Сейчас, погоди один секунд...

Качалов проворно добыл откуда-то папочку, с парой-тройкой рукописных листков.

- Любопытная бумажка, погляди. Это я у себя храню - жуть как не хочется заводить дело.

Бумажка и впрямь оказалась любопытной. Некий Сарацанов в своем заявлении, сам того не ведая, оказал серьезную помощь Коляде лично. Был сей гражданин проводником в том самом транзитном поезде, а помимо того дружил с исчезнувшим Джафаровым Г. А., распивал неоднократно кок-чай и водочку, лепешки кушал. Словом, друзья-коллеги. По прибытии в наш славный сибирский город заявитель забрел на рюмку кефира в джафаровское купе и там ожидал хозяина. Где был тот? На улице, высматривал кого-то. И довысматривался. После чего Сарацанов стал слушателем оживленной беседы, смысл которой приводит ниже.

Коляда прочитал еще пару строк и хмыкнул невесело. Плохая беседа шла той ночью на перроне. После того, как трое неизвестных (Сарацанов видел в окне) поволокли проводника прочь, друг-собутельник-коллега пытался позвать народ на помощь, но понимания в массах не нашел.

- Да, такие вот пироги, - констатировал Качалов.

- Мы этого самого заявителя опросили без протокола, на всякий случай. Так он, по-моему, пожалел стократно, что к нам явился. За дружка испужался, а так бы - хрен с перцем. Но одну штуку интересную вспомнил - узбек-то наш пропавший, из каждого рейса завозил в город чемоданчики. Я так думаю, что не пустые. Где брал - неясно, может, в пути получал, может, сами вырастали. А у нас тут груз уходил в новые руки. Где, когда, зачем, почему - Сарацанов, опять же, не ведает, но можно предположить...

- Запросто, - отозвался Коляда: - Эти трое хлопцев - те самые получатели, что приделывали чемодану ноги.

- Ну, положим, втроем они могли явиться на этот раз, по проводникову душу. Кстати, один мой дежурный видел этих парней. Умным оказался, в драку не полез.

Качалов закурил "Мальборо" и неспешно с подробностями описал Коляда жанровую сценку "трое в машине, не считая четвертого". Валерий Петрович слушал молча, отмечая по ходу дела приметы "крутых" ребят.

- Говоришь, номер записал? Ну я не сомневаюсь, что ты все про хозяина уже знаешь.

- Знаю, брат Валера, знаю. Но мне от этого не легче. Что ты ему сейчас сделаешь, этому амбалу? Проводника, как пить дать, на свете уже не числится, других доказов у нас нема. А что патрульный видел, так это никого не колышет - они другана пьяного домой увозили.

- Так ты адресок мне все-таки дай, Леха, облегчи душу. Я, знаешь ли, под УПК не хожу, мне и карты в руки.

***

Солнце этим летом напрочь утратило чувство меры. Над плавленным асфальтом дорог колебалось знойное марево, ошалелые толпы катили в набитом транспорте на пляж. Идея, кстати, была вполне здоровой. Давненько Коляда не лазил в воду при людях - деревяшка всех шокировала, взгляды становились жалостливыми, и Валерий Петрович немедленно ощущал себя инвалидом. Сейчас этого не хотелось особенно. А хорошо все-таки иметь свою "тачку", на которой можно добраться черт-те куда. Так и сделал - долго катил высоким берегом Оби, отыскав наконец спуск. Заглушил движок, достал из багажника тряпку и раскинул на песочке. Поспешно, распаяясь на ходу, поскидал с себя фирменные джинсы, футболку и прочие причиндалы и, как был с протезом, кинулся в воду. Течение тут было быстрым, и рисковать он особо не стал, поплескался вблизи берега, проплыл туда-сюда стремительным брассом и выскочил, ежась, обратно. Хорошо! Прикупленная заблаговременно бутылочка "Жигулевского" ждала своей очереди, зарытая в мокрый песок, и Коляда не заставил ее мучиться в ожиданиях. Вот теперь можно было поразмыслить. Итак, проводник Джафаров был заодно и курьером. Получил, привез, отдал. Наркота? Скорее всего. Что еще можно таскать из Средней Азии? Анаша, терьяк, может, даже что покруче. Малые объемы, большие "бабки", большой риск. И вот вместо получателя являются крутые хлопцы и забирают самого курьера. Как там написано в заявлении: "Зачем рот открыл? Кому говорил?". Может, и не дословно, но суть одна. Стало быть, ссучился проводничок, как говорят блатные. А как тут не вспомнить про Игорька, что каждую ночь обретался на вокзале. Неужели он и есть тот самый гений-разведчик, разговаривший узбека? Рассекретил канал, подвел под монастырь какого-то серьежного человека. И пошла-поехала разборка. А что? Вполне логично.

Коляда перевернулся на живот, подставляя бледную спину нещадному солнышку, и пальцем принялся ковырять в песке ямку. Занятие это вскоре надоело, и решено было собираться. Есть у нас еще дома дела.

Якушев Павел Георгиевич проживал в новой постройке многоэтажке, занимающей в одиночку двухкомнатную хатенку. Судя по всему, это было только началом, а на будущее планировались коттеджи с бассейнами и последние модели иномарок. Не зря же приходится катать по ночам и уворовывать с вокзалов людей. В свои двадцать три неведомый Якушев обзавелся не только квартирой, но и девятой модели "Жигулями". Есть, конечно, вариант, что машине просто приделали ноги, а затем явились всем кагалом по проводникову душу. Поживем - увидим. Двор многоэтажки выглядел пустым - кто на пляже, кто на работе. С углового таксофона Коляда набрал, глядя в качаловскую бумажку, заветный номерок и минуты три слушал гудки. На всякий случай повторил еще раз с тем же эффектом. Не было дома предполагаемого бандита-похитителя Паши Якушева, умотал куда-то по своим бандитским делам. Ну и ладненько, будем бить врага его же оружием. Вы навестили Марину, оставив на память огрызок отмычки? Ну так поделитесь своими секретами. На площадке седьмого этажа Коляда по всем правилам отследил верх-низ по лестнице, натянул традиционные перчатки и приступил. Отмычка его, конфискованная когда-то у домушника-профессионала, была делана из лучших сортов стали и ломаться не собиралась. А вот замки у нувориша были хреновые. Или не держит ничего дома, или на авторитет надеется. Пошелкали замочки и сдались на милость победителя, железная дверь отошла

мягко, как дверца сейфа. Теперь быстренько скользнуть внутрь и запереться. Есть. Итак, что мы имеем? Первую версию насчет причины плохих замков пришлось отбросить - кучеряво жил здешний хозяин и не одного вору югу мог бы ошастливить. Аудио-видео, ковры, мебель кожаная и все такое прочее. Еще одна примета выходца из грязи в князи - все дорогое и в слишком большом ассортименте. Плюнуть некуда - обязательно попортишь вещь ценой в миллион, как минимум. Плюс по всему, Якушев был холостяком и сумел наложить на все богатство отпечаток бардака: кругом пепельницы с "бычками", постель мягая и несвежая, на журнальном красного дерева столике - недопитая бутылка "Наполеона" и две водочных, икра черная прямо в открытой жестянке, а сверху стайка мух наслаждается редким блюдом. Пахло куревом, одеколоном и грязными носками. Н-да. Валерий Петрович неспешно, по часовой стрелке начал шмон. Шкафы, вешалка, кровать. Матрацы, тряпье фирмовое. Ну ничего интересного, елки-палки! Еще шкаф, тумбочка. Стоп! Эт-то что такое? "Ствол"? Нет, газовик, наверное. Коляда выщелкнул обойму и убедился - газовик. Может, даже и разрешение есть. Нунчаки самодельные - эбонитовые дубинки с цепочкой. Что еще там? Журнальчики порнушные, блок сигарет, пачка презервативов, эспандер кистевой. Никаких тебе наркотиков - спортсмены о здоровье своем почище бабушек-старушек пекутся. Никакого оружия, кроме цепных палочек. Короче, компромата нема. В укромном уголке финской стенки Коляда отыскал сумку, набитую деньгами - рубли с баксами вперемежку. "Деревянные" все пачками, обандерелены. Дань, с кого-то собранная, неоприходованная? Оплата за труды? Или просто копилка на мелкие расходы? Инфляции Якушев определенно не боялся, рубли предпочитал держать дома, да еще в таких суммах. Что ж, это сейчас тоже не запрещено, Коляда вздохнул тяжело и с тоской упрятал сумку обратно в шкаф. А интересно все-таки, знает ли хозяин, сколько у него тут.

Во двор Коляда вышел без проблем. Везло ему нынче на отсутствие встречных. Забрался в машину, закурил и принялся ждать, надеяться и верить.

Быть может, день сегодня был для него хорошим, только минут через двадцать во двор влетела вишневая "Девятка". Тихо тормознула у заветного подъезда, выпустив наружу плечистого амбала в зеленых слансах и красной футболке. Не давая себя особо разглядеть, амбал скрылся в дверях. Явился, не запылится. На всякий пожарный, Валерий Петрович сверился с номером машины и сам себе кивнул. А потом, не торопясь, задним ходом вырулил со двора и припарковался у обочины дороги. Не век же бандит-похититель будет дома сидеть. Он и не стал. Пяти минут не прошло - вылетел на полном газу и нагло встроился в колонну машин. Коляда помедлил чуток и прицепился дальним хвостом.

Колесили по городу долго - куда иголка, туда и нитка. Якушев профессионального сопровождения не замечал, гнал уверенно, на большой скорости. Несколько раз тормозил, забегал в подъезды, появлялся вскоре довольный и пердальше. Дела свои решал. Коляда отмечал в блокноте адреса, не зная, что ему это даст. Последним объект навестил старую трехэтажку на теннисной улочке. Судя по наличию машин у фасада, дом занимала какая-то фирма. Коляда, выудив из бардачка бинокль, прочел вывеску у двери - ТОО "Космос". Гладкое имечко, ни о чем не говорящее. Дойная коровка или, может, "крыша"? На всякий случай отметим и вас. Книжка-то заполняется помаленьку. Отзвоним Кобрину, узнаем, кто такие, чем дышат. С этой мыслью Коляда откинулся на сиденье и закурил по новой.

9

Сенсей Славян, он же Хомцев Вячеслав, оказался невысокого роста атлетом с простой физиономией. Голубоглазым к тому же. Никак не производил он впечатления грозного бойца, а поди ж ты - черный пояс, второй дан. Бывший ученик Воронцова, а теперь сам - учитель. Сенсей.

- Так это вы и есть наш доброжелатель? Зачем же пацанов обижать, могли бы и так встретиться.

Коляда помедлил с ответом - сложно ему было с этими каратюгами. Не складывался разговор, и все тут, что с тем, что с другим. Напряженные они какие-то, будто ждут подвоха ежеминутно.

- Ваших пацанов обидеть трудно. Орлы. Это ты их так намуштровал?

Хомцев улыбнулся сдержанно - лъстишь, мол, в доверие лезешь, да? Но спорить не стал.

- Этих - я. Они недавние. Кто с Костяном занимался, сейчас уже в мастерях ходят.

- Ты тоже ведь?

- Тоже. Только я еще перед армейкой начинал, Костян, тот вообще лет с десяти занимался. Еще до статьи уголовной за каратэ. И потом тоже - подпольно.

Помолчали. Поглядели на бойцов, работавших жестко и умело, в полный контакт. Стилль "кекусинкай" - не для слабых духом и телом.

- Слушайте, а это правда, что вы Жеке говорили? Ну, что Костяна каратист убил?

- Хм, хороший вопрос. Удар был профессиональным. Я хоть и не разбираюсь, но думаю, что мастера иначе и не убьешь.

- Мало ли. Может, неожиданность или бухой был. Они не пили перед ...этим.

- Пили. Бутылки водки достаточно?

- Выше крыши. Для такого удара много ума и не надо, была бы сила. Ну и небольшой навык хотя бы.

- А что, в бандитской бригаде может найтись хороший боец?

Хомцев хмыкнул и поглядел на Коляду удивленно.

- Навалом. Там плохие не держатся.

- И обучают их в таких подвальчиках, как ваш?

Не понравился вопрос senseю, улыбка сделалась кислой. И ответил с вызовом:

- И в таких тоже. Спортсмены туда идут, десантура бывшая, спецназовцы всякие. Короче, кто драться круто может и ничего другого.

- И Константин пошел?

- Что?

- Ты не тушуйся, senseй. Я ж слышал уже про его телохранительство. Только вот, у кого?

Хомцев малость поразмыслил. Решился:

- Тут и скрывать особо нечего. Его ж полгорода в лицо знает и по имени-отчеству зовет.

- Кого?

- Черемной его фамилия. Заведует какой-то фирмой и вообще крутой мужик. Так сказать, светило местного бизнеса.

- А по совместительству - мафиозный босс. Так?

Энтузиазм Славяна угас окончательно, и он равнодушно пожал плечами:

- Понятия не имею. Не мое дело, а Костян языком не трепал. Берег языко-то. А вообще, заболтался я с вами что-то. Пацаны ждут...

***

Ресторан, расположенный с торца большого дома, кипел уже ночной жизнью, хотя на улице и не думало темнеть. А Якушев Паша - большой любитель погулять, оказывается. Отправляясь на встречу с каратистами, Коляда неохотно покинул припаркованную у кабака машину "Девятку" - вдруг сорвется да укатит. Не-ет, вон она, родимая, стоит. Стало быть, и хозяин еще распутству предается. Кто ж его домой повезет, нажратого? Или крутым не привыкать? На сей раз Коляда собирался форсировать события, войдя с амбалом в контакт. Слэжка толку не дает, обыск тоже мимо. Встретить, подраться или договориться - там видно будет.

И опять ожидание - главная пытка для сыскаря. Жди меня, и я вернусь... Вернулся, а точнее, явился Якушев народу уже в одиннадцатом часу. Да еще прихватил из кабака наштукатуренную девицу в черном широком поясе вместо юбки и с о-очень длинными ногами. Ну только тебя, кисуля, тут и не хватало! Ладно, поехали. Мать твою так, гонщик-рекордсмен, куда ж ты попер?! Ничего, у меня движок не хуже, сам перебирал. Никуды не денешься.

Промчали с ветерком по Ленинскому, свернули на Матросова. Тихая улица, всех видать за километр. Неужто хитрит хлопец, хвост отсекает? Да не может такого

быть - пьяный, с девкой, на отдых настроенный. Да и не с твоими, парень, данными такие шутки выделывать. Свернули налево и закружили по каким-то переулкам. Стоп, тормознул объект. Девушка выскочила шустро, побежала в подъезд, а кавалер высунулся следом в окошко:

- Быстрее давай, е...ть! Будешь там три часа...

Вышел, не торопясь, воздухом подышать. Коляда глядел на него метров с двадцати, с выключенными огнями. Та-ак, закурил -долго ждать собрался. По-лез неспешно в машину - забыл, видать, чего. Вдруг мотор рыкнул, и "Девятка" на полной скорости задним ходом поперла по улице - к нему, Коляде. Обманул, сукин сын! Поздно смываться, да и незачем. Сам ведь встречи искал. Ша-ас, таранит тебя юзом, и сушите весла. Нет, тормознул метра в двух. Громила выскочил, как большой черт из шкатулки, на сближение пошел. Пора и нам дверку прикрыть и, не торопясь, оценивая противника, навстречу. Два метра ростом, плечи квадратные, кулаки-гири. Привет, браток. Не спешил браток руку подать, ногой начал. О-па, не достал. Что такое, опять? Хоп! Хоп! Взбесился что ли? Попер хлопец как баран на ворота и наткнулся животом на колядовский каблук. Каратэ мы не знаем, а на улице махаться приходилось в детстве золотом. Вернул Коляда ногу на асфальт, а другой, деревянной, саданул Паше под колено. Больно, да? Учись жизни, салага! Квадратному было больно -отступил, скривился весь. Но на то он и боевик -перетерпел, завопил яростно и крутанулся вокруг оси, рассекая ногой воздух. "Вертушка" называется. Всякое видал Коляда по молодости, но не было там видеошников с Брюсом Ли и Ван Даммом, с приемчиками хитромудрыми. Потому и пропустил внезапный этот, словно из воздуха прилетевший удар. В глазах кольгнуло, башка треснула огнем, и совсем рядом увидел вдруг колесо собственной машины. Скользом задело, живой, вроде. Не добил бы нувориш хренов. Нет, за шиворот вверх тянет, - поговорить хочет, узнать, что к чему. Ну нет, сынку, разговор у нас другой будет, напрягся Коляда и, увидав перед собой красную футболку, бросил себя вперед - н-на! Головой в пузо, руками под ребра и паш-шла, родимая! Пролетели с матом и хрипом полметра и врубались в бампер машины. Хлопец - спиной, а Коляда головой. В живот. И словно в юности боксерской пошел садить кулаками, не разбирая, - под дых, в пах, в печень. Не каждой груше такое достается, а кишки-то свои, не казенные. Взвыл боец, забыв, что он крутой, воздухом ртом захватил и сполз мягко книзу. Приподнял его Коляда и с разворотом, перекатом саданул в челюсть, фиксируя в последний миг плечевой пояс. Все, приехали. Классический нокаут. Валерий Петрович для верности задрал пострадавшему веко, кивнул сам себе и пошел дело доделывать. Из машины достал наручники и сцепил хлопцу руки за спиной. Как там в кино? Вы имеете право хранить молчание, не отвечать на вопросы... Нет, ни хрена вы не имеете. Здесь вам не Штаты, и я вам не полисмен. Да и ты, друг, не гангстер в смокинге. Ты у меня сейчас все-е расскажешь, как на исповеди. Достал Коляда фляжку с водой и полил болезному на белое чело. Тот застонал, очи темные раскрыл и зажмурил опять - смотреть не хотелось. Дуло пистолетное было большим и черным. Сорок пятый калибр, как-никак. Это тебе не газуха, это настоящий. У тебя же в бардачке лежал. Ну, давай, дерни ногами - мозги-то мигом в асфальте утонут.

- На кого ж ты пашешь, такой крутой? Поделись, душу облегчи.

- Па-ашел ты, сучара ментовская!

- Нет, ошибаешься, друг, - ласково пожурил Коляда и ткнул стволом в печень. Легонько так - попугать только. Паша замычал и скривился.

- Ошибаешься, говорю. Мент бы тебя в клоповник посадил, а мне ты на хрен не нужен. Прострелю и оставлю тут. Или могу по-тихому - в речку с обрыва. Не хошь проехаться? Говори тогда, я слушаю.

- Па-ашел ты!

- Опять ты не понял. Тупой что ли? Ночь на дворе, народу нет. Песенку слышал: "И никто не узнает, где могилка твоя"? Как раз твой случай. Расскажешь ты мне все, и мы оба об этом знаем. А для начала давай про газетчика, которого вы подставили.

- Че? Мужик, да ты кто такой ваше?

- Друг. Не твой, разумеется. Газетчика того самого, который про вас ком-промат раскопал. Зачем же вы соседа-то его зарезали, он-то при чем?

- Какой сосед? Ниче не знаю! Какой газетчик?

- Вспомнишь сейчас, - пообещал Коляда и повторил обработку Пашиной печени. Посильнее уже. Затем, глядя в перекошенное лицо, пояснил:

- Не все коту масленица, Паша. Проводника убили, Костю Воронцова убили, соседа его подставили. И не докажешь ведь. А я и так знаю. Это как в киношке американской, стрельбовой. Плохие ребята много и долго гадают, а потом приходит хороший парень и всем дает по заднице. Так вот, я и есть тот парень.

- Ты говнюк, - убежденно заявил Паша и напрягся в ожидании удара. Коляда бить не стал, только головой покачал устало.

- Не прав ты, Якушев. Да ладно, речь сейчас не обо мне. Говори давай про то дело. Или тебя ускорить?

- Мужик, слушай, ну я в натуре тебе сказал - не знаю, что там с ними. Говорили, что писака... ну, в смысле, газетчик этот сам Кастета тюкнул...

- Кого... тюкнул?

- Ну, Кастета. Ты ж говорил про него.

- Воронцова имеешь в виду?

- Ну знаешь же, че спрашиваешь? Сукой он оказался.

- И вы его за это...

- Говорю тебе - не наша работа. Ну че я гнать-то буду? Я б его, козла, за такие штуки в асфальт закатал, да не успел вот. И приказа не было. Мы утром приехали, а двери опечатаны. Пацаны рассказали во дворе че к чему, мы удивились тоже. А газетчик твой, он все равно ниче не знал почти, так себе, фотки да обрывки, что ему тот козлина сунул. Че б мы его мочили, сам думай!

- Думаю, Паша, думаю. Это, значит, Воронцов вам компромат раскопал? У проводника того самого, да?

- Короче, мужик, ниче я тебе больше не скажу. Мне один хрен, что ты тюкнешь, что другие, если трепануть.

- Даже если поверю, что эти трупы не на вас, то проводник-то точно. Он-то кому нужен?

- Па-ашел ты...

Дальше говорить не имело смысла, а бить не хотелось, Уважал Коляда в людях стойкость. Поразмывлив чуток, двинул рукояткой пистолетной Пашу по лбу, вырубая, и снял наручники. Напоследок стер пальчики с пистолета и кинул тяжелую машинку поближе к туловищу. Обойму, разумеется, оставил себе. Паша богатый, он себе еще купит. А ствол свой "горячий" в делах замаранный носи сам. Был бы опером, притянул бы тебя, хлопец, по 218-й, но... Нас не спрашивают - мы не сплясываем. Разговор с вами, ребята, еще не окончен, так зачем же отношения портить до времени?

10

Этим утром Виктор Сергеевич Черемной был не в духе. Не стоило поддавать вчера на презентации нового ресторана, не стоило. Что поделаешь - этикет обзывал. Открыли кабачок чеченцы, с которыми последний год отношения стелились ровно - вооруженный нейтралитет. Презентация, устроенная "крестным папой" Маликом Гараевым, служила своего рода "мировухой" - захадьтэ, гости дарагие, выпьем за мир! Никого из русскоязычных такой жест не обманул, конечно. Чечены, они чечены и есть - волки. Спину не подставляй. Но приличия ради съехались авторитеты, надевши карденовские костюмы с белыми рубашками, поднимали дружно рюмки за хозяев и грядущий успех. Это в такую-то жару! Вот и терпи теплень, глотай ледяное пиво, пока муть в черепе не утрясется. Кто там в дверь барабанит, чего еще надо? Стучался Гарик-телохранитель:

- Виктор Сергеич, тут мужик какой-то рвется.

- Кто такой?

- Да Кастета помянул, мол, знакомый его.

- Кого? А-а... Ну ладно, пускай заходит.

Устроился Черемной за столом, не позаботившись подтянуть узел галстука. Ходят тут всякие, из-за каждого подтягивай. Вошедший, однако, на "всякого" не походил. Явно знает себе цену. Высокий, сухощавый в поясе, но широкий в плечах. Стрижка короткая, взгляд цепкий, настороженный. Или "крутой", или мент - определил Черемной и изобразил на лице радушно-выжидательную улыбку.

- Доброе утро, Виктор Сергеевич. Как живете-можете? - Наглый оказался гость. Прошел, уселся без приглашения и протянул через стол руку: - Валерий Петрович Коляда к вашим услугам.

Черемной пожал ладонь машинально, в последний миг сдавив чуть сильнее, чем нужно, - чтоб ощутил наглец силу. Мужик, однако, оказался не слабее и нажал в ответ. Так и состязались с полминуты, улыбаясь друг другу, оценивая противника на глаз. В том, что перед ним противник, Черемной уже не сомневался, ощущая лишь удивление. Кто такой?

- Жарко нынче во дворе, - сказал гость беззаботно, - у Вас тут, гляжу, пиво холодное. Не угостите?

Виктор Сергеевич с той же улыбкой достал баночку, кинул через стол - лови. Поймал наглый мужик, открыл и сделал пару глотков.

- Уф-ф, хорошо! Ну что за пекло последний месяц?

Откинулся на стуле и закрыл глаза, млея потихоньку. Черемной наблюдал за ним уже без улыбки, начиная закипать. В последний момент понял - специально заводит, козел безрогий, разозлить хочет. Но зачем? Мужик, почуввав напряженность, открыл наконец глаза и уселся прямо. Лицо его теперь было вполне серьезным:

- Хотите, Виктор Сергеевич, угадаю ваши мысли? Вы сейчас кумекаете, у кого это хватило нахальства так вести себя с самим Черемным. И что для этого надо быть или дураком, или человеком из Органов. Так вот, скажу сразу, я - не дурак.

- Интересно. Стало быть...

- И не оттуда, - предупредил Коляда вопрос.

- Я - частное лицо. Прошу прощения за весь этот цирк, просто хотелось проверить Ваши нервы. Теперь вижу, что Вы способны стоять у руля. Это не лесть, а искреннее уважение. Видите ли, во всем этом городе Вы единственный, к кому можно обратиться.

- Совсем интересно, - отозвался Черемной. Потягивая свое пиво, он разглядывал гостя в упор.

- Ну это кому как. Пару дней назад убили одного человека, а другой оказался крайним...

- Боюсь, Вы ошиблись, э-э... Валерий Петрович. Товарищество "Космос" не занимается раскрытием убийств.

- Ви-иктор Сергеевич, - протянул укоризненно гость. - Ну мы же умные люди. Весь этот город знает, кто Вы такой, а тем более компетентные органы. Язык к делу не подошьешь, а диктофона у меня нет.

- Да, я заметил. Иначе б аппаратура засекала, - кивнул с улыбкой Черемной. Чем-то ему этот нахал был симпатичен.

- Так, на чем мы остановились? А-а, вот. Если не секрет, Вам знакома фамилия Дымовцев. Игорь Дымовцев?

- Я обязан отвечать? - усмехнулся Черемной, подумал и кивнул: - Ладно, уважая вас как гостя... Фамилию эту я не слышал. Хотя, минутку... эти смешные статейки в местной прессе, да?

- Bravo, Виктор Сергеевич! Хорошая память. Значит, материалы эти вас веселят?

- Конечно. Вы-то их сами читали, дорогой гость? И давайте ближе к делу. Время, знаете ли, поджидает.

- Прошу прощения. Я мог бы, конечно, наговорить вам с три короба, но не буду. Слишком вас уважаю для этого. Так вот, Игорь - мой брат. В настоящий момент его обвиняют в убийстве. Кстати, как вы относитесь к Косте Воронцову?

- Это имеет значение?

- Еще какое. Хотите, Виктор Сергеевич, послушать детективную историю? Можете принять это за художественный вымысел. Так вот, жил в одном городе деловой человек. Настолько деловой, что не брезговал ничем - очень, знаете ли, деньги любил. А что в наше время приносит большой доход? Правильно - героинчик, кокаинчик и прочее. Ну, применительно к нашим условиям - анаша и маковая соломка. И наладил наш герой перевозку интересной травки из знойной Азии в холодную Сибирь. Возил это дело в чемоданчике некий неприметный

мужичок. Хорошо было жить деловому человеку. А тут, как на грех, взял он к себе в охрану парня-афганца. Крутой был хлопчик - кирпичи руками ломал, подковы гнул и все как положено, да вот принципы подвели - не любил он наркобизнес. Что поделать - может, в Афгане своем навидался, может, просто честный. Да только решил деловому человеку подгадить - перекупил курьера и добыл хорошую информацию, а потом передал своему соседу. Газетчику-разоблачителю. Опасный материал, взрывной. Он и взорвался, наконец - явились ночью к крутому парню другие из той же серии и отправили душу в Рай. А затем свалили это дело на газетчика того самого. Ну, как Вам история, Виктор Сергеевич?

- Неплохо, неплохо. Только вот я не люблю детективы. Ладно, вам как брату пострадавшего могу выразить сочувствие. Да не смотрите на меня, как Ленин на буржуазию, не по адресу взгляд. Хотите еще пива?

Черемной снял пиджак, повесил на спинку стула и добыл из саквояжика новую пару запотевших жестянок.

- Угощайтесь, это не отравлено. В награду за рассказ я вам покажу интересные бумаги.

Встал, прошел к спрятанному в стене сейфу и вернулся с простой дерматиновой папкой.

- Если б не ваши родственные чувства - послал бы я вас куда подальше за все намеки. Но... черт с вами, смотрите.

Почти все содержимое папки составляли фотографии. Любительские, нечеткие. Вот чемодан крупным планом запечатлен. А это кто? Ба, знакомые все лица! Паша Якушев собственной персоной с чемоданчиком в руке. А вот он же принимает груз из рук незнакомого мужика, с подножки вагона. Сам Черемной жмет кому-то руку, а на столе - тот же чемодан. Вот просто здоровенные парни сидят хохочут, на заднем плане виден поезд. Много было снимков. Коляда, не торопясь, разложил их на столе, оглядел задумчиво картину.

- Иллюстрации к рассказу, да? И что же вы мне этим хотели сказать?

Черемной глянул удивленно, затем вынул пачку "Уинстона", предложил молча, закурил сам.

- Дымите, тут кондиционер. Вы ведь работали когда-то в тех самых органах, да? Это заметно.

- Еще раз апплодирую, Виктор Сергеевич.

- Не стоит. Так вот, скажите - ну разве эти снимки могут что-то доказать? Это же полное дерьмо! Какой-то чемодан, какие-то люди, и что дальше? А ведь это и есть Ваш "взрывной материал".

- Вы правы. Для оперативной разработки сгодится, а для суда - увы. Вот тут еще бумажка с номером поезда и вагона.

- Ну, бумажка, а дальше-то что? К Вашему сведению, этот канал я уже свернул. Проводник оказался жадным, сейчас ему деньги не нужны. Я бы это сделал в любом случае, для подстраховки, когда узнал про дела Кости-Кастета. Так что родная милиция ко мне без претензий. Спрашивается, зачем мне делать еще два трупа. Как свидетели они неопасны, других доказательств нет. Ну ладно, с этим сучонком Костей я бы хотел разобраться, жаль, что не успел. Кстати, насчет его честности и принципов. Тут все гораздо проще - он меня решил пошантажировать. Заявил, что нагреб кучу дерьма и может меня им уделать, если не откуплюсь. Нет, ну вы оцените наглость. А для страховки отдал эту самую папку представителям прессы. Догадываетесь кому? Так что, он свое заслужил, хотя и заработал от кого-то другого. Видать, доброжелателей много было. А что касается вашего брата, то он тут постольку-поскольку. Снимочки мы на всякий случай у подружки его изъяли, каюсь. А насчет резни, так это ж явная дурость. Как вы верно заметили, я человек деловой и делаю только то, что имеет смысл. Скрывать одно убийство через другое - это работа психа, а не профессионала, я же у себя шизиков не держу.

Помолчали, посидели. Дым попускали колечками. Коляда думал, и чем дальше, тем тошнее становилось на душе. Слышал ведь что-то подобное от поверженного Паши, но там все выглядело явным враньем. Здесь же, когда излагает солидный человек в костюме... логично излагает, убедительно. Да и чего ему врать, хозяину жизни? Наоборот, мог бы подначить бывшего мента - да, мол, нанял, убили и не докажешь. А он убеждает сидит. Умеет ведь, зараза!

- Ладно, Виктор Сергеевич, спасибо за гостеприимство, не буду злоупотреблять.

- Удачи тебе, дорогой гость. И один совет, Валерий Петрович, - поберегись. Это не угроза, Боже упаси. Предупреждение. Тот человек, я думаю, - это маньяк. Может, и не чокнутый, но близко к тому. Любит кровь, умеет убивать. Всю эту бойню он устроил не за "бабки", а затем, что ему так хотелось. Так что смотрите, не станьте третьим...

В машину Коляда уселся, как в раскаленную духовку и какое-то время фырчал впусую мотором. Думал. Не нравилась ему эта история, совсем не нравилась. Можно, конечно, плюнуть на речи эlegantного мафиози и дать наколку Сане Кобрину. Да только незачем. Черемного сейчас в любом случае с места не собьешь, а вот если он правду сказал... А ведь очень похоже. Умел Коляда ментовским чутьем засекаать обман, что есть - то есть. Или хозяин офиса - прекрасный артист, или... А ведь сколько мороки стоило раскрутить "мафиозную" версию! Вчера, поздним вечером, проглядел кобринский список местных крутых и нашел там владельца фирмы "Космос". Казалось, последнюю точку поставил в истории. Дальше дело за штатными операми - выслеживать, алиби проверять. Финита ля частный сыск. А вот тебе хрен, Валерий Коляда. Много чего нарыл, да все не из той кучи. А может, из той? Заболела у Коляды голова - то ли от жары, то ли от судьбы поворота. "Жигуленок" свой повед акkuratно, как немец, по всем правилам. Не дай Бог гаишники словят, в трубку заставят дышать. На войне как на войне. Стоп! На войне? Война, кровь, смерть - работа. Стоп! Притормозил Валерий Петрович и секунд пяток подумал. Потом покати́л дальше, чувствуя, как растет в груди и бьет в голову то самое возбуждение-озарение. Какой же ты дурак, Коляда, вот ведь она - версия! В руки лезет! Прямо как в тех детективчиках, где зрители с самого начала знают убийцу, а тупой герой ну никак не догадается. Хотя, признать надо, версия и сама как из кино. Надуманная слишком. Простой человек поразмыслил бы житейски да и выкинул ее на помойку - не бывает, мол, в жизни такого. Коляда был не простой, а сыскарь и знал, какие сюжеттики иногда попадают в этой самой жизни. Вот и сейчас верилось с трудом, а в мозгу аж стучит все, гремит и мигает - угадал!

Дорога была долгая, движение обильное, и во двор родной Коляда въехал не скоро. Как раз хватило времени, чтобы версию обдумать, обкатать со всех сторон, как конфетку. Теперь только разгрызть осталось. Вошел в подъезд стремительно и остановился вдруг. Впереди на ступеньках сидела кодла. Человек семь жилистых, крепких, молодых. Костюмчики спортивные, грязные, стрижки лысые, сигаретки дымят. Гопники, эти их мать! Видал таких Коляда несчетное множество и прошел бы мимо не глядя - расступились бы, дали дорогу. Хоть и стаей, а силу чувят, боятся. Прошел бы, да не тот случай нынче. По взглядам-переглядам понял вдруг - не просто так сидят ребятишки. Его, Коляду, ожидают. Во-о, так и есть, зашевелились, поднялись всей кучей, закрывая дорогу.

- Мужик, ты куда? Не, ты па-ажди, в натуре, побазарим шас. Ну ты че к стенке-то жмешься, зассал что ли?

Не пацаны уже - парни. От семнадцати до двадцати. Хоть и не качки-боевики, а и не мальчики из балета. В разборках дворовых битые-перебитые. Надвигаются полукругом, медленно - боятся, а лезут. Лезвий, вроде, в руках не видеть, и то хорошо. Куда деваться, побазарим, конечно.

- Мужик, дай закурить а, - опять тот же длинный, в лаженом "Адидасе" вызывает огонь на себя. Значит, начнет другой, как пить дать.

Угадал Коляда - адидасный махнул рукой, пугая, а слева метнулся другой, низкорослый крепыш. Коляда ушел назад, блокировал удар, ощутив вспышку боли в руке. Крепыш отшатнулся, на кулаке блеснула тускло железная бляха. Кастет. Это не кличка, это настоящий, каким можно и черепушку проломить. Рука-то вон с ходу отсохла. Прижался к стене Коляда, пугнул и коротко вдруг заехал ногой низкорослому в живот - корчись теперь на полу. Адидасный кинулся теперь уже всерьез и тут же схлопотал целую связку - прямой в нос, в корпус и завершающий апперкот снизу в подбородок. С кем тягаться решил, сопляк? Тебе на полу только и место. Третьего Коляда атаковал сам, засадил кулаком в печень и швырнул на остальных. Теперь быстренько на лестницу и вверх. Подвел протез - как им ни владей, а все равно деревяшка. Подвернулся в прыжке

на ступеньке, и Коляда завис на мгновение, пытаясь равновесие вернуть, а потом упал на четвереньки - и удар не заставил себя ждать. Жесткий, сверху, по почкам. Твою мать! Все внутри болью перекутило, а вокруг из пустоты посыпались удары ногами. Умеют гопье драться, особенно толпой на лежащего. И не встанешь тут, не поднимешься - сожмись и терпи. Сжался Коляда, лицо закрывая, спину по возможности к полу прижал, ребра локтями закрыл от чужих кроссовок. А потом все стало до фонаря, и удары по телу чувствовал как сквозь вату - небольно и не страшно. Все. Темнота.

11

Сознание приходило в виде целого букета из боли. Ныло все, трещало и гудело так, что лучше б и вовсе не очухиваться. Справился наконец с собой, открыл глаза, прислушался. Тихо было в подъезде. Кто на работе, кто на даче, кто на "пляжу" загорает. Лето красное, любил бы я тебя, когда б... Когда б башка так не гудела. Та-ак, руки-ноги целы, ребра, вроде, тоже. Ну ладно, двинули вперед.

Дома Коляда оказался минут через пять - ему они показались вечностью. Запер дверь и бухнулся прямо на палас - диван одеждой грязной марать не хотелось. И вырубился опять, а может, и заснул. Пробудил его к жизни телефон трелью своей. Ну кто там еще?

- Ты спишь, что ли? - Саня Кобрин, как всегда вовремя.

- Ага, дремаю. Не, я серьезно. Дела? На букву "хэ". Ага - "хорошо". - Так, перемежая речь выражениями, Коляда поведал о случившемся. - Вроде, ничего и не знаю, а кто-то испугался. Нервный народ пошел - перестраховщики хреновы.

- Думаешь на своего мафиози?

- Я ни о чем не думаю, Саня, у меня мозги не в форме. Но предполагаю, что он тут ни с какого боку. Знаешь, хлопцы какие-то несолидные на меня наехали - дети совсем.

- Однако ребра тебе посчитали на раз-два-три.

- Ну, спасибо, друг, напомнил, а то уж забываться начало. Что посчитали, Саня, так это ерунда все. Кабы не деревяшка моя, я б им всем требуху поотшибал. Говорю же, салаги были. Всемером месили ногами, а я после этого еще хожу и с тобой говорю и голова на месте. Дилетанты, шпана улишная. Как-то это не стыкуется с крутым мужиком Виктором Сергеевичем, не той колоды карта.

- Слушай, болезный, а может, они без всяких просьб тебя встретили? Ну, рожа не понравилась, бухие были, еще что-нибудь.

- А что такого в моей роже, ну-ка выскажись яснее? Я вот в зеркало гляделся - вполне еще, даже сорок не дашь. У дам вызывает затаенную симпатию или пылкую любовь, у джентльменов - законное уважение.

- Джентльмены, Валера, в подъездах не сидят.

- Зато в офисах сидят, Саня. Тот самый, который в костюме от Кардена, любитель убеждать. Он, знаешь ли, сказал, что ни в чем не виноват. Хлопца не резал, Игоря не подставлял.

- Ясно. И ты ему поверил, конечно.

- Ну-у, как вам ответить, сэр, на сей сложный вопрос? Вполне допускаю, что снимки, представленные на мое рассмотрение достойным джентльменом, были не совсем те, а точнее, - совсем не те, что хранил у себя господин Воронцов. Допускаю также...

- Валер, - вмешался тоскливо Кобрин, - это тебя что, от встряски мозгов на изящные обороты потянуло?

- Во-от. Сразу видна ограниченность простого милицейского ума. Ладно, перейдем на язык родных осин. Карточки могут быть не те, и верить крутому мужику не рекомендуется, а я не знаю, куда податься. И на распутье этом пришла мне в голову интересная идея. Слушай, Сань, где бы мне раздобыть бумажки насчет боевого прошлого Воронцова?

- А что такое? - интерес неподдельный прозвучал в голосе Кобрина, обычно вялом. Коляда подумал чуток над причиной такой реакции, затем продолжал излагать:

- Короче, я тебе еще не сказал. Мафиози наш дал мне наводку на какого-то вурдалака местного масштаба, любящего кровь, мастера убивать и все такое прочее. Сам он, вроде как, его не знает, но считает маньяком. Как тебе, Саня, версия маньячного убийства?

- Муть розовая, - выдал Саня рецензию.

- Я так тоже сперва подумал, а потом вспомнил про афганцев.

- Ты их что, вурдалаками считаешь?

- Не в этом дело. Они убивать умеют профессионально - раз. Не боятся крови - два. И любой из них вполне мог бухать с Воронцовым - три.

- Bravo, Холмс, движешься к цели прыжками, - добродушно оценил Кобрин.

- Ну, давай еще мотив убийства назови и будешь совсем молодец и гений сысканого дела. Ну?

- Чего ты паясничаешь? Я серьезно вполне. Мотив мог быть самый простой - не столкнулись по пьяни. То самое, что лепят Игорю, только вместо брата моего сидел с Воронцовым настоящий боец, владеющий всякими штучками.

- Нет, сыскарь, тут ты пальцем в небо. Объясню твоим методом. Если ударил в запарке по горлу, зачем добивал потом, а? Ножик зачем? Это раз. Вторых: сильно уж хорошо следы замел - подставу сделал, пальчики стер и тэ дэ. Запредельная задача для пьяного дурака.

- А может, он протрезвел от поворота событий?

- Может. На елке может вырасти арбуз, корова может на луну слетать... Ты, Коляда, - опер бывший, а чушь порешь. Человек убил кого-то, протрезвился, в штаны со страху наклал. И что делает дальше? Берет и режет еще одного. Хорошее решение! Ладно, чтоб ты долго не размышлял, открою тебе один секрет. У меня тут с час назад сидел парень - как раз "афганец".

- В камере что ли?

- В кабинете. Скажу еще - он не просто "афганец", но и сослуживец твоего Кости-Кастета. Такие пироги.

Коляда присвистнул тихонько и выдал в трубку одно только краткое слово:

- Ну?

- Тпру! - отозвался Кобрин и секунду помолчал, давая время оценить остроумие. Оценки не дождался и продолжил с садистской неторопливостью:

- Так вот, сослуживца этого зовут Олег Вишневецкий, прикатил из Курска и обнаружил опечатку на воронцовской двери. Характер молодой, беспоконный - пошел разбираться в местную ментовку, а там знакомые переадресовали сюда.

- Слушай, а ты уверен, что он сегодня явился?

- Помнишь, Валер, как в армии говорили - являются только духи с того света, а солдат прибывает. Вот он, хоть и не солдат давно уж, а прибыл. Поездом. Билет я у него не проверял, естественно, да и телеграмму не давал в Курск его родимый. Это ты у нас сочинитель гениальных версий, все знаешь наперед, а мне он как снег на башку свалился. Чего б я его проверял?

- Так, а сейчас он где?

- В гостинице, Валера, в гостинице. Во всяком случае, поехал туда устраиваться. Намерен жить здесь и наводить разборки по поводу смерти друга.

- Во, кстати. Ты б у этого Вишневецкого спросил хитро, как это он так удачно подгадал с приездом.

- А он и не подгадывал, Мегрэ ты наш отставной. Открытка ему пришла с приглашением от Воронцова. Срочное такое приглашение.

- Показал тебе ее?

- Было дело. Ничего особенного, коротенький текст. Вот, слушай: "Собираю всю несгораемую пятерку..." - так-так. А вот - "...выяснил кое-что насчет чарикарской нитки, аж самому муторно." Все. Дальше еще настойчивое предложение приехать.

- Ясно. Без стакана не разберешь. Чарикар, это ж, по-моему, город такой в Афганистане. А нитка при чем? Слушай, ты этого хлопца сегодня увидишь еще?

- А как же, явится не запылится.

- Короче, так, Саня, адресуй его ко мне. Кстати, у меня комната есть пустая, так что без проблем. В гостиницах-то нынче много не наживешься.

- Раскрывать будешь?

- Ага. Проясню кой-какие детали, да и под присмотром будет, чтоб чего не выкинул. Шибко уж он удачно приехал все-таки. Насчет ниточек-пятерочек, опять же, разберусь.

- Так это я тебе и сам перевести могу, он объяснил. Нитка, ниточка - это колонна транспортная из грузовиков и бэтээров. В 87-м такая вот колонна попала в засаду где-то под Чарикаром, и их выбили почти вчистую. Уцелело пятеро, хотя все поизраненные. Теперь уже четверо.

- Ясно, Саня, считать я и сам умею. Значит, Воронцов что-то выяснил скверное о тех делах, и если виноват в этом один из сослуживцев, то он среди этих пяти. Явился и заткнул рот, так?

- Вполне возможно, если забыть про офицеров, генералов и всех прочих, кто может иметь отношение к "чему-то скверному". Но в целом я с тобой согласен. Хотя бы потому, что так проще. Ты впрямь гений, кооператор Коляда.

- Не спорю. Ты вот у нас кто? Знал такие вещи и молчал, слушал целый час мои блуждания.

- Да, понимаешь, хотелось узнать, до чего ж ты в конце концов додумаешься.

- Козел ты, Саня, безрогий после этого, - грустно резюмировал Коляда и повесил трубку.

Тело начало напоминать расстроенный оркестр - каждая кишка играла-болела по-своему. Валерий Петрович прошел к зеркалу, погляделся. Рожа, вроде, ничего - хорошо закрывал. И впрямь бабенкам нравится - стрижка черная, короткая, шрам старый на скуле, нос чуть примят по-боксерски, но и не полная лепешка. Короче, крутой мужик, не хуже Черемного. Вот еще б не чувствовать себя на ту самую букву. Мечты, мечты. В любом случае предстоит пилить сейчас через весь город, хорошо хоть не в троллейбусах-автобусах. Сейчас, чайку чифирного заварим, в душеике пополоускаемся и - вперед, труба зовет.

С бокалом чая в руке Коляда подсел к телефону и накрутил по памяти номерок. На том конце ждать долго не заставили, сняли трубку и отозвались кавказским голосом.

- Добрый день, Манук Ашотович, - как мог приветливо молвил Коляда. Вздохнул собеседник чуток, но добавил голосу порцию радостного удивления:

- Ва-а, какие люди нас нэ забывают! Как живешь, как здоровье?

- Твоими молитвами, Манук Ашотович. В гости вот к Вам собираюсь прямо сейчас.

- Приезжай, дарагой, такой гост всегда вовремя. Прамо сэйчас приезжай!

***

Машина оказалась на месте - обошли ее стороной бравые ребята. Коляда обсмотрел "тачку" с боков - нет ли где короткого русского слова гвоздем по краске и успокоился окончательно. Взрывное устройство под днищем решил не искать - времени мало. Путь его светлый лежал на сей раз в одну маленькую базарную кафешку. Располагалось сие заведение в удачном месте неподалеку от входа на рынок и к рыночным отношениям перешло давным-давно. Припарковавшись у крыльца, рядом с кучкой местной пацанвы, Коляда неспешно запер машину и поднялся на крыльцо. Пацаны в спортивных штанах и майках, дочер-на загорелые, проводили его радостными взглядами - нечасто тут кто-нибудь бросал средство передвижения. Публика внутри кафе особого внимания не удостоилась - алкогольного вида мужики и небритые кавказцы рубали за столиками манты и еще что-то жидкое и красное. Коляда прошел сквозь них не глядя и свернул в подсобку. Роскошная была дверь у бывшего директора, а ныне - хозяина кафе "Арагат" Манука Ашотовича Кечекьяна. И кабинет оказался не хуже.

- О-о, долгая дарога, устали ждать гостя дарагова, - крепыш-армянин в джинсовом костюме выскочил из-за стола как мячик, покатился навстречу, руки распахнув. Коляда, вежливо уклонившись от объятий, пожал крепко ладонь, в глаза взглянул. Хитрые были глаза у гостеприимного кавказца, совсем непростые, но в этот раз глядели вполне приветливо. Не забыл Кечекьян старые дела, добро помнит. Лет десять назад, в самом начале перестройки, город всколыхнуло невероятное преступление - киднеппинг. Крутые ребята, которых в ту пору звали просто бандитами, похитили у директора кафе семилетнюю дочь и затребовали

гигантскую сумму выкупа. Кечекийян в паническом состоянии не решился писать заявление, позвонил случайному знакомому - капитану Коляде. Тот на свой страх и риск, не допуская утечки информации, выловил одного из похитителей, разговаривал его методами, не предусмотренными в УПК, и накрыл с группой захвата всех нехороших людей сразу. Девочка в полной сохранности вернулась к отцу, что для таких преступлений - огромная редкость. Отсюда и "гост дарагой", и все прочее. Кавказский акцент в своей речи Кечекийян изживать не желал, сделал его одним из элементов имиджа.

Коляда обошел кабинет неспешно, уселся за стол, а хозяин вызвал тем временем из коридора рослого хлопчика в черной ветровке и того же цвета шетине на щеках.

- Валэра, дарагой, ты нэ пишьком, надэюсь, ходышь? Какая твоя машина, скажи.

Коляда сказал, и ветровочно-шетинистый хлопчик, кивнув, удалился.

- Акоп - хороший парэнь, - порекомендовал Кечекийян, - а вот мэсто у нас нэхорошее. Ай-я-яй, какое мэсто! Красавицу твою разуют-раздэнут, одна крыша останется.

- Спасибо за заботу, Ашот Манукович. Как семья, как дочка? - откинулся Коляда в мягком и удобном кресле, приготовился слушать. Лишь через десяток минут традиционного обмена любопытством всплыла истинная тема встречи: •

- "Ствол" мне нужен, Ашот Манукович. И прямо сейчас.

- Пистолэт? - армянин поглядел изумленно, словно услышав Бог весть какую чушь.

- Ну да. Причем новый желательно.

- Газовый устроит? Рэвальвер "Кобра", хороший калибр...

- Не-а. Настоящий надо.

- Слушай, Валэра, дарагой, а ведь это уже статья. Это апасно, - сделал кавказец последнюю попытку.

- Знаю, Ашот, дарагой. Жить вообще опасно, - отозвался Коляда философски, пресекая дальнейшую дискуссию.

Спустя какое-то время Валерий Петрович вышел из кафешки с тяжеленьким свертком в руке, постоял на крыльце, воздухом дыша, обстановочку оценил. Хороший парэн Акоп сидел, дымя сигаретой, на капоте колядовской "трешки", скучно ему было. Вокруг на много метров наблюдалась пустота, даже пацаны пересели подальше, косились оттуда недовольно. Коляда улыбнулся и сбежал с крыльца бодрым шагом.

- Спасибо, хлопец. Свободен.

Тот пробурчал что-то непонятное и головой кивнул. Неразговорчивым был хороший парэн, ну да не это главное. Машина зато выглядела живой, здоровой и, опять же, без надписей. Коляда вырулил тихим ходом на дорогу и ударил по газам. Едем до дому, до хаты, набегался на сегодня. К дому родному Валерий Петрович подкатил уже вечером, голодный, как стая волков. Та-ак, в подъезде никого. Уже неплохо. Первый этаж, второй... Стоп. На площадке третьего этажа прямо перед колядовской дверью сидел парень. На чемодане сидел, явно устав ждать. Увидел, угадал моментально и поднялся навстречу с улыбкой:

- Валерий Петрович? Здрасьте. А меня Александр Дмитрич сюда адресовал. Я - Вишневицкий Олег.

- Да я уж понял, - отозвался Коляда, протягивая в ответ руку.

Афганская война - что знает о ней непосвященный? Кагдагар. Чарикар, Кабул - горола. Саланг - перевал. Регистан - пустыня, кажется. Гневные заметки в прессе начала восьмидесятых - "нет мировому империализму!" Спустя лет шесть - не менее гневные фильмы, расписывающие во всей красе особую разновидность граждан - "афганцев". И честные они, и принципиальные, и смелые, и герои. А в противовес (демократия все-таки, плюрализм мнений) - хор других голосов про зверства над населением, геноцид и вещи всякие нехорошие. Ну прямо не поймешь, кого и слушать! Коляда чужих мнений не любил, имел собственное. Приходилось ему в розыскные свои годы пахать с этими ребятами в одной упряжке. Есть и принципиальные, есть и честные. Полно их кстати. Не только

честные, но и жесткие, злые, под пули идущие запросто. Прямо-таки созданные для оперативной работы. Но как выяснилось, не только для нее - на другой стороне баррикады их тоже было немало, таких же злых и не боящихся крови. Коляда поэтому улыбался скептически, глядячи хорошие фильмы про отличных парней в тельняшках. Если ты "на гражданке" нормальным парнем был, то и "за речкой" себя покажешь, а если гнилой - то сгниешь совсем. Женщин с детьми будешь из автомата крошить и у друга убитого коронку золотую изо рта выдерешь (авось сгодится). Каждому - свое. Потому и глядел сейчас Валерий Петрович оценивающе, пытаясь как рентгеном прощупать, что за человек такой, Олег Вишневский. Внешне гость выглядел молодцом, вот только свои двадцать четыре обошел намного. Кем-кем, а уж пацаном не назовешь точно. Морщины ранние на лбу, губы стиснуты напряженно, глаза хоть и улыбаются, а глядят устало. Видел Коляда такое и раньше - афганский синдром. Сам пережил подобное, едва в бутылке не потонул. Потеряй-ка в тридцать с небольшим и ногу, и семью, и работу. Подряд. Выполз, уцелел, но забыть не получалось никак. Так что понял Коляда целиком и полностью ветерана необъявленной войны и еще раз взглядом окинул, цепляя по привычке чисто внешние мелочи. Ростом почти одинаковы гость с хозяином, в плечах оба широки, подтянуты оба. Та-ак. Блондин, стрижка короткая, глаза серые. Особых примет не видеть, хотя... Нос характерный, бойцовский - перебитый. Возьмем на заметку. Одет просто: слаксы, рубашка, кроссовки. Ладно, пора и честь знать - посмотрели и хватит. Распахнул Коляда дверь и жестом пригласил - прошу. Вишневский покосился с легким недовольством, но вошел. Та-ак, не любишь, значит, спину подставлять. Хорошая привычка.

Удивительно, как меняет присутствие гостя атмосферу в жилище. Жил Коляда и не замечал ни завала досок кедровых посреди комнаты, ни стружек, тут же наваленных - вырезал что-то, да и не закончил. Бардак в своей берлоге он разгребал обычно перед визитом какой-нибудь из подружек, что нередко залетали на огонек. Ладно, ради этого гостя возиться не будем. Мужик все-таки, поймет.

Мужик успел уже вполне освоиться с жильем. Сидел в зале на кушетке, чемоданчик рядом пристроивши.

- Не-е, друг, тут ты зря уселся. Я тут живу, а твоя хата вон там. Располагайся давай, да будем думать насчет пожрать.

Вишневский пожал молча плечами и пошел в указанном направлении. По пути увидел грушу боксерскую и оживленно наподдал кулаком.

- Боксер что ли? - заинтересовался Коляда. Просто так спросил, ничего шибко боксерского в том ударе не было.

- Нет. Ваше-то каратэ раньше осваивал, но не всерьез.

- Хм, глянь-ка ты, сплошные каратюги кругом. Друг твой тоже вот...

- Да. Я слышал, что и убили его как-то так.

- Это кто ж такое ляпнул?

- Майор ваш. А я ему тогда же насчет себя рассказал. Что вроде как главный подозреваемый получаюсь из-за этого.

- Почему ж сразу главный? В армейке вас всех разве не учили этому делу?

- Учили, - коротко ответил Олег и исчез в комнате.

Коляда поглядел ему вслед, поразмыслил и пошел заботиться о хлебе насущном. Роль такового решено было доверить картошке - фирменному блюду холостяков. Пока суд да дело, Олег Вишневский выставил на круг пару банок тушенки и дорогой флакон "Смирнофф". Валерий Петрович даже хмыкнул от предвкушения и покрошил в чашку помидорчиков для аппетита. На недостаток последнего никто, впрочем, и не жаловался. Быстренько устроились, поместив на стол дымящуюся сковороду, налили по первой.

- Ну, давай что ли, за упокой души твоего друга.

Выпили не чокаясь. Самая чистая в мире водка пошла гладко, ударила с голдухи по мозгам. Может, поэтому, а может, еще отчего, но только минут через десять разговор вышел на основную тему.

- Я, Олег, про открытку твою слыхал. Просвети уж, что там могло стрястись в Афгане вашем.

- А я разве говорил про это, Валер Петрович? - нахмурился Вишневский, и Коляда тут же кивнул:

- Точно, сам я все придумал. Давай, наливай. Между первой и второй... что? - Перерывчик небольшой, - закончил весело Олег и разлил по новой. Выпили. Коляда подцепил ломоть помидора и взялся за картошку. Надолго, впрочем, ему этого дела не хватило - разговор был больно уж интересный.

- А все-таки, что мог твой друган узнать такого, что ему муторно стало? Да ты не напрягайся, это ж не допрос. Вспомни, как оно вышло с той засадой.

Олег взялся вспоминать. А может, просто думал - говорить или нет.

- Вообще-то "духи" там сидели, это факт. По наливникам они хлестали из зеленки, тут тоже без всяких. Всегда так делают. Но вот с бэтээрами странность вышла...

- Погоди секунду. Наливники - это фургоны.

- Ну да, бензовозы. Мы их так называли. Им в зеленке вообще верный звездец был... Ну, в смысле - там вокруг дороги всякая зелень растет, виноград, то-се. Под Чарикаром этого добра хоть задницей ешь. А "духи" там сидеть обожали. Он, падла, туда, может, пушку безоткатную запрятать, а с дороги не видно ни черта.

- Ясно, давай что ли по последней разольем. За всех, кто там остался.

Слышал Коляда раньше, что за это поднимают именно под третий тост - заведено, мол, так. Олега слова зацепили крепко. Поглядел он пару минут в пространство, вспоминая, и кинул в себя сто граммов без закуски. Затем вдруг сам, не ожидая вопросов, продолжил:

- Говорю, в тот раз что-то не так началось. Обычно ведь колонна когда идет, то бэтээры с десантом - в голове и в хвосте. "Духи" так и били из базуки - сразу по броне, чтоб прикрытие вырубить. Но тут у них не всегда получалось. Во-первых: из гранатомета еще попасть хорошо надо. Десант на броне сидит, реакция хорошая у всех. Чуть что - прыгаем, залагаем и по кустам чешем со всех стволов. На транспортерах пулеметы - тоже мало не покажется. Так и вылазили всегда и ниточки через все засады проводили. А в тот раз... Короче, взорвались разом все бэтээры. Бензобаки сперва, а там и боеприпас рваться начал. В решето. Десант весь обломками посекло - никто ж не понял, в чем дело, откуда оно явилось. Наливники без прикрытия остались, так их "духи" в упор били, как в тире. Я-то сам не видел -осколок в пузо схлопотал и лежал в канаве. Рассказали потом. "Вертушки" наши подоспели вовремя, разогнали козлов. Повезло, короче.

Замолчал Олег, губы сухие языком облизнул. Коляда, однако, не помедлил с вопросом:

- Стало быть, из гранатомета по вам не били. Так?

- Ну да. Я потом думал часто про это, и в санбате и после дембеля... Короче, мины такие есть магнитные. Нам их бачата прилепляли, бывало. Пацаны тамошние. Она, хреновина эта, вся грязью измазана, не поймешь сразу, что и такое. Вроде как кусок глины. На бензобак куда-нибудь прилепнут и - до свиданья, мама. Ну мы, ясно дело, тоже не дураки, осматривали все каждый раз. Но это если в городе остановка или в кишлаке. А в тот раз ничего подобного - ночевать вставали на трассе, караул хороший. Там ведь солдат на посту дрыхнуть не будет - башка-то не казенная. Но если свой кто, то мог и умудриться прилепить мины. Не знаю. Прокуратура военная потом копала, гзбэшники тоже. Без толку. Догадки одни.

- А вот мины эти. Они радиоуправляемые или как?

- Да всякие. Эх, ладно, давайте выпьем что ли, Валер Петрович.

- Не-е, это, брат, тебе допивать. Бог любит троицу и я тоже. Завязал я когда-то, было дело.

Олег глядел с интересом - требовал чужой истории взамен на свою.

- Началось все с аварии. На "Москвичонке" ехал с женой, а навстречу - "КамАЗ". Я сам виноват был - нажратый. С гулянки возвращались. В общем, такие дела. Нет, без жертв обошлось, нога моя только.

- Что нога? - удивленные глаза у Вишневского. Не сказал, значит, Кобрин.

- Я тебе потом покажу, сейчас из-за стола вылезать неохота. Протез у меня там. Ну, а в то время был просто обрубок. Представь - жена жива здорова, шофер камазовский тоже. А я вот инвалид. В то время в угрозыске работал, так поперли меня оттуда. Вождение в состоянии опьянения, пятно на светлом

облике советской милиции и прочее. Время еще такое было - после Указа как раз. Короче, с волчьим билетом вылетел. Вот тогда и запил, да так, что целый год из жизни потерялся. Еще б немного и каюк. На паперти бы сейчас сидел с кепкой. Наташка от меня тогда же ушла. И правильно, в общем-то.

- Но ведь вылез.

- Ага, вылез. История получилась как в плохом кино. Водяру в то время все больше на вокзалах брали, если помнишь. У таксистов. Подъезжаю я туда как-то затовариться. Уже хороший был, но добавку душа просила. Часы свои накануне толкнул, так что при деньгах. И на самом на вокзале встречаю, значит, Валета. Был один такой из моих бывших подопечных. Так себе, шестерка на побегушках, гопстопник мелкий. Но в тот раз неплохо выглядел: при костюме, выбритый чисто, одетко даже надушенный. А вот он я - в хламье, одетый как бомж, рожа опухшая, да еще и на костылях. Картинка, короче. Ну и Валет, ясно дело, отыгрался за все дела. И три рубля на водку предлагал, и одетую флягу для опохмелки. А под конец выдал, что, мол, разобратся бы с тобой, ментом, да ладно - живи. Кто, мол, тебя теперь боится. Вот это меня и зацепило, веришь - нет. Дерьмо какое-то блатное об меня руки марасть не хочет. Я для него - пустое место. Стоял я тогда, на рожу его фиксую глядел и думал - убую. Подохну, а достану. Нет, не клялся, просто думал. Добрался в тот раз домой и водяру в раковину вылил. Серьезно говорю. А потом три года вообще ни капли. Ходить начал без костылей учиться. Не сразу, конечно, но пошло дело. Тоже, значит, повезло.

- А этот... Валет? С ним как?

- А никак. Сидит он нынче, я от Сани узнал. Выйдет когда-нибудь, встречу - по морде дам. Хотя я ему еще благодарен должен быть, что заставил из помойки вылезти. Да, кстати, если уж вернулись мы к дню сегодняшнему. Скажи-ка мне поподробней, кто у вас там уцелел после того раза. Ты же Саню просвещал насчет вашей пятерки, может, и мне чего скажешь?

- Да тут особо и говорить-то... На сегодняшний день четверо нас. Дорофеев Серега сейчас в Хабаровске. Женька Кудрявцев - в Новосибирске. А вот Семенов Саня, тоже без ноги остался, он - местный. Они с Костяном кореша были капитальные - прикиньте, в Афгане земляка встретить. Вам, может, адреса нужны?

- Да желательно бы. Собственно, у меня больше вопросов и нет, - Коляда жестом фокусника вынул откуда-то блокнот и раскрыл на чистом листе.

Действо обмена информацией длилось еще минут десять, по истечении которых на кухне поселилась тоска. Вроде и не пили даже - веселости не прибавилось. Вишневному в одиночку распивать явно не хотелось, а Коляда перешел на диван и врубил телевизор. Закончилась работа на сегодня.

13

На следующее утро Коляда проснулся от пушечного грохота в соседней комнате. Олег Вишневецкий деловито - руками и ногами - обрабатывал беспомощную грушу. Неплохо работал, кстати, технично. Оглянувшись, увидел Коляду и улыбнулся как ни в чем не бывало:

- Доброе утро.

- Какое, к черту, утро?! Шесть часов, - поморщился Валерий Петрович и пошел досыпать. Сон, однако, не шел, хоть убей. Вот же громила хренов, дорвался! Лады, пора и нам подразмяться. Эх-х, где ты там, сила молодецкая?!

После завтрака (традиционная яичница) взялись составлять план действий. Собственно, у каждого он был своим. Вишневецкий надумал бежать в местный Совет воинов-интернационалистов, а Коляда пробурчал что-то невнятно насчет больницы. Игоря он, конечно, навестит, но сперва предстоял один важный визитик, о котором Олегу знать пока ни к чему. Не мог еще Коляда ему доверять, мало ли.

Первым делом Валерий Петрович вызвонил Кобрину и, не слушая возражений, надиктовал данные из записной книжки.

- Ты, Саня, вызнай про них, что и как. Может, запросы в военкоматы, фотки фас-профиль, то-се.

- Издеваешься? - грустно и безысходно спросил Кобрин, переходя невесть с чего на кавказский акцент. - Какой, слушаешь, военкомат, какой запрос? Ты понимаешь, что этого дела не существует в природе? Какие я, на хрен, бумаги должен лепить, чтобы послать эти твои запросы?

- Саня, ты на хрен не лепи. Просто напиши и все. Ты ж у нас умный мальчик. Голова дана человеку, чтобы думать, вот и докажи, что ты человек. Трудно, конечно, с непривычки, но...

В трубке раздались длинные гудки.

Оружие Коляда любил с детства, и ни армия, ни оперработа ничего тут не изменили. "Вальтер ППК" - германский "ствол" от Ашота Мануковича радовал глаз хищным изяществом линий и удобно лежал в руке. Валерий Петрович выщелкнул обойму, оттянул затвор, проверил привычно на отбой курка и, собрав все воедино, сунул в наплечную кобуру. Одно плохо - куртку придется надевать в такую-то жару. Ладно, искусство требует жертв, а в жизни всегда есть место подвигу.

Поездить пришлось, куда ж денешься. Конечной целью оказалась небольшая, но вполне оживленная толкучка на окраине города. Как и положено в наше время, толкучка была густо обсажена коробками коммерческих киосков, где надлежало искать один единственный. Кто идет, тот всегда найдет - вот он, родимый, помеченный звездой и словом "Дукан". Даже номер есть. Таких "комков" Коляда в городе видал предостаточно, создавались они под крылом объединения воинов-интернационалистов. Если верить последним справкам, то именно здесь надо искать бывшего десантника, а ныне инвалида Александра Семенова. Коляда остановился перед витринкой, оглядывая пестрый ассортимент: "сникерсы", сигареты, напитки с градусом и без него. Продавец отсюда был хорошо виден - рыжий, круглолицый, конопатый. Валерий Петрович нагнулся к окошку, встречая равнодушный взгляд парня, улыбнулся:

- Семенов?

- Ну. И что?

- Тебе от Олега Вишневого привет.

Потептели глаза, улыбка проявилась и погасла. Потом парень кивнул головой неопределенно:

- С той стороны дверь. Сейчас открою.

Изнутри "комков" выглядел совсем тесным. Крутом какие-то ящики, коробки - не до уюта. Коляда, впрочем, вспомнил свою квартиру и смирился. А Саня Семенов, наверное, давно привык, да и двигаться-то ему особо не хотелось. Пара алюминиевых костылей отдыхала в углу, а правую ногу заменяла деревяшка, почти как у Коляды. Не германская, правда, а нашенская. Валерий Петрович знал об этом от Вишневого, но говорить собирался на другие темы.

- Тесновато у тебя тут, браток. Вентилятор бы что ли врубил.

- Ну да, а лучше - кондиционер, - по-своему согласился Семенов, торопя взглядом. Коляда торопиться не желал - устроился на одном из ящиков, сигареты достал, предложил молча хозяину. Тот пожал плечами и дернул из кэмэловской пачки сразу две сигаретины, спрятав одну за ухо. Закурили.

- Насчет Олега, это серьезно или как?

- Или как. Хобби у меня такое - лапшу на уши вешать продавцам киосков и отвлекать от ударной работы на благо капитализма. А еще... - Коляда осекся, наткнувшись на холодный взгляд Семенова, закашлялся даже, рукой махнул:

- Ладно, ладно. Серьезный какой. Здесь твой Вишевский, в городе. У меня живет.

- Да? А ты сам-то кто? - хмурый парень Семенов отгаивать не спешил.

Поглядев внимательно ему в глаза, Коляда убрал с лица остатки улыбки и ответил так же хмуро:

- Дед пихто. Комнату сдаю на время твоему другу, который по причине смерти Воронцова живет тут и заявляет, что в гостинице дорого, а ездить сюда каждый день из Курска далеко, а потому...

Прервался Коляда еще раз, глядя на собеседника. Испытанный был приемчик - сыпать словесную шелуху, среди которой проговориться о чьей-то смерти. Мельком так проговориться, особого значения не придавая. Винаватый либо

смолчит, мол, не заметил, либо вскинется фальшиво, начнет уточнять. Семенов попадаться не желал ни в какую. Молчал и все. Поглядел Коляда пару секунд и закончил:

- А потому будет здесь жить и разбираться.

Помолчали вместе. Потом Семенов очень спокойно поинтересовался:

- Это правда? Насчет Воронцова?

- Увы, - вздохнул Коляда и задумчиво уставился в окно...

Короткий рассказ кюскер выслушал с видимым спокойствием, уясняя для себя место и роль всех действующих лиц. Зевнул даже.

- Интересное кино. По-хорошему, так вломить бы Вам сейчас за то, что на ребят такое говорите, - поморщился Семенов, сглотнул что-то, восстанавливая равновесие: - Извините, ерунду говорю, Вы-то тут ни с какого боку. Но ко мне зря пришли, я ни про кого плохо не скажу.

- Слушай, Семенов, я тебя старше всего лет на двадцать. Хватит выкаты, давай по-нормальному. Не против? Ну так вот, версия эта не моя, ее сам Воронцов подсказал в открытке своей. Он тебе что-нибудь такое говорил.

- Нет. Мы с ним не шибко-то контактировали. Он тут какой-то не такой стал, на гражданке. Не до нас ему было. Мы после госпиталя вообще всей толпой не съезжались ни разу. Дела, своя жизнь у всех. Открытки только - на второе августа да на Новый год.

- Второе августа - день десантника? Ага, помню, как ваши по городу ходят. Кстати, ты тот бой хорошо помнишь? - сменил Валерий Петрович тему.

- Частично. Пока сам не вырубился.

- Вишневецкий мне вот говорил, что все бэтээры разом полыхнули. Это так?

- Вы опять про свое? Ну не мог никто из наших это сделать. Все ж под пули шли одинаково. Да и зачем? Для "духов" стараться - себе дороже.

- Ну да? А по телику посмотришь про пленных - кто в Штаты попал, кто ислам принял и живет себе в Пакистане.

- Так то ж суки! У нас таких не было!

- Не зарекайся, хлопец, серьезно говорю. И те, кто в плен попал, далеко не все виноваты. Жить им хотелось и повезло. Руки, ноги, уши не отрезали, на кол не посадили. Пацаны молодые, помирать рано. Но тот, про кого говорю, уж точно говнюк. Он не просто к душманам уйти хотел, он на них вкалывал. И колонну им отдал не задаром. Наверняка оплата в СКВ шла. Но что-то вот не заладилось, и был он либо убит в бою, либо ранен и попал в госпиталь. С учетом последних событий, думаю, что так оно и есть. Ну как тебе этот вариант?

Не торопился Семенов с ответом, думал. Коляда, не давая усомниться, подкинул еще вопросик:

- А вот из ваших кто выжил, все были ранены всерьез? Ты меня извини, если что.

На сей раз парень ответил быстро:

- Ну, круче всех у меня получилось. Потом Женька Кудрявцев - его очередь прошло, еле выкарабкался. Вишневецкий Олег один осколок схватил, но зато в живот - все кишки наружу. Серегу Дорощеева контузило просто взрывом, больше ни царапины. Не знаю, как уж он так.

- Во-во. А Серегу этот на вашем бэтээре ехал?

- Ну да, на головном. Так Вы думаете, он это...

- Я ничего не думаю. Строю версии просто. Как вот ты считаешь, можно было в том бою не получить ни царапины?

- Да всякое бывает. У нас вон "чижику" одному в трех местах осколками каску прошло, а башка целая. Тут уж как повезет, Дорощеев-то хоть уцелел, зато психом сделался капитальным. Знаете, как сейчас в этих фильмах снимают - чуть что, сразу в истерику, мол, вы, суки, тут с жиру беситесь, а я там... ну и всякое такое. Нервы, они ж тоже у каждого свои. Вот такие пироги. А больше я Вам ничего не скажу.

- Не знаешь, или не хочешь?

- И то, и другое. У вас там, я гляжу, все еще вилами на воде писано. Так я ребят под монастырь подводить не буду.

- Ну, смотри, дело твое. А ты все ж подумай, может, что и вспомнишь эдакое. Я на днях загляну.

Коляда уже шагнул к двери, затем, вспомнив, обернулся и приподнял брочину, обнажая деревяшку:

- Видишь, Саня. И с такой штукой можно жить нормально. Так что не пасуй тут. Я, если что, могу помочь с протезом.

- Спасибо, - по лицу парня трудно было судить о его реакции, и Коляда, выждав мгновение, кивнул в такт своим мыслям:

- Бывай, Саня. Подумай над предложением.

Оставшись один, Семенов вытащил припасенную сигарету, прикурил и закашлялся дымом. Ему показалось, что все вокруг напитано дымящейся тонкой пылью, как было в ту ночь, когда дул "афганец"...

14

... В эту ночь с востока налетел "афганец" - порывистый, обжигающий ветер, утопивший все вокруг в облаках красной пыли. К утру заночевавшая на трассе колонна напоминала скопище уродливых барханов, наметенных на бетон. Солдаты, все как один кашляющие, с красными кроличьими глазами, завтракали на скорую руку сухпаем.

Семенов, не заботясь о чистоте комбеза, сидел прямо на земле, ковырял ложкой консервированную рисовую кашу. Услышав шаги, покосился на подошедшего Воронцова и ничего не сказал. Тот присел рядом на корточки, поглядел вприщур на поднимающееся солнце.

- Опять, зараза, калить будет. И как они тут живут без дождей?

Вопрос был риторическим, поэтому Семенов лишь молча пожал плечами.

- А помнишь, в городе после дождика какой кайф был? Запах такой... И пыли нигде, самое главное. А тут... - Костян махнул рукой и вытащил откуда-то из-под комбеза иголку и календарик. Последний превратился уже от пыли в замусоленную картонку, напоминавшую мелкое решето. Отыскав вчерашнее число, Воронцов аккуратно его проколол, затем, глядя на свет, подсчитал оставшиеся дни.

- Неделя ровно до дембеля. Я ташусь.

- Угу, если не накроемся в зеленке.

- Типун тебе на язык. А заметь - вчера за весь день ни одного выстрела. Может, дуриком проскочим.

- Все бывает, - охотно согласился Семенов.

- Может, отдыхают "духи" или праздник у них?

- А точно, седня ж четверг, по-ихнему - "пайндшанба". Завтра пятница - выходной.

- А по выходным они, значит, не воюют?

- А хрен их знает. Может, им, наоборот, Аллах велит побольше неверных перекокать.

- Может, - Семенов доел кашу и обернулся в сторону бэтээра: - Эй, "чиж", кинь фляжку дедушке Советской Армии! Шустрой давай, твою мать!

Юркий рядовой Муталибов первого года службы поспешно перегнулся в люк за фляжкой. Семенов хмыкнул, вспоминая себя на его месте. Всего через пару недель Муталибов перейдет в разряд "черпаков", получив кучу привилегий, в том числе право орать на малохольных, "чижигов". А он, Семенов, как и сотни других проедет по мосту в Термезе, сменит линялое ХБ на парадку и покатит в далекий свой город...

Экипажи засуетились вдруг, зашумели, и Саня не сразу сообразил, что уже отдана команда о выходе. Замечтался, понимаешь ли. Воронцов влез уже на броню, подавал оттуда каски и бронешилеты с трафаретными номерами. Саня натянул амуницию неохотно, зная по опыту, что автоматная пуля прошивает ее с близкой дистанции как бумагу. Лязгнув затвором, досылая патрон, а пару стянутых вместе изолентой магазинов сунул в брезентовый лифчик-патронтаж. Все, вроде бы, готов. Десант, рассеявшийся на броне, бряцал еще амуницией, а наводчик-оператор Генка Богданов протирал замшей смотровые триплексы, матеря втихую всю эту негостеприимную страну. Немного ему тоже осталось до возвращения в родимую Карелию с ее болотами, туманами и сосновыми борами. Совсем немного. Полным полно дембелей нынче в деле, против обыкновения. Согласно неписаному правилу их на боевые почти не таскают - отвоевали

уже свое. Судьба ли тому виной или вселенский закон подлости, да только лю- бят пули цеплять именно таких, которым до мирной жизни всего-ничего оста- лось. Эх, ладно - от судьбы не убежишь. Пора.

Колонна на трассе напоминает гигантскую змею, где в голове и хвосте сталь- ная мощь транспортеров, готовая прикрыть, защитить камазно-бензиновое туло- вище. Лязгающий змей пробирается в глубь чужой страны. Мысль всплыла и испарилась на жаре. Лучше не думать ни о чем - так время быстрее идет. Санин бэтээр шел головным, поводя вокруг стволом крупнокалиберного пулемета. Первому, как известно, везде тяжело, а на войне в особенности. Ему достают- ся мины и фугасы, ему предстоит гореть, истекая солярой из пробитых баков. Те, кто идет на головном транспортере, становятся героями дня. Семенов вспо- минил, как когда-то, будучи "чижигом", все порывался ехать внутри машины, чувствуя себя неуютно на броне. Потом уж ему объяснили, что для водителя и пулеметчика, сидящих в стальной коробке, эрэс или мина означает верный ка- пут, превращая людей в иссеченное железом месиво. Те, кто снаружи, еще могут слететь или спрыгнуть, - если повезет.

Ползли бэтээры. Скользили вокруг горы, горы, опять горы. Набивший ос- комину пейзаж. Нет здесь сверкающих снегом вершин, как на Саланге, нет лед- ников и холодных рек. Красно-бурые сопки, поросшие верблюжьей колючкой, одним видом своим вызывают сухость во рут. Проплыл мимо молчаливый киш- лак, отгородившийся от шурави стенами дувалов. Лохматая пастушья собака погналась с лаем, но быстро отстала. Узкий арык несет куда-то свои коричне- вые воды. И опять горы кругом. Висит, колышется зыбкое марево. В белом раскаленном небе кружится черной точкой орел. Эх, Восток-Восток...

Часа через три ходу колонна вышла к зеленке. Механик головной машины по заведенной традиции потянулся к тангенте внутренней связи, вызвал ротного.

- Ноль восьмой. Вижу зеленку.

Известие облетело колонну, заставляя взбодриться и подтянуться. Семенов глот- нул для пушей боеспособности из фляжки и снял автомат с предохранителя. Зе- ленка - экзамен для всех. Едва ли не каждый километр здесь помечен остовами русской техники, бетонка издолбана взрывами, а обочина наштапигована тротилом.

- Первый, первый. Полный газ, - дошла по внутренней связи команда рот- ного, приводя в движение стальную змею. Замелькали кругом сады и виноград- ники, заросли кизила и еще чего-то, способные скрыть целую армию. Для боль- шей безопасности в зеленке вырубались просеки метров на сто от дороги, но это не мешало лететь оттуда пулям и снарядам. Семенов уже не сидел, а лежал на броне, весь обратившись в зрение. Интуиция подсказывала, что за "ниточкой" следят, хоть и не спешат нажимать на курок. Не может быть, чтобы не следили. Привык Саня доверять интуиции. Впереди, там, где бетонка шла под уклон, показался контрольный пункт. Афганские солдаты, верные режиму Наджибул- лы, все как один усатые и в серой униформе, подняли шлагбаум, пропуская колонну. "Скоро и Чарикар" - подумалось Семенову, и мысль эта принесла некоторое облегчение. Опять проморгали "духи". Что-то слишком уж часто ста- ли моргать.

- А что, если вон с той горки стукнет ДШК? - Серега Дорофеев указал ду- лом автомата на близкую сопку, всю иссеченную расщелинами. - Из безоткатки тоже могут.

Что-то в Серегинном голосе показалось Семенову странным. Словно скрытый натянутый нерв обнажился вдруг.

- Тебе, Серый, с таким настроем лучше б в хоззвезде сидеть, - отозвался с другого края бэтээра Игорь Звягинцев. - Там, знаешь ли...

Что-то шлепнуло о башню, оборвав его слова. Игорь сидел с нелепо выка- ченными глазами и отверстием во лбу, а по броне за его головой растекалось что-то розово-черное. "Снайпер!". Саня увидел вдруг, как Дорофеев, подхва- тив автомат, сиганул с машины, но сам уже ничего не успел сделать. Что-то неопишимо большое и громкое налетело, ударило в голову изнутри, погрузив все во мрак...

Очнулся он от удушливой вони. Прямо перед лицом горел резиновый скат бэтээра. Машина стояла, завалившись набок, и языки пламени вырывались из развороченного бензобака. "Пулемет молчит. Значит, внутри ни одного живо-

го.” Что-то серое в алых потеках лежало рядом - нога в шнурованном ботинке, такая неестественная в своем одиночестве. Подавляя тошноту, Семенов повернулся и замер вдруг, поняв, чью ногу видел только что. В этот миг пришла боль, наполнив окружающий мир конвульсиями, и крик, жуткий, звериный, вырвался из груди.

Колонна гибла на глазах. Дымились кострами бэтээры. Зеленка плевалась свинцом, а отдельные фигуры в халатах и чалмах уже вставали в открытую, расстреливая наливники. Быть может, вид этих фигур на мгновение отрезвил Семенова, а отчаяние сменилось жгучей злостью. “Ну, суки, погодите. Ща-ас, погодите. С-суки!”. Дополз, подтягиваясь на руках, до чьего-то автомата, дернул затвор. “Духи” уже подошли слева, еще не видя его. Их было трое - бородастый гигант в зеленой чалме с РПГ в руках и двое помоложе с автоматами. Они шли, чтобы его добить. Семенов выставил оружие, боясь, что не хватит сил, что вытекут они вместе с кровью и впитаются в проклятую жидкую пыль. И когда мутная волна накатила вновь, Саня стиснул зубы и нажал курок, вложив в это движение всего себя. Бородач выронил гранатомет и стукнулся всем телом о землю, второй рухнул навзничь, словно запутавшись в своих просторных одеждах. Третий душман исчез в кустах, и Семенов бил ему вдогонку, пока не опустел магазин. Потянул два других из патронташа и вдруг замер. Сзади кто-то подходил, ступая мягко, как барс. “Крышка! “Дух” подкрался. Не успею...” - мысли гулко плеснулись в голове. Семенов медленно, неуклюже повернулся и увидел сперва только ноги и хэбэшбрюках и высоких десантных ботинках. Затем он увидел автоматное дуло, очень маленькое и черное. А потом. А потом звонко клацнул затвор, - и весь мир был в этом звуке, и не было уже ни сил, ни внимания, чтобы заметить перелетевшую через корпус бэтээра гранату - последний подарок зеленки. Дуло автомата метнулось в сторону, исчезая с глаз, а потом все вокруг исчезло в одной бесконечной вспышке...

Стук, громкий и требовательный заставил Семенова открыть глаза. Шекастая дама глядела в окошечко киоска:

- Молодой человек, покажите мне вон ту заколку.

Получив желаемое, женщина долго разглядывала его, наконец вернула и удалилась. Не в духе, видать, была. Семенов безразлично поглядел ей вслед. Над городом опускался вечер, но солнце еще пекло. В киоске было душно и пыльно, как на далекой афганской дороге.

15

В родной подъезд Коляда вошел с вполне объяснимой опаской. Никто, впрочем, не таился за углом ни с монтировкой, ни с обрезом. А на родном третьем этаже у двери сидел на корточках Олег Вишневский, курил. Устал, видно, ждать.

- Ты ж говорил, что весь день будешь в конторе своей.

Вишневский пожал молча плечами и затушил чинарик о перила. Энтузиазма на лице не проглядывалось.

- Ясно. Никто ничего не знает, не ведает, - сообразил Коляда и отпер дверь.

Великая вещь все-таки холодный душ. Похлеставшись так и сяк тугими струями, Коляда будто заново родился. Вышел, от удовольствия шурясь, на кухню и обнаружил на столе съестное. Не зря все-таки мотался Вишневский по городу - прикупил где-то пару банок заморской ветчины “Дак”, помидоров россыпь и пивка жигулевского. Жить хорошо, а хорошо жить - еще лучше, как говорили известные киногерои, смакуя известный напиток. Что ж, пора и нам. Пиво оказалось на удивление холодным, отчего на душе совсем полегчало.

- Как там у Вашего брата дела? - Вишневский поинтересовался в меру чувственным тоном, нарезая розовый прямоугольник ветчины тоненькими пластичками.

- Нормально, - в меру грустно отозвался Валерий Петрович, цепляя пластик вилкой.

Против истины не погрешил - выкарабкался Игорь. Не меньше часа нынче Коляда просидел с ним, беседуя за жизнь. Как и предполагалось, ничего интересного Игорь не помнил и, открыв дверь на чей-то звонок, очнулся уже в реанимации. Более того - весь имеющийся у него компромат составляли именно те

фотографии, о которых говорил серьезный человек Черемной. Смотри-ка, - не обманул.

Всей этой информацией Коляда с Олегом делиться не хотел. Хотя кое-что другое можно и поведать:

- Привет тебе, кстати, от Сани Семенова, - выдал он равнодушным тоном и поймал вилкой кусок помидора.

Отреагировал Олег нормально - удивился, но в меру. И не спросил ничего, уделив внимание пиву.

- Он все в "комке" работает. Побеседовали нынче, вспомнил он кое-что. Тебе интересно?

Вишневский хмыкнул, допивая бокал, а затем в упор поглядел на Коляду:

- Правду отвечать или как? Не могу сообразить, в качестве кого здесь я. Ну то, что меня подозревают, это ясно. Я особо и не обижаюсь, но голову-то на кой хрен морочить?

Глаза его глядели с откровенной злостью. Защищаясь от этого взгляда, Коляда прикрылся левой ладонью, а на правой выставил указательный палец вместо пистолетного дула:

- Бах! Бах!

Олег такого тона принять не пожелал. Поиграл желваками на скулах, не отводя взгляда.

- Прикалываться не надо, Валерий Петрович. Я серьезно вполне. Давайте решим сразу и на все сто, как будем дальше говорить. Подозреваете меня или нет - ваше дело, только всякие вопросы с подковырками, когда и дураку ясно... Короче, извините за грубость, завтра перейду в гостиницу, не буду мешать.

Он умолк и принялся ловить на вилку очередную помидорину. Коляда тоже голоса не подавал, оценивая обстановку. Ничего неожиданного, собственно, не случилось. Нормальная реакция на ненормальные вопросы. И ссора в этом случае - вполне естественный шаг. А, может, и продуманный ход. Так или иначе, но тактику пора менять.

- Униженный и оскорбленный, - оценил Коляда внешний облик собеседника, получив в ответ молчанье гробовое. - Да, кстати, насчет гостиницы. Ты не думал, что если туда уйдешь, то это тебе сломает алиби? Мало ли что еще может случиться. Тут хоть я за тебя словечко скажу, а там... Так что дело твое. Да и дешевле обходится у меня-то, скажи мне, если я не прав. Все расходы - пивко да закуска, и то от чистого сердца, а не корысти ради. Еще б рыбки соленой, извиняюсь за грубые вкусы.

- Горбуша была, только вид у нее нездоровый, - отозвался Олег.

- Это бывает. Еще и вкус как у мыла. Я вот сам солю, так это да. Щучки, судачки.

- Рыбак? - заинтересовался Вишневский. Рад он был уйти от детективной темы.

- Бывает, - излюбленной фразой ответил Коляда. - По осени обычно. При чем из чисто спортивного интереса - только спиннингом. У вас-то там, под Курском, наверное, всю рыбу расшугали уже?

- Да водится малость. Сомята такие цепляются, что вообще. А в сентябре крокодилов тоже полно, из тех, что на блесну идут.

Олег улыбнулся вдруг, расслабляясь лицом, словно умылся с жары:

- В Афгане с этой рыбкой такие приколы были! Там ведь население ваше ее не ловит и не ест. Баранов им подавай. Ну и форели всякие реагируют соответственно - живут и ни черта не боятся. Пришлось их познакомить с русскими удочками, чтоб знали свое место в жизни. Короче, пару гранат в воду - и можно урожай собирать. Один раз поперлись втроем, а там "духи" засаду устроили. Хорошо, у нас пацаны уже опытные были, отстрелялись и вылезли без потерь. Ротный потом втык сделал такой, что долго рыбки не хотелось. Такие вот рыбалки были.

Олег замолчал, каменея лицом. Вспомнил что-то. Коляда поглядел на него пару минут, а потом полез за сигаретами. Вишневский кивнул рассеянно и поднялся с дивана.

- Гитару можно взять?

Не дожидаясь ответа, снял со стены инструмент, перебрал струны:

- Хотите, нашу спою? Не знаю, кто написал, но пели "за речкой" постоянно.

Опять-таки без приглашения взял первый аккорд:

А на войне, как на войне, а нам труднее, нам вдвойне.
 Едва взошел над сопками рассвет,
 Мы не прощаемся ни с кем - чужие слезы нам зачем?
 Уходим в ночь, уходим в дождь, уходим в снег.
 Эх, батальонная разведка, мы без дел скучаем редко...

Песня звучала ровно, без надрыва, успокаивала странным образом. И голо- сом исполнитель не обижен - приятно послушать. Коляда и послушал до самого конца, когда струны выдали аккорд заключительный. Вишневский отложил гитару и рассмеялся чуть смущенно, словно предвидя шквал аплодисментов:

- Помню, еще в учебке первый раз слышал. И потом, когда в Афган переки- нули, - салага ведь еще был. Очко-то не железное - играет. А песню эту послу- шаешь, и таким крутым сразу себе кажешься, аж самого в бой тянет.

- И хлопцы вокруг такие же brave? И душманов ну очень не любят, мягко скажем, да? Семенов вон меня нынче вообще послать хотел куда подальше. Всем, говорит, верю как себе.

- То-то и оно, - согласился охотно Олег. - Меня вот тоже как хошь ломай, а не соглашусь, что наши это. Факты, конечно, вещь упрямая, но... Не было у нас козлов. А если были, так раскрылись в первые же месяцы. Самострелом занимались, заразу всякую пытались подцепить, чтоб в госпиталь залечь. Были, но не из нас пятерых.

Ясно. Вы крутые, честные, мужественные и так далее, - констатировал Ко- ляда. Тема эта уже порядком была избита и обмусолена, а вернулся к ней быв- ший опер ради чисто спортивного интереса. Олег, однако, начинал заводиться по новой:

- А хоть бы и так. Ну не такие, конечно, как в кино показывают. Они там прям ангелы, а мы просто... люди.

- Святых между нами нет, - отозвался Коляда глубокомысленно.

- Что?

- Стихи такие. В грехах мы все, как цветы в росе, святых между нами нет. А если ты свят, - ты мне не брат, не друг мне и не сосед.

- Неплохо. Ваши?

- Сдурел? - вопросом на вопрос ответил Валерий Петрович и тут же пояснил:

- Знать надо, брат, мировую классику. Написал сие великий арабский поэт Омар Хайям. Хотя, может, и не арабский. Но великий, уж точно. Согласен?

- Угу.

- Вот именно. А отсюда вытекает, что если вы не святые, то мог кто-то из вас... Все равно мог. Ладно, оставим эту тему, а то ты нервничаешь, я гляжу.

Они действительно тему оставили. Выпили еще пива, заливая лишние эмоции, а потом Олег опять потянулся к гитаре - душа просила, видать. Песни полились одна за другой, и было в них общее - тугая струна напряжения. Коляда много слышал фольклора Великой Отечественной и тогда еще сделал вывод - писать о войне и писать на войне - это две большие разницы. Олег пел то, что пели когда-то под каленым солнцем чужой страны, ощущая отовсюду смерть и при- выкнув к ней. Пел про горы и караваны, "вертушки" и письма из дома. Коляда слушал, и ему, впервые за эти дни, было легко.

16

Этой ночью приснился летящий эрэс. Коляде он, почему-то, представился громадной ревушей тушей "КамАЗа". Звенящей, как телефонная трель. Открыв глаза, Валерий Петрович сделал гениальный вывод, что телефон и впрямь звонит. На часах было восемь утра.

- Привет, сыскарь, - голос Кобрин в трубке радостью не обдавал.

- Что случилось? - Коляда почуял неладное, но не смог еще определить его степень.

- Лопухнулись мы крупно, вот что. Вернее, ты лопухнулся, а я по твоей наводке. Амнистия.

- Чего? В смысле?

- Закон об амнистии был, вот чего. За все преступления, совершенные во время афганской войны, гений ты наш частного сыска!

- Сам дурак, - отреагировал Коляда, чувствуя в голове пробуждение боли. - С какого года он действует?

- Давненько. Если кто-то из этих субчиков чего-то там натворил, что сейчас это ненаказуемо. На кой хрен им еще здесь убивать? Версия твоя сыплется в прах.

- Наша версия, Саня. Ты, я гляжу, вполне освоил тактику начальников-карьеристов: победы - наши, а поражения - ваши. Слушай, я тебя просил данные собрать на остальных хлопцев, кроме Семенова.

- Зачем тебе? - простонал Кобрин как от зубной боли. - Чего ты еще тут копать надумал?

- Пожурим-увидим, Саня. Ты диктуй давай.

- Ладно, чего с тобой спорить. Да и не зря ж я это добывал. Слухай сюды, хохол. За минусом твоего Вишневого, Семенова и Воронцова со Слушко остается всего двое. Первый - Кудрявцев Павел Васильевич. Живет в славном городе Новосибирске, заведует ВПК "Десантник".

- Вэ-пэ-ка - это что, военно-промышленный комплекс?

- Военно-патриотический клуб. Готовят пацанов к армии. Адрес сейчас скажу. Та-ак, второй несгораемый - Дорофеев Сергей Борисович. Родом из города Елабуги, жил в Хабаровске. По данным тамошней ментовки, сейчас в розыске.

- За что?

- За все хорошее. Темное какое-то дело, типа изнасилования. Взяли, короче, его, а он опера ухлестал и смылся.

- Ясно. Еще один супермен, - Коляда даже крикнул от расстройства. - И где он сейчас? Ладно, можешь не отвечать. Это я так, от скуки. Давай адресок этого, как его там...

Закончив разговор, Коляда откинулся на спинку дивана весьма опустошенный. Действительно, одна новость - и все насмарку. Хотя, может быть...

- Олег! - окликнул Коляда негромко. Будить Вишневого не требовалось, он как раз усердно отжимался на кулаках.

- Слушай, а ты знаешь про закон об амнистии для "афганцев"?

- Ясное дело, - отозвался Вишневский, не прекращая тренировки.

- Ну да, ты ж у нас хлопец умный. А мог кто-то из вас не знать?

- Исключено, - Олег рывком вскочил на ноги, вдохнул и выдохнул глубоко. Жилистый загорелый торс его блестел от пота. Уродливый осколочный шрам красовался на животе, напоминая о прошлом его владельца.

- Исключено, - повторил Вишневский еще раз.

- Уж что-то, а такой закон мимо ушей не пройдет. Всякое ведь там бывало, на войне-то. Святых между нами нет, хм... Точно сказано. Так что, полезный закон.

- Ясненько. Слушай, друг, а чего ж ты мне мозги компостировал тогда, если знал с самого начала?

- Чего я знал? Я откуда прилетел по костяновой откритке. Может, он что другое имел в виду, а вы тут со своими версиями...

- Пардон. Обвинения сняты, вы свободны, - вяло махнул рукой Коляда. Ему очень хотелось сейчас побыть одному. Подумать. Достал блокнот и пробежал глазами план мероприятий. Столько трудов, однако! Отвык ты, брат, от жизни оперовской, когда версии лопаются каждый день, доказы не ищутся, а сроки поджимают. Хотел, понимаешь, кавалерийским наскоком в пять дней дело сделать. Хм, пять. А на третий день похороны Воронцова были, почему не сходил? Промашка. Азбука сыска - убийцу тянет поглядеть на дело рук своих. Хотя в данном случае прийти могли только Вишневский с Семеновым. Кудрявцеву никто не сообщал, Дорофеев в бегах. Так что, ничего нового бы там не увидел. Ага, это если исходить из "афганской" версии. А поскольку она летит ко всем чертям, то... Лопух ты, Коляда, а не опер. Все обязан был предусмотреть, а не подгонять под трафаретку. Ладно, кончаем самобичевание, начинаем мыслить по делу. Прийдя к такому решению, Валерий Петрович прежде всего врубил чайник - без "дегтя" не думалось голове. Довершая расправу с собственным здоровьем, Коляда закурил и перечеркал в блокноте все свои схемы. Мы пойдем

другим путем. А точнее - вернемся к истокам. Мафиози Черемной доказал, что компромат не имеет силы, но подтвердил, что Воронцов заслуживает наказания. Так? Вот именно. А в самом деле, чем плоха заброшенная "мафиозная" версия? Предателя устранили, а Игоря решили попугать. И милицию вызвали вовремя, чтоб не успел журналист истечь кровью. Логично? Вполне. И понять можно было с самого начала, если бы не забурился в другое русло. Значит, опять придется поручаться с уважаемым Виктором Сергеевичем. В принципе, этот путь - глухой. Улик нет, следы остыли. Если только прихватить на горячем кого-нибудь вроде Паши Якушева да надавить посильнее. А с другой стороны, в пользу "афганского" варианта все же кое-что есть. Открытка Воронцова, например. Дорофеев в бега кинулся - только ли из-за обвинения в изнасиловании? Кстати, задача номер один - выяснить, где новоиспеченный беглец был в ночь убийства. Хотя бы предположительно - вдруг он на тот момент за решеткой сидел в темнице сырой. Задача номер два - послать кого-нибудь к Кудрявцеву, поглядеть, что за человек. Хорошо бы своими глазами, да нельзя любимый город покидать. Было у Коляды предчувствие, что не вся черемуха еще в окошко брошена. Да и вообще, стучалась в голову какая-то мысль, не давая себя поймать. Случайно всплывшая, показавшаяся и исчезнувшая по новой. Что-то, способное расставить по местам многие факты. Но, как у любого хорошего рыбака, самая крупная "рыба" сорвалась, оставив Коляду наедине с сигаретой и записной книжкой. Да еще с Олегом в соседней комнате. Махнув рукой, Коляда позвонил Кобрину и вкратце изложил суть пожелания относительно Дорофеева и Кудрявцева. Бывший коллега пару минут молчал, а грустно выдал свою рецензию:

- Коляда, я ошибся в тебе. Ты не классный опер, а полный ноль в сыске. Только из уважения к твоим прежним заслугам я сейчас буду звонить в Новосибирск и просить их обо всякой ерунде.

- Действуй, Саня, и Родина тебя не забудет, - заверил Коляда и осторожно повесил трубку на рычаг. Ладно, все, что можно было сделать на данный момент, - уже сделано. Пора мириться с Вишневым - авось понадобится еще.

17

Алексей Кирилов в своем райотделе считался молодым и подающим надежды сыскарем. Как первое, так и второе к нему вполне подходило - явившись из деревни в славный город Новосибирск и отходив по улицам год в милицейской форме, Кирилов был замечен руководством и переведен в уголовный розыск. Впереди светила высшая школа милиции и офицерское звание, с которым можно будет идти вверх. Особо радужных перспектив Алексей себе не строил и готов был терпеливо ждать своего часа в трудном деле карьеростроения. В настоящий момент он занимался основным делом опера - искал. Делать это Кирилов любил и умел, поэтому вскоре оказался перед объектом поисков. Крепкая железная дверь вводила в полуподвал, а вывеска рядом красноречиво гласила: "Военно-патриотический клуб "Десантник".

Первым, что бросалось в глаза на входе, была зеленая маскировочная сетка, под которой скрывают технику от бомбежек. Здесь ею были обтянуты стены и потолок коридора, придавая помещению своеобразный колорит. У порога, как и положено в военизированном учреждении, стоял дневальный - пацан лет пятнадцати в пятистой армейской форме, но без уставного штыкножа на ремне. Судя по лицу, стоять здесь было не сахар, но правила игры положено соблюдать. Выслушав просьбу Кирилова, дневальный с довольным видом протопал в дальний конец коридора и вызвал откуда-то здорового парня в выгоревшей форме - "эксперименталке" и армейских высоких ботинках. Очевидно, к внешнему виду в этом клубе подходили со всей серьезностью. В ответ на демонстрацию кириловского удостоверения парень удивленно вскинул брови и так же молча пригласил жестом пройти за ним. На полпути оба заглянули в просторную комнату, где с десяток пацанов усердно отрабатывали удары руками и ногами.

- Отставить! - голос верзилы оказался низким и внушающим уважение. - Сели вдоль стен. Первые двое - вольный спарринг. Петренко, секундомер в зубы и засекай по минуте на пару. Давай, поехали.

Отдавши приказ, начальник последовал дальше, и Кирилов не заставил себя ждать. Комната, обнаружившаяся в конце коридора, размерами не впечатляла, зато была неплохо обставлена. Красное знамя в углу под колпаком и стенды с портретами "афганцев" по стенам напоминали, кому принадлежит этот кабинет. Молчаливый громила-начальник указал приглашающе на кресло и, спохватившись, протянул руку:

- Кудрявцев Евгений. Начштаба.

- Кирилов Алексей. Младший оперуполномоченный, - в том же духе отрекомендовался гость.

Кудрявцев повторил недоумевающее движение бровями, но на сей раз добавил словесный вопрос:

- По какому поводу, если не секрет?

- Да какие уж тут тайны! - непринужденно рассмеялся Алексей. - Хотел просто о друзьях Ваших поговорить. Скоро ведь день десантника, вот и давайте вспомним ваши годы боевые.

- Что вы имеете в виду? - голос Кудрявцева зазвучал сухо, глаза прищурились.

"Та-ак, - отметил про себя Кирилов. - Чего это ты напрягся, друг ситцевый?" Вслух он сказал другое:

- Воронцова Константина не забыли еще? Он ведь вас, кажется, в гости приглашал. Открыточку даже выслал.

- Ну да, а в чем проблема? - лицо Кудрявцева стало скучающе-безразличным.

- Погиб Ваш друг. Убили.

Руки Кудрявцева вдруг сжались в кулаки, а сам он подался вперед.

- Что ты сказал?

- Ти-хо. Тихо. На меня-то не надо кидаться, Кудрявцев.

Жесткий начальственный тон охладил "афганца" моментально, как ковш холодной воды. Вспомнив, кто перед ним, начштаба глянул с удивлением на стиснутые свои кулаки и криво улыбнулся:

- Извините. Контузия у меня. Иногда совсем дурак бываю.

- Да? И избить можете в такой момент?

- Ну, как сказать. Если под газом да доведет еще кто-нибудь. Себя просто не помню.

- А убить? Можете?

Кудрявцев поднял недоуменно взор, уловив суть вопроса.

- Так что, Костяна...

- Ну да. Убит голыми руками. Ребром ладони по горлу. Потом, правда, добавили ножом, но это уже несущественно.

Лицо "афганца" медленно наливалось краской. В последний момент сумел взять себя в руки и глубоко вздохнул, помотав головой. Затем, овладевая собой окончательно, произнес:

- Короче так, товарищ... как вас там. На такие вопросы отвечать не буду. Если подозреваете, вызывайте к себе в ментовку и допрашивайте.

- Зря Вы так, - укоризненно поглядел на него Кирилов, - никто вас ни в чем не обвиняет. Просто хочу поговорить, узнать обстоятельства.

- Ну-ну. От ваших бесед до камеры - раз плюнуть. Короче, я все сказал. Будет повестка - приду. Еще и адвоката вызову, как в кино. А пока, разговор окончен.

Когда оперативник вышел, Кудрявцев еще пару минут стоял у окна, наблюдая за ним. Хреново было на душе. Неужто догадались менты? Если нет, то почему именно сюда забурился опер? Так или иначе, а пора было принимать меры. Вернув лицу привычно-равнодушное выражение, Кудрявцев прошел в спортзал, бросил спаррингующимся:

- Свободны, пацаны, на сегодня. Закрываемся.

До дому было минут десять езды на троллейбусе. Кудрявцев еще на лестничной площадке услышал рев магнитофона, выдававшего что-то трескуче-зарубежное. Выматерился про себя и поспешно полез за ключом. Квартира, где он жил, была однокомнатной, какая и положена холостяку. Евгений захлопнул за собой дверь и, не разуваясь, прошел в комнату. На диване лежал Сергей Дорофеев,

глубоко зарывшись лицом в подушку. Магнитофон своим ревом ему, вероятно, мешал, но изменить что-либо бедолага был не в силах - спал крепко. Кудрявцев с ходу дернул из розетки магнитофонный шнур, потряс лежащего за плечо, но тут же оставил сие неблагодарное занятие. Почти пустая поллитровка "Русской" на столе отвечала на все вопросы. Лекарство от этого Кудрявцев знал одно единственное и, подхватив лежащего под мышки, поволок в ванную. Струя холодной воды на голову заставила Дорофеева сперва замычать, затем задержаться вяло. Наконец он завопил и кое-как высвободился из цепких объятий бывшего сослуживца.

- Ты что, дурак? Жизни чуть не лишил!

Вид у Дорофеева с опухшим лицом и мокрыми сосульками волос был комичным, но Кудрявцеву смеяться не хотелось. Он молча кинул болезному в руки полотенце и вышел из ванной. В комнате, на диване сидючи, дождался явления Дорофеева народу. Тот вошел неторопливо, но почти трезво - организм, видать, крепкий. Постоял, морщась, и взял курс на бутылку. Кудрявцев опередил его, жестом фокусника смахнув поллитру со стола.

- В чем проблема? - внятно и грозно поинтересовался Дорофеев, глядя исподлобья.

- В тебе, Серый, в чем же еще? И не пялся, а то в пятак схлопочешь. Я тебе говорил, чтоб сидел тихо и музыку не крутил? А ты чо делаешь? Ты, придурок, сам под статьей и меня подводишь.

Дорофеев сник заметно. Плюхнулся на диван и, закрыв глаза, застонал.

- Плохо? - посочувствовал Кудрявцев. Вынув из ниоткуда поллитровку, плеснул в стакан граммов пятьдесят.

- На, болезный. А то крякнешься тут, отвечать за тебя придется.

Дорофеев покосился на стакан и умоляюще скривил губы. Кудрявцев понял без слов и головой покачал:

- Не-а, развезет тебя опять, а мне еще побазарить надо. И как ты ее можешь теплую да в такую жару?

Дорофеев не ответил, предпочтя выпить. Сморщился весь, видать и впрямь противно было. Но стерпел. Помолчал пару минут и пояснил:

- Тяжко мне.

- Верю.

- Да не-е... Я не про это. Тяжко, что посадят. Неохота, в натуре, за других сидеть. Я ж ее не трогал даже и этим козлам не давал. Они меня запинали и ее трахнули. Для меня ж ваше запаadlo, чтоб бабу силой брать.

- Да ты уже рассказывал, Серый.

- Ну и чо! Много ты понял? Ты слышал, что в камере делают с теми, кто по 117-й идет? Опускают их, петушат. Пока ментовка разберется, пока то-се... Я того опера и бить не хотел, он сам на удар полез!

- Ладно, Серый. Верю я тебе, верю. Иначе б не помогал. Тут такое дело, ко мне сегодня оперативник приходил.

- Ну? - в вопросе Дорофеева застыла вся гамма эмоций.

- Бзну! Послал я его куда подальше. Он на меня бочку катить стал.

- А ты при чем? Догадаться что ли?

- Все может быть, Серега. Но он, вроде, за другим приходил. Костяна Воронцова убили.

- В натуре?

- Ну да. Голыми руками, говорят. Открытку, помнишь? Так вот, опер намекал, что это как-то связано.

- Ты что, думаешь...?

- Я ничего не думаю, Серый. Предполагаю. А они, наверное, как раз думают, иначе б не стали нас тормозить. Прикинь, убили его там, а они в Новосиб сообщают.

- Не, но я в натуре не понял, причем тут это.

- Голова есть? Думай, значит. Костян что-то про тот бой писал. А оттуда только мы пришли. Я сам потом башку ломал, вспоминал. Не верилось. Кстати, Серый, а ты ничего там не видел? Ты ведь живой остался и целый.

Напрягся Дорофеев. Взглядом цепким и трезвым окинул Кудрявцева с головы до ног, прищурился.

- А я виноват, да? Виноват, что уцелел? Лучше б кишками в пыли расстелиться, да? Чтоб "духи" по ним ходили, да? А я вот не хочу! Мне и так, знаешь, хорошо! - в голосе пробились визгливые истеричные нотки.

- Серый, не заводись, - тихо предупредил Кудрявцев, багровея лицом. - Не заводись, а то я ведь тоже контуженный. Сядь спокойно и поговорим.

- Не буду я сидеть, понял? - Дорофеев вскочил, схватил зачем-то подушку, но тут же бросил.

- Я у тебя больше жить не буду! Лучше в теплотрассе! К тебе мент пришел, насвистел, и ты друга боевого заложить готов, да? Завидно, что я целый вылез? Так вот, я уйду сейчас, и видал я тебя знаешь где?

- Сядь! - заорал Кудрявцев и вскочил тоже, преграждая путь.

Двое замерли в напряженных позах - бывшие сослуживцы, друзья, переполненные тяжелой неконтролируемой злостью. Люди, которым контузия сковала мозг, оставив там единственное желание - победить. Любой ценой.

- Ты, придурок, за все хорошее дерьмом меня мажешь! А я, кстати, не знаю еще, кто Костяна грохнул. Чего это ты заторопился смываться? Может, разберемся, кто где был?

- Пусти, - голос Дорофеева стал вдруг странно спокойным, а глаза - пустыми. Такое бывало с ним перед рукопашной, когда кулак сжимает рукоять десантного ножа. Кудрявцев понял этот взгляд, но лишь завелся сильнее.

- Сядь, - повторил он и коротко махнул кулаком, метя в челюсть. Дорофеев был хорошим бойцом. С поразительной для пьяного ловкостью он нырнул вниз и сунул Кудрявцеву прямым в печень. Тот дернулся всем телом от боли и успел еще увидеть летящую в лицо руку, за мгновение до того, как ребро дорофеевской ладони врезалось в переносицу.

18

Коляда с Вишневым играли в карты. В тысячный, наверное, раз. Занятие это осточертело обоим, но ничего другого в голову не шло. Заключив вчера с Олегом перемирие, Коляда уснул на встречу с Семеновым. Явился Вишневский обратно через пару часов, в изрядном подпитии - бывший сослуживец с ходу выставил пузырь "Смирновской" из киосковых запасов. Остаток вчерашнего дня Олег отсыпался, а Валерий Петрович глядел по телевизору бесконечный итальянский детектив. Спать, с тоски, завалился рано и вскочил на заре, чтобы войти в новый, не менее скучный день. Поразмывшись зарядкой, Коляда взялся было за резец, но тут же выяснил, что резчик по дереву и сыскарь несовместимы. Последний никак не хотел лезть в пресную шкуру первого. Бегать ему хотелось и рисковать, да что толку, если не видишь и на два шага вперед.

Телефон зазвонил в тот самый момент, когда Вишневский удачно спасовал, заработав лишние пять очков. Коляде в этой партии не везло, недобор шел за недобором, и звонок оказался кстати.

- Привет, - голос Кобрина прозвучал чересчур ровно и скучно. Тем же тоном он сообщал когда-то про Игоря.

- Проблемы? - бодро поинтересовался Коляда, заранее напрягаясь.

- Скажи, ты когда последний раз видел Александра Семенова?

- Да пару дней назад. А что?

- Убит. Сегодня утром в собственном киоске. Как тебе это нравится?

Ленинский проспект кишел механической живностью, не желая пропускать колядовский "Жигуленок". Валерий Петрович не отводил взора от дороги - на Вишневого глядеть не хотелось. Вид у того был угрюмый. Хреново, однако, придется убийце, если "афганцы" сыщут его сами. Мысль мелькнула и погасла, затерявшись в лавине других.

- Я ж его только вчера видел. Зачем, кому надо было?

- Значит, есть кому, хлопец, - Коляда тормознул на светофоре, едва не зацепив юзом кофейного цвета "Девятку".

- Ясно, что тебе это было ни к чему. Извини, но ты у меня в списке оставался до последнего момента. После того, как я с Семеновым поговорил, он для убийцы уже не опасен. Отсюда вывод - убийца не знал, что мы с Александром беседовали. Кудрявцев, думаю, тоже из подозреваемых выходит - с ним

вчера говорил тамошний опер. Дураку ясно, что если уж до Новосиба мы добрались, то местных всех наверняка раскрутили. А вот один из пятерки про это знать не мог.

- Серега? - задал Вишневский риторический вопрос и смолк. Не нужен ему был ответ.

С ветерком подлетели к цитадели закона и правопорядка местного масштаба, спешили, вызвонили по внутреннему телефону Кобрин. Спустя минут пять все трое имели счастье лицезреть друг друга. Майор, по своему обыкновению, хмурился, да и было от чего.

- Вы, мужики, особо не расслабляйтесь. В данном случае вы свидетели по делу, и я с вас буду снимать показания.

- Ата-та, - констатировал удивленно Валерий Петрович и усмехнулся: - Знаешь, Саня, может, я до тебя умом не дорос? Не въезжаю никак - чего это мы должны засвидетельствовать. Олег с Семеновым виделся вчера, а я и того раньше. На нынешнее утро у обоих алиби - играли в карты.

- Не ерничай, Коляда, - бросил устало Кобрин и замолчал, потер ладонью лоб. Не хотелось ему говорить, но пришлось: - Нужны ваши показания о сути разговоров. Все, что Семенов говорил по поводу Афгана и тех событий. Я думаю, придется заводить дело и передавать в госбезопасность.

- Решил все-таки бить "афганскую" версию? А как же закон об амнистии?

- Не знаю я, Валерка, не знаю. Ясно, что причина именно там. Я тебе не говорил еще - вчера был ранен Кудрявцев.

- Что? - голоса Коляды и Вишневого слились в едином вопросе.

- Найден в собственной квартире без сознания. Соседка заметила приоткрытую дверь. Короче, сейчас он в травматологии. Сломана переносица, внутреннее кровоизлияние, обширная гематома. Вроде, так врач говорил. Добывать тот тип не стал, не знаю уж почему.

- Ни фига себе, - Коляда ошеломленно потер переносицу, словно ощутив тот удар, спохватился: - А били чем?

- В том-то и дело, что знакомый почерк. Кудрявцев пришел в себя, но молчит и ничего не объясняет. Тоже странный субчик. Да, кстати, - с Семеновым совсем другой коленкор. Этот задушен струной или толстой леской. Убийца зашел в киоск белым днем, но свидетелей не нашлось.

- Это Дорощев, - голос Вишневого моментально сел. - Сука. Саня ему открыл, а он...

- Вполне возможно, если в данном случае он решил изменить почерк. Но одно ясно, что ведется охота за всеми вами. И невредимым остался только ты. Вероятно, потому что убийца не знает, где тебя искать. Так-то вот. А я охрану, к сожалению, дать не могу.

Из милицйской конторы они вырвались спустя пару часов - долгое это дело, бумагописание. Коляда поразмыслил и наострил лыжи к дому Марины. До смерти не хотелось возвращаться к картежным битвам, а тут, глядишь, и угостят чем.

Возвращались уже затемно. Коляда, по причине своего зарулевого положения, ограничился в гостях чайком, зато Олег к напиткам крепким приложился. Марина из всего потока новостей выделила главное - с Игоря снимаются подозрения - и на радостях устроила застолье. Словом, чего хотели, того и нашли.

За мостом поток машин поредел, и Коляда мчался во всю мощь. Струя ароматного воздуха через ветровичок обдувала лицо прохладой. Безоблачное небо глядело россыпью звезд, обещая новый жаркий день. Последний месяц лета готовился вступить в свои права. Загляделся Коляда, задумался и потому не сразу усек "хвост". Заметил внезапно, сбросил скорость, взглядываясь в номер сзади идущей машины. Темно, но разобрать можно - фонари светят. Сердце колотнулось тревожно, подсказывая правильный ответ. Выкинул Коляда в ветровичок недокурную сигарету и с ходу крутанул баранку вправо. "Жигуленок" завизжал тормозами, заискрился покрышками и выскочил на встречную полосу, разворачиваясь на 180. Теперь газанем и дай Бог ноги.

- Че такое? - Олег от всех виражей едва не влетел в лобовое стекло.

- "Девятку" вон ту видишь? Кофейного цвета? Вон, гляди, опять за нами пристроилась.

- Разберешь тут прям, каких она цветов, - проворчал Олег и высмотрел наконец то, что нужно.

- Следят, что ли?

- Ведут. Я ее засек, еще когда мы в контору ехали.

- Думаете, Дорофеев?

- Не-а. Тут ему надо экстрасенсом быть, чтобы узнать, кто я такой и что я вообще существую. Может, Паша Якушев разборку затеял самочинно? А, ты ж его не знаешь. Ну, ладно, поглядим.

Пошарив наощупь в бардачке, Коляда отыскал там пистолет в кобуре, обмотанной ремнями. Сбрую надевать было некогда, поэтому Валерий Петрович отправил ее обратно в бардачок, а "вальтер" заткнул за ремень штанов.

- Газовый? - Олег с нарастающим удивлением наблюдал за подготовкой.

- Ага, считай, что так. Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на безопасном пути.

А "Девятка" нагоняла опять. Хороший движок у любопытных ребят. Нет бы сидеть дома, телик смотреть - ездят, выглядят. А вот мы вам сейчас... Встал Коляда на перекрестке, выждал чуток и проделал старый как мир фокус. Рванул на красный свет, моментально затерявшись в потоке машин. Смотри-ка, ты - отстали любопытные. Неужто совсем лопухи? Для верности Валерий Петрович проделал замысловатую петлю через дворы, выскочив вскоре на приличную дорогу. Можно и не проверяться - сзади пусто. Пора до хаты.

- У Вас тут сложности с местным населением? - вопрос Олега прозвучал почти безразлично. Коляда сам ощущал подобное - готовились к драке, а не вышло. Бодрый холодок сменился скукой. Зевнул Валерий Петрович и отозвался мудрено-заумно:

- Вся наша жизнь, мой юный друг, это одна большая сложность. Не буду повторять банальность, что жить вредно и что от этого умирают. Скажу лучше...

Коляда замолк, сворачивая в родные переулки - к дому.

- На чем я остановился? А, вспомнил. Так вот, есть тут один парень, считающий себя жутко крутым, хоть ешь его с майонезом. На этой почве заболел он манией преследования и решил с чего-то, что я за ним сле...

Фраза оборвалась на полуслове, заглушенная ревом движка. Темная стремительная тень вылетела впереди из поворотни и встала поперек проулка, перекрывая путь. Коляда едва успел тормознуть в паре метров от кофейной "Девятки" - прямо под лучами фонаря. Мишень, о какой можно мечтать. Секунда - на осознание, еще секунда - чтобы рвануть ручку и кинуться шучкой в открытую дверь. Вспышка, грохот, звон и жесткий удар плечом об асфальт. Перекат, другой, и вот он уже в тени, за бордюром. Перевести дух, оценить обстановочку. Рука сама собой нашла рукоять "вальтера", потянула из-за ремня, другая передернула затвор. Та-ак, теперь поговорим. Было бы с кем. "Девятка" стоит пустая - водила, видать, на пол лег. Стрелок затаился где-то слева - в поворотне, в темноте. Палил, судя по всему, из ружьишка - гремело больно громко, да и эффект впечатляет. Передняя дверца колядовского "Жигуля" покрылась черными оспинами, от стекла и следов не осталось. Картечь волчья, никак не меньше. Ладно, потом поглядим поплачемся, а пока не до жиру... Ружье на такой дистанции - штука весьма и весьма опасная. Пошевелился Коляда, приподнялся чуток, и тут же полыхнула огнем поворотня, полетели в лицо комки земли. Тьфу ты, привязался. Валерий Петрович отвечать не спешил - ни к чему раньше времени. Вот если бы... Да! Именно это! Молодец, Олег! Давай прыжком к тому столбу, вот так! Не стерпел убивец, жахнул из своей слобойки, едва не зацепив, но Вишневецкий в изыщном сальто нырнул за чужую машину. Того, кто оттуда пришел так просто не угробишь, он сам кого хошь... А вот стрелок-то себя показал, осветил. Ну, на тебе на орехи. И еще - на, на, на. Четыре подряд выстрела нашли свою цель - завалился кто-то в поворотне и ружьем об асфальт загремел. Тут же возник шум возле "Девятки" - не поделили, видать, чего-то. Дверца хлопнула, стекло звякнуло, а потом еще один выстрел добавил к букету - тоже пистолетный, да не наш. Ожила "Девятка" и рванула в тень, оставая на асфальте неподвижное тело Олега. Ну не-ет, мужики, так нечестно. Вот вам в передний скат пару горячих, а вот в задний все остальное. Еще, стало быть, две. Хватит, небось? "Девятке" хватило вполне - занесло, крутануло вок-

руг оси и вцепило в столб. Грохот, звон, крик и - тишина. Фырчат тихонько моторы, но живого звука не слышно. Да вы что, ребята, меня тут одного оставили? Нет, Олег крепким хлопцем оказался - зашевелился уже, на карачки встал, башкой мотает. Ладно, пора и нам.

Поднялся Коляда осторожно и пошел, хромая. Заболела что-то нога. Пистолет в руке пустой, но выкидывать жалко. Уверенности придает, но пора поспешить - сейчас тут горячо будет. Пары минут Коляде хватило, чтобы убедиться, что оба нападавших мертвы. Первый лежал в подворотне, прикрыв своим телом ружье. Все пули угодили ему в корпус, и темная лужа расплывалась вокруг. Осторожно, стараясь не запачкаться, Коляда повернул его голову, взгляделся в лицо - незнакомое и молодое. Особых примет не было, во всяком случае, снаружи. Коляда присвистнул и подошел к "Девятке". Водила - мужик лет сорока - повернул белое лицо к свету, раскрытые глаза начали уже стекленеть, а в грудь ему крепко вошла рулевая колонка. Если и был жив, то неплохо притворялся - Коляда, во всяком случае, ему поверил сразу. Оглянулся, подозвал Олега. Тот пришел уже в себя, хотя и выглядел обалдевшим. Встав рядом, он наблюдал, как Коляда приоткрывает дверцу и подтягивает правую руку пострадавшего. Пальцы, украшенные выколотыми "партаками", цепко сжимали револьвер.

- Он мне в рожу стрелял. Чуть-чуть бы еще... - проговорил Олег, глядячи в кабину.

- Иди погляди на второго. Может, Дорофеев, - кивнул Валерий Петрович в сторону подворотни. Того времени, что Вишневецкий выполнял приказ,хватило Коляде, чтобы высвободить из руки мертвого "наган", стереть отпечатки и отбросить оружие на заднее сиденье. Еще с пару минут он вглядывался в синеву "перстней", читая знакомый ему язык, а затем аккуратно сомкнул чужие пальцы на рукояти своего "вальтера". Пора было - издали летело уже завыванье сирен. Разбирайтесь теперь, что тут было, а у нас еще дома дела. Пожелав мысленно удачи бывшим коллегам, Коляда кинулся к своей машине, и Олег не заставил себя долго ждать. Во дворы, в проулочки, малым ходом. Тише едешь - дальше будешь, благо до дому оставалось рукой подать. Хватит на сегодня приключений.

19

Стрелять в человека Коляде за всю его жизнь доводилось не раз. Убивать - впервые. Всегда интересно было, а что же чувствуешь, лишив кого-то жизни. Горячка тебя мучает, бессонница или еще какие страсти? Выяснилось - ничего. Коляда этим обстоятельством был огорчен. Не то, чтобы жалко было неудачливых киллеров, а все же...

Олег своих мыслей не выдавал. Всю дорогу до автостоянки и потом до дому сидел молча, отходил. Попривык, видать, к мирной жизни-то, забыл, где раки зимуют. Уже в квартире, когда врубил Коляда любимый свой чайник, Вишневецкий поделился впечатлениями:

- Я думал - все, хана. Дверцу открываю, а он мне в лобешник дуло навел и грохнул. Полбашки могло снести.

Коляда подошел к нему, потрогал пальцем длинную ссадину на виске и кивнул:

- Запросто мог. Видать, в бронезилете ты родился. Мужик-то серьезный в той тачке сидел. Три ходки за душой, из них две разбойные и одна мокрушная. А сегодняшний спектакль ему грозил высшей мерой. Так что, считай, мы заместо суда сработали.

- А круто вы их, - лицо Олега выражало чуть ли не детский восторг пережитым. Не понравилось это Коляде, и взглянул он строго:

- Я не "их", а только "его". Того, что в подворотне был. Второй разбился в аварии, так-то. А вообще, хлопец, нам повезло и скажи мне, если я не прав.

Первым, что сделал Коляда наутро, был звонок Кобрину. Отрывая сверхзанятого майора от дел, Валерий Петрович предложил организовать обед на троих в каком-нибудь кафе. Как ни странно, Кобрин согласился сразу - почуял, видать, что-то, а может, новость имел интересную. Войдя через полчаса с Вишневецким в оговоренную кафешку, Коляда понял, что не ошибся. Всем своим видом друг-майор напоминал героя классического детектива, который гениаль-

ным образом разгадал все загадки и готовит поразительный сюрприз. Валерий Петрович, однако, решил его помучить и встал в очередь на раздачу. Спустя минут несколько, когда Олег на правах самого молодого таскал тарелки, а Коляда уже уселся за стол, Кобрин вытерпеть не смог:

- Я ведь сейчас совершу должностное преступление. Ты готов это оценить?

- Не-а, - Коляда поглядел строго и скучным голосом спросил: - А как же присяга, майор?

- Да иди ты. Так вот, я тебе выдам следственную тайну.

- Я весь во внимании и трепещу.

Кобрин поскуцнул лицом и взглянул на подошедшего Олега:

- Сперва вопрос. Где вы, если не секрет, были вчера в двадцать три-тридцать.

- Ну, ты спросил! Это что у нас, полдвенадцатого ночи? А, ну так телик мы глядели.

- Зря, зря. Много чего пропустили. Кто-то угробил двух человек и разбил неплохую машину.

- Да? Как интересно-то! - с воодушевлением воскликнул Коляда. - И кто же этот зловещий убийца?

- Не юродствуй. Как-никак двое погибли. Правда, типчики это были еще те. Оба при стволах - ружье и пистолет. Причем, судя по расположению тел, выходит, что один пристрелил второго, потом пробил колеса собственной "тачки", сел в нее и врезался в столб. Интересное кино, да? Между прочим, случилось это дело на соседней с тобой улице. Выстрелов вы, конечно, не слышали и всего прочего тоже? Так вот, откатали мы у этих ребят и, как думаешь, что нашли?

- Их разыскивает Интерпол в связи со взрывом в лондонском аэропорту, - предположил Коляда без особой надежды на успех.

- Не угадал. Один из них - убийца Александра Семенова.

Коляда, в принципе, не исключал такого поворота, но одно дело - предполагать... Присвистнул он удивленно и головой даже покачал.

- Ни фиги себе дела. Это точно?

- Как в аптеке. Молодой парень, не имел, не привлекался и прочие "не". А там, в киоске, работал без перчаток и наследил хорошо. Кроме того, в кармане у него нашли кусок лески с двумя штуковинами на концах - чтоб держаться удобнее было.

- Удавка, - резюмировал Коляда и потянул к себе тарелку с пельменями. Вовремя, а то они остывать уже начали.

Кобрин есть не спешил, глядел пристально, без улыбки.

- Что скажешь, гений сыска?

- Да ты ведь сам все знаешь, майор. Киллеры это были. Наемники.

- Я не про то. Скажи наедине, как другу - это ведь ты их сделал?

- Опомнись, Саня. Их папа с мамой сделали. Взрослый мужик, а такие вещи спрашиваешь, ай-я-яй.

Кобрин хмыкнул невятно и даже улыбку изобразил кривую. Затем тихонько объяснил:

- Я в совпадения не верю, друг мой. Некие типчики убивают фигуранта по делу, а через день гибнут в перестрелке в двух шагах от твоего дома. Ну признайся честно - ты?

Коляда рассмеялся и похлопал майора по плечу:

- Много будешь знать - не дадут состариться, Саня. Дружба дружбой, как известно, а дальше ты знаешь. Я тебе тут ляпну чего-нибудь, а ты еще верить начнешь. Совесть мучить будет - преступника, мол, покрыл. Спать перестанешь, подполковника вовремя не получишь. Да мало ли... Могу, конечно, предположить, что те двое на кого-то напали и получили свое. Они же киллеры - сегодня одного, а завтра другого. И с чего ты решил, что они после Семенова на меня наедут? Нелогично. Он - свидетель, а я кто?

Еще пару минут они глядели друг другу в глаза, а затем Кобрин хмыкнул опять:

- Ладно, верю. Может, они и, правда, друг друга перегрохали. Работенка у них больно рисковая. Давай просто предположим, что на тебя тоже натравили таких вот ребят. На кого б ты подумал?

- Предположить? Запросто. Знаешь, Саня, во мне гибнет писатель - воображение у меня богатое. Скажем, ЦРУ вполне подходит, а? На втором месте по вероятности стоит вторжение марсиан. Ну я все перечислять не буду, ладно? Ты мне тут кой-чего порассказал, так что рискну сделать выводы насчет тех хлопцев. Дилетанты они. Во-первых: и место просчитали верно, и условия создали, а до ума не довели. Да и вообще, проще было караулить в подъезде, если на то пошло. Во-вторых - оружие у них не очень. Убойная сила большая, но вот грохоту много. В-третьих, роли распределены хреново: один стреляет, а второй затаился и ждет сто грамм по мозгам. Короче, дилетанты, и скажи мне, если я не прав. Отсюда вывод, что это не люди Черемного. Наняты на скорую руку, причем нанимателю понравились наколки у одного из них. Специально, я думаю, искал жутко крутого уголовника, потому что не мог нанять настоящего профи. Отсюда второй вывод - наниматель приезжий и связей среди местных блатных не имеет, а, может, просто денег нет. Как тебе, Саня, блеск моего ума?

- Гениально. Ты мне скажи только, откуда узнал про наколки и прочее, а?

- Ну-у, спросил! Я же предупреждал - воображение у меня богатое. Сiju вот тут и леплю на ходу. А может, я экстрасенс немного - бывают иногда озарения. Пряма как сейчас.

Все трое рассмеялись и начали наконец есть. Не то, чтоб было очень вкусно, просто проголодались. Следующую новость Кобрин сообщил уже над пустой тарелкой:

- Из Новосиба звонили. Кудрявцев молчит вглухую. Попугали его статьей, но без толку. Говорит, что упал и ударился сам.

- Ага. Очнулся - гипс, - подхватил Коляда.

- Скрывал он, наверное, Дорофеева, вот и все. Сейчас боится сесть за укрывательство. Охрана-то хорошая у него?

- Да так, приставили салагу, не думают, что еще кто-то попытается.

- Ну и дураки, - констатировал Коляда. - Тот хлопчик беглый так просто дела не бросает. Серьезный хлопчик. Мы своего свидетеля сбережем, а вот они там...

- А ты не думал, что ему нужно кого-то оставить в живых? Иначе он останется единственным кандидатом на мокрушную роль. Если только сам под мертвого закосит, но это сложно.

- Вы уверены, что меня надо сберегать? - Олег выглядел обиженным. - Я, вроде, не алмаз, чтоб в сейфе храниться. Я сюда ваше-то разбираться приехал.

- Расслабься, папан, - посоветовал ему дружески Коляда и попытался поймать мелькнувшую мысль. Важную мысль. Не поймал и поморщился, как от зубной боли. На воздух пора на свежий, прочь из кафешки. Все было вкусно, особенно хлеб, будьте здоровы.

Машина, по причине прямого попадания, осталась на стоянке, и расходились высокие договаривающиеся стороны пехом. Кобрин - на службу, которая опасна и труда. Остальные прочие - на остановку. Толпился там народ, пекло солнышко, плавился асфальт.

- Мне на ту сторону, - кивнул Олег в направлении дороги. - В Союз наш заеду, насчет праздника узнать.

- Погоди-ка, - придержал его Коляда за плечо. Были они одного роста и могли глядеть глаза в глаза. - Праздник, это что - день десантника?

- Ну да, завтра же второе. Я ваше-то хочу по поводу Сани Семенова поговорить. Помянуть бы надо с местными. Да и Костяна...

- Слушай, а эта ваша годовщина она для всех важна? Имею в виду, может, наш беглый туда привалить?

- Ну, в принципе, все возможно. Документы там никто не спрашивает.

Стоп! Есть! Вот оно, то самое слово! Камень, на котором встанет фундамент. Ключ, открывающий дверь в ад. Вот оно! Коляда даже ощутил разочарование от того, как все просто. Путано, но просто. Рассмеялся он и хлопнул напарника по плечу.

- Кажись, я придумал. Ты, вроде, рыбалку любишь, да? А на море пробовал хоть раз?

- Да нет как-то, - выглядел Олег весьма удивленно.

- Снасть там такая есть. Называется "самодур". Голые луженые крючки на леске. Спускаешь с лодки в глубину, и скумбрия всякая сама цепляется. Пред-

ставляешь - на голый крючок. Вот мы завтра такую штуку и закинем на вашем празднике. Я тебе потом объясню, чтоб не сглазить. Суеверный стал какой-то. Закинем и выловим во-от такую акулу.

Домой Коляда явился довольный собой и жизнью. Накрутил быстренько кобринский номер:

- Да, я. Соскучился. Я не отрываю, я тебе хочу задание дать. Ну просьбу, если угодно. Во-первых, разузнай, как там состояние Кудрявцева. Сможет или нет выехать сюда. Копии личных дел этих парней когда придут? Послезавтра? Поздновато. Но, думаю, все решится и без них. Нет, атмосферу не нагнетаю. Просто я слишком долго был дураком во всей этой истории. Пора за ум браться.

20

Утро второго августа выдалось хмурым. Грозовые тучи, обложившие небо, обещали раскаленному городу прохладу и отдых. Коляда вскочил в полседьмого, необычайно бодрый. В нем, как бывает перед дракой, бурлила горячая злая энергия. Поработал до боли в мышцах с гантелями и грушей, сполоснулся, но сила не ушла. Скорее бы, черт возьми...

Кобрин позвонил, как и обещал, в девять часов. Валерий Петрович беседовал с ним не больше минуты, оставшись вполне довольным полученной информацией. Он положил трубку и, насистывая какой-то мотив, прошелся по квартире. Олег в пятнистой униформе наводил последний лоск перед зеркалом.

- Герой, - оценил его Коляда.

- Сегодня торжественной части не будет, - произнес Вишневецкий, поправляя голубой берет с алым клинышком на боку.

- Ясно. И из этого следует, что акула наша может на крючок не пойти?

Олег пожал плечами.

- А как там Женька Кудрявцев? Есть новости?

- Есть. В тяжелом состоянии. Что-то типа кровоизлияния в мозг. Лежит в реанимации.

И вновь Коляда увидел лицо, превратившееся в маску злости:

- Это будет третий. И еще ребята там, "за речкой". С-сука!

Коляда такое уже видал и потому не удивился.

Они вышли из дому спустя минут двадцать. Душно было на улице. В воздухе носилось то особое трескучее напряжение, та особая тишина, когда смолкает ветер и птицы перестают петь, прячась в укромных закутках. В воздухе пахло грозой.

- Первая за месяц, - Коляда глубоко вдохнул и поглядел задумчиво на часы. - Ладно, ускоримся. Нас уже ждут.

Их и впрямь ждали. В кабинете председателя Союза ветеранов Афганистана было тесновато. Помимо самого хозяина сидели здесь четверо офицеров в разных званиях с парашютиками-самолетиками на петлицах и трое в штатском. Штатское - растяжимое понятие. Спортивный костюм, пиджак с водолазкой и свободные брюки - одежда двоих выдавала людей, привыкших ее марать. Оперативники, скорее всего. Третий посолоннее - костюмчик дорогой, белоснежная рубашка, галстук. Начальник, однако. Кобрин, впуская гостей в кабинет, притормозил Коляду на пороге и вытянул обратно в коридор.

- Ну что, Холмс, может перестанешь мозги вертеть?

- Все тайное становится явным, Саня. В этом ты сегодня убедишься. Он уже здесь?

- Да.

- Отлично. Смотри не влупись раньше времени. Только по моей команде.

- Ладь. Но если твои догадки окажутся туфтой, меня с позором спровадят на пенсию. Учти, здесь проводится официальная операция по задержанию.

- Именно это и нужно. Для большего эффекта можешь назвать ее "Самодур".

- Это на кого намек?

- Ни на кого. Снасть такая есть с голыми крючками. Ну, ладно, пошли, люди ждут.

Заждался народ в кабинете, заскучал даже. Кобрин с ходу взял быка за рога, пользуясь своим положением, и быстренько ознакомил всех со всеми. Оперов

в этом представлении не упомянули, что их особенно не смутило. Пижон в дорогом костюме оказался офицером госбезопасности. Самого Коляду обозначили старшим оперуполномоченным уголовного розыска краевого УВД. Валерий Петрович малость подивился, но смолчал. Другое ему предстояло говорить.

- С праздником, товарищи офицеры, - начал он тихо, кожей чувствуя напряженное молчание.

- Не хотелось бы вам его портить, но увы. Работа у нас такая. Тем более, что речь идет не об одном убийстве и даже не о трех. Уничтожено было около тридцати человек. Погибли они в Афганистане, как тогда говорили, исполняя интернациональный долг. Сейчас об этой войне говорят всякое, но как бы там ни было - предательство, оно везде предательство. Извиняюсь за обилие красивых слов, но меня это действительно взволновало. Русский солдат наладил связи с душманами. Я слышал, что многие занимались такого рода бизнесом - наркота, золотишко и прочее, но этот хлопец пошел дальше. Хотел, возможно, там остаться, да не в роли пленного, а уважаемым человеком. Ислам, возможно, принять. Не знаю, ясно только, что дела свои делал не бесплатно и не от великих симпатий к какому-нибудь Ахмад Шаху, или как их там. Обычный наемник, которых по законам войны расстреливают без суда, вот только никто об этом не знал. Колонна с горючим была уничтожена, это факт, но никто, опять же, не видел, как этот человек ставит мины на БТР. Ладно, черт с ним, в конце концов это уже не наказуемо. Закон об амнистии действительно был, и из-за этого во долго не мог ничего понять, признаюсь честно. Этот человек уничтожал здесь возможных свидетелей, но зачем? А ответ простой - он жил под чужим именем. И фамилию-то выбрал себе красивую - Вишневский.

Тишина сгустилась так, что стало нечем дышать. Тяжелая взрывная тишь перед грозой. Олег же, казалось, вовсе не почувал общего напряжения, только улыбнулся нехорошо:

- Валерий Петрович, а Вы отвечаете за свои слова?

- Еще как, Степан, еще как. Тебя ведь Степаном зовут, да? Сержант Слуцко к вашим услугам. Единственный пропавший без вести после разгрома колонны. Какое имячко ты себе там выбрал, извини уж, гадать не буду, потому как зажилось тебе в исламском мире дюже плоховато, и решил ты в какой-то момент к родным березам вернуться. Ностальгия заела, значит. Пути Господни неисповедимы, а потому столкнулся ты по возвращении ни с кем иным, как с Вишневским - настоящим, разумеется. А он, по всей видимости, чего-то там углядел еще в Афгане и очень был рад тебя видеть. Прочие сослуживцы, узнав о твоём чудесном возвращении, порадовались бы не меньше, и плевать им на все законы и амнистии. Они бы тебя попросту пристукнули, сержант, и скажи мне, если я не прав. Потому и исчез Вишневский самым загадочным образом на родной территории, благо искать его тут после дембеля было особенно-то и некому. Происхождение детдомовское, родни никакой. Попутно канул в Лету и некий Иванов-Петров-Сидоров, или как ты там себя обозвал по возвращении... Документ в наше время переделать нетрудно, а потому в Курск ты выехал уже с красивой Вишневского, дабы не лепить себе тут биографию с нуля. С ребятами, правда, пришлось переписку поддерживать, чтоб не беспокоились. А то начнут еще искать, да мало ли. Но тебе это пригодилось - вовремя узнал про опасность. От Воронцова, из той самой открытки. Дальше - дело техники. Пришел, увидел, победил. И попутно подставил соседа, чтобы мы долго не искали. Но просто уехать для тебя было уже мало - на душе-то скребет. И решил ты тогда напрямую законтачить со следствием, дабы в курсе быть. А чтоб явление твое народу выглядело естественнее, показал открытку. Тут-то ты, хлопец, и лопухнулся, потому что нам версию подкинул. Я, конечно, не дурак, сам бы додумался, но ты подтвердил. Кстати, думаю, что в городе нашем ты все-таки не впервые, и связи у тебя среди местной блататы есть. Только нанимал все больше придурков - что киллеры эти, что те гопники, которые меня в подъезде встретили. Жадный ты, Слуцко, не хочешь доплачивать за качество. Хотя стрельнули они тебя неплохо. Правда, еще чуть-чуть - и в лоб. Я поверил. А Саню Семенову жалко. Надо ж ему было тебя на рожу знать!

- А вы точно тогда сказали, Валерий Петрович. Богатое у Вас воображение. Детективчики бы Вам писать, а?

- Эт точно, сержант. Я аж покраснел от похвал твоих, хоть и скромностью не страдаю. Но ты не бойся, я все доказать могу. И что явился ты в город за день до смерти Воронцова. И что убийц нанял. Но главное - что ты никакой не Вишнеvский. И скажи мне, если я не прав.

Блефовал Коляда, блефовал. Мало чего мог доказать на деле. Пугнуть хотел, вывести из себя, спровоцировать. Один козырь остался - последний.

- Ты, хлопеч, меня долго за дурака держал, но и я тебя наколол разок. Кудрявцев-то наш помирать не собирается - наоборот даже. Заходи, Евгений, поздоровайся с сослуживцем.

На пороге кабинета возникла двухметровая фигура бывшего десантника. Застыл он на месте, глазами встретясь с Вишнеvским-Слуцко. Долгая как сон секунда. А потом в тишине с грохотом опрокинулся стул, и зелено-пятнистая тень метнулась к окну. Первый из оперов успел встать на пути и, получив удар ногой в лицо, опрокинулся. Открытое окно, окно без решетки, куда можно сигануть щучкой с разбегу. Человек в пятнистой униформе так и сделал, но за мгновение до этого на спину ему прыгнул второй оперативник, и оба они вылетели в проем. Быстрая куча-мала на траве, а затем самозванец поднялся во весь рост, оставив опера лежать. К нему бежали уже отовсюду, и некуда было скрыться, но он и не хотел. Коляда глядел на него в окошко, а он глядел на Коляду и медленно поднимал пистолет. С собой принес? Вынул у опера? Какая, к черту, разница! Ничего уже не имело значения в этот миг, когда время остановилось. Коляда понял, что не успеет отскочить и даже просто пригнуться - поздно. Нет времени и пространства, есть только яркий свет в лицо. И эти серые льдинки глаз. И черный зрачок ствола - лекарство от всех болезней.

А потом что-то вдруг изменилось, и под боком у Коляды вырос жесткий локоть Кобрина, которым тот опирался на подоконник, сжимая двумя руками оружие. Он дернулся три раза, этот локоть, и три горячие гильзы запрыгали по окну.

Человека трудно родить и воспитать, но очень легко убить. Слуцко не вскрикивал и не махал руками, он просто повалился мешком наземь и затих. И отзвываясь на выстрелы, ударил в небесах первый раскат грома...

Люди суетились вокруг, выполняя свою работу. Кто-то записывал, кто-то расспрашивал о чем-то. Коляду хлопали по плечу, поздравляя, но он только молча улыбался в ответ и курил жадно, взвзятжку. Сзади подошел и встал у окна Кудрявцев. Засмолил тоже и закашлялся. Коляда глянул на него невидяще и поделился вдруг думой своей:

- Слушай, а мы ведь с ним вместе пили. Доверял ведь я ему. До последнего дня доверял.

- Я тоже. Да ты его жалеешь что ли? Плюнь и забудь. Пацанов наших жалко, а этого...

Гром грянул еще раз, а потом в слезавшуюся серую пыль ударили первые капли дождя.

Февраль, 1993.

Людмила ГАРКАВАЯ

Людмила Валентиновна Гаркавая окончила рубцовское музыкальное училище и преподает музыку в седьмой музыкальной школе Барнаула. Первый рассказ «Черные деньги» опубликован в газете «Прямая речь». Последующие - в журнале «Алтай».

ПУТЬ, ПРОЙДЕННЫЙ ДВАЖДЫ

Рассказ

1

Девочка лет двенадцати еще до рассвета вывела свою спокойную рыжеватую корову на дорогу, забывшую тяжесть колеса, заросшую травами, и шла по ней весь день, отгоняя слепней черемуховой веткой. Как только солнце оторвалось от далекой линии горизонта и возвратилась вчерашняя жара, листья на ветке не выдержали ответственной роли опала... Больно хлещут голые прутья, но им не сравниться с укусами назойливых насекомых. Изредка, всего несколько раз манили в тень березовые околки, где можно было отдохнуть или хотя бы отломить другую ветку, однако, стояли они так далеко от дороги, что девочка побоялась потерять время. Она шла и шла к новому, за степями лежащему дому и вела кормилицу для сорвавшейся с обжитых мест, истосковавшейся без молока семьи.

- Потерпи, Зорька, - уговаривала корову девочка, - вон уже и жилье видно, ночлег наш с тобой.

Зорька, покорно следуя за ней, наверное, удивлялась терпению ребенка: вместо того, чтобы упасть от усталости в первом попавшемся доме, девочка так же неторопливо прошла из конца в конец главную улицу вытянутого в длину, словно вымершего села и попросилась ночевать в крайнюю, одинаково незнакомую избу.

Хозяйка последней избы стояла у ворот и смотрела в небо: угораздит ли грозу на разгар сенокоса. Ее сохранившие яркую, но холодную, зимнюю синеву глаза медленно опустились вниз, так же внимательно оглядели и девочку, и корову. Девочка, в свою очередь, заметила, что тетка явно неласкова, хотя вряд ли обижен достатком ее дом: платье на плотной фигуре темное, но не заплатанное, справное, а светло-голубой передник опрятен даже вечером, после целого дня возни по хозяйству. Лицо этой тридцатилетней женщины, белое и чистое, просияло бы, улыбнувшись, настоящей красотой, но губы привычно поджаты, складки кожи от крыльев тонкого носа к подбородку углубились, лоб прочертила четкая вертикальная линия, навесив капризный излом бровей над самой синевой глаз, лишенных теплоты и приветия. Она и вправду не была хозяйкой радушной, но девочку впустила, слегка расспросив. Впустила, хотя сегодня уже второй раз за это лето у нее остановился на ночлег

Дроза

разъездной фотограф из города, сначала собравший маленькие старые карточки у желающих, а теперь доставивший уже готовые парадные портреты сельчан - от усатого прадеда с Георгиевским крестом на груди до испуганной девчушки лет двух в ситцевом измятом сарафанчике... Впустила. Ничего - лавок хватит.

Еще даже не утром, едва звякнул подойник, гости проснулись и засобирались, но женщина тихонько на них шикнула:

- Спите ишо. Нынче хлебный день, возьмете горяченького в дорогу.

Пожилой фотограф послушно вытянулся под серой овчиной и снова захрапел, а девочка больше не уснула. Она слушала знакомые звуки и угадывала каждый шаг приютившей ее женщины: "Корова. Вторая. Ого - три! Свинья и подсвинки. Овцы. Гуси. Куры. Собаки. Война только что миновала, а у них уже такое богатое хозяйство... молодцы... И как они с налогами управляются? - девочка мысленно вздохнула, - у нас никогда кроме коровы и нескольких курей никого не было. Хотели телочку Майку оставить, так отец разбушевался - всем тесно стало. Ни овец, ни гусей. Огурцов - и тех не вдосталь... Помидоры у людсй с куста, а у нас из-под лежанки. Как специально не зреют, боятся - разбогате-ем... Видно, мама права: не видать мне большой семьи, как своих ушей. Еду люблю и готовлю много. Как же не любить, если все сыты и счастливы?.. А мама варит тютелька в тютельку, без добавки, хоть наизнанку чугунок выворачивай... Ни свиньи у нас нет, ни собаки... Что сторожить? Бедность нашу?.. И все-таки, все-таки, как хочется домой поскорее добраться!.."

Хозяйка, войдя, поставила на лавку молоко и, застав девочку бодрствующей, сказала:

- Можешь не вставать доить. Хорошо отдает твоя корова.

- А ведь маловато припасывалась в пути. Молоко вам за ночлег, я только в бутылочку себе налью, - ответила девочка.

Оторвалась от икон, не старая еще свекровь хозяйки, прошептав длинную вереницу утренних молитв, и теперь столь же невнятной скороговоркой бурчащая себе под нос что-то уже не касающееся Бога; сполз с полатей высокий, сутулый мужчина лет шестидесяти - свекр, и каждый занялся своим делом: она - выкатывать будущие караваи на черные обширные листы, а он - ох, да что это он делает?!

- Зачем столько соломы? - не удержавшись, спросила девочка.

Процедившая молоко хозяйка слегка улыбнулась:

- Сама еле привыкла. Здесь леса-то нет! Соломой топим.

- Хватает?! И хлеб печете?!

- И хлеб...

- У нас торфом топят. Или киззяками еще.

- Забудь, - снова чуть улыбнулась женщина, - забудь... Меня двое сватали, - вдруг сказала она значительно громче, - вон, Михаил, - указала рукой на стену чуть левее угла с иконами, - и Иван из нашей Луковки. Лучше бы за Ивана пошла, - выговорила она еще более отчетливо, - он, говорят, к семье вернулся. - Она вытерла передником стекло на большой фотографии в узкой самодельной раме и добавила почти навзрыд: - Бор там богатый! Лентой течет, как река. Ты ведь на родину мою идешь, жить будешь по другую сторону нашего бора, на другом его берегу...

- Какой красивый, - сказала девочка о портрете.

- Да уж, - не поняла та. - Места грибные, ягодные, каких грибов, каких ягод там нет - не знаю. Рай земной.

Девочка покосилась на ее свекровь, на вытрагивающиеся полушария будущего хлеба, но все-таки настойчиво уточнила:

- Очень красивый портрет.

- У тебя дома есть фотокарточки? - спросил, прокашливаясь, снова проснувшийся фотограф. - Могу и тебе портрет сделать. Хороша работа?.. Куда, говоришь, бредешь-то?

У девочки, может быть, не было своей фотографии там, куда она брела, но она пригласила:

- Идем к нам, дядя, поищу, - и сочла необходимым поставить точку. - Очень красивый человек на портрете.

Сама она - худенькая, стройная девочка с тонкими, не по-крестьянски изящными и по-крестьянски сильными руками, в ней нет подростковой угловатости, но далековато и до девичьей округлости, если не считать овала лица, сохраняющего округлость за счет ярко выраженной скуластости. Спокойные серые глаза глядят с него простодушно и внимательно. Белоснежные мягкие косички точно чужие обрамляют от рождения смуглую, да к тому же поджаренную солнцем кожу. Девочка внешне обыкновенная, и, хотя тянется к любой красоте, встретившейся в жизни - березка это, постройка, звереныш или человек, - сама она относительно своей внешности забот не знает. Пора не пришла задуматься.

Солома сгорает почти мгновенно, только успевай подносить все новые и новые снопики, перевязанные жгутом из той же соломы. Но горит, судя по всему, жарко. Утро полностью наступило, когда сверху горохом посыпалась мелюзга - невыносимо на печи стало. Первым захныкал спросонья мальчишечка лет пяти, его, хнычащего, опустил на пол не улыбочивый кареглазый подросток в темных штанах из "чертовой кожи", на пришлую девочку демонстративно не взглянувший. Потом из-под складок занавески выглянули черноволосые близняшки - одно лицо, но две гримаски: лукаво улыбающаяся и нежная от румянца стеснительности, тоже улыбающаяся, но осторожно, осмотрительно. Близняшки выглянули, снова скрылись, пошушукались и, стрелой слетев с печки, умчались во двор. Девочка проводила их понимающим взглядом и снова вздохнула.

- У тебя тоже братья-сестры? - спросил фотограф.

- Сестры. Пятеро. Нет, теперь уж, поди, шесть. Я старшая.

- Да, - проронила свекровь на сей раз внятно, - тяжеленко переезжать с такой оравой. Хозяйства-то!.. И чего на месте не сиделось?

- Папу часто переводят, такая работа, - объяснила девочка. - Они все давно уехали, я одна осталась - экзамены сдавать. Зорьку не продали, мне все одно идти, а с ней веселее. Только вот я дифтеритом переболела, опоздала теперь на целый месяц... - она виновато потупилась. - Там, поди, заждались молока-то...

- Дитенок одна скотину гонит! - возмутился фотограф. - И переживает за них еще! А что, если гад какой по дороге?! Сколько тут - километров двести?

- Сто тридцать, папа сказал.

- И не собьешься?

- Не-е, я по карте запомнила. Скоро полпути уж, ничего.

- Пойду с ней, провожу, - решил фотограф, - далековато - да ладно. Волка ноги кормят. Работы поищу.

2

Дорога с попутчиком Настюре (а девочку так и звали, Анастасия, значит, полное имя) не показалась длиннее пройденной наедине с Зорькой. То ли березовые околки, попадающиеся все чаще, скрашивали однообразие пути, то ли веселее степь текла под ногами, когда после освежающей грозы снова жарило солнце, но жарило иначе, мягче, незаметнее, торопливо выпивая теплые придорожные лывы, а в необъятной высоте то там, то сям опять наливались свинцом облака, тяжелели и опять уже прогромыхивали, встречаясь... Но более всего помогал пути хлеб тоскующей в степях женщины. Настюра давно не пробовала такого почти белого, такого мягкого и так много. Она давно не ела вообще никакого. Из больницы выписали, как только возвратился глотательный рефлекс, а пайка в школе уже не полагалась, сунулась в райком - отказали. Хорошо, хоть экзамены разрешили сдать позже... Молоком жила, да тайком подброшенной в окно пшеникой в холщовом мешочке, которую умыкнул дома поклонник - первый, оставшийся неизвестным. Одноклассник, наверное, один из тех, с кем рывкнула, не договариваясь, но дружно, блатную песню на первомайской демонстрации, как раз напротив трибуны с райкомовским начальством.

Глазенки карие и желтые ботиночки
зажгли в душе моей пылающий костер...

Когда устраивались на ночь под огромной березой, выросшей вдалеке от остальных, и раскладывали на чистой тряпочке свой нехитрый ужин, Настюра, смеясь, пересказала эту историю попутчику Калинычу, как пытали однокласс-

ников по одиночке в кабинете директора школы, и она - отличница, член учкома - отвечала то же, что остальные, будто у класса была возможность договориться:

- Кто пел?
- Все пели.
- Ты пела?
- Нет, я не пела.
- Мария пела?
- Нет, не пела.
- Анята пела?
- Нет, не пела.
- А кто пел?
- Все пели.
- Алексей пел?
- Нет, не пел... - и так далее, сказка про белого бычка.

Калиныч поохотал и позавидовал.

- Слушай, Калиныч, - вдруг спросила девочка строго, - а откуда у тебя сало?

Да еще и два куска.

Фотограф засмеялся:

- Ласковое теля двух маток сосет. Тебя подкормить велели. Этот кусок свекровка втихаря сунула, а этот, побольше, сама хозяйка дала.

- Странно как. Хозяйка такая красивая. И скрытная. У нее муж погиб, да?

- Нет, дочка... Ешь давай. Он где-то на Дальнем Востоке остался, новую семью завел. А она с его родителями живет, вишь... Правда, нет худа без добра. Хозяйство в доме одно, а семьи две как будто, можно двух коров держать и остальное - по мелочи... Но душу-то ей рвет - это понимать надо! Говорят, раньше свекровь на ней высыпалась, как могла. А теперь ишь, сидит - приушипи-лась, поступилась правами. Молодая гнет, куда хочет, сама.

- Может, он вернется домой все-таки? - спросила девочка, отрезая тоненький пластик желтоватого сала, - как ты думаешь?

- Хотел, говорят. Не приняла. Гордая. А старикам как о внуках не болеть? Отписали ему, чтоб не приезжал, не бросал дочь свою дальневосточную. Здесь-то они сами присмотрят в случае чего. Справедливо?

- Не знаю...

Переночевали и пошли дальше - весело и нетерпеливо, не увеличив скорость, а душа, душа изо всех сил рвется вперед, к дому, который пусть медленно, но приближается с каждым шагом. Остался последний отрезок пути - на полдня, вот и орали эти полдня песни на всю степь, надо же как-то реализовать настроение. Сначала баловались переделками: "По военной дороге шел татарин безногий...", а потом попросились с языка и настоящие. Так, неторопливо, маленьким певучим отрядом подошли к месту, где Настюру ждали.

Село раскинулось подковой меж двумя речками на краю степи, прилепившись одним боком к необыкновенно спокойному, густому лесу необыкновенного синего цвета. Вблизи обычно зелены были ветви каждой отдельной исследованной сосны, но, отойдя в сторону степи, видишь, как бор снова почему-то синее.

- Оптический обман! - догадался Калиныч. - Как профессиональный фотограф утверждаю!

- Да точно - синий, никакого обмана, - улыбалась девочка.

А у мостика через меньшую речку их выглядывала уже, приставив ладонь к повязанному платком лбу, маленькая худая женщина с острыми чертами широкого, скуластого лица.

- Не подумай, что она тут целый месяц простояла, Калиныч, - сказала Настюра, - это мама моя. У нее чутье! Все насквозь видит.

3

Бабушка моя, стало быть. И, стало быть, ни к чему гадать, откуда это у меня - насквозь видеть.

Мама, рассказывая в очередной раз историю своего детства, предложила мне записать ее, раз худо-бедно все равно писанием балуюсь, хотя бы на память. Ну, я и записала. Приврала слегка, конечно, нельзя иначе. Меня же там не

было полвека назад, и, как бы подробно потом ни рассказали - вживе побывать не получится. Впрочем, даже если получится...

Вот за июль, и за жару, и за грозу - ручаюсь, потому что прошлым летом в это же время этот же путь мы с мужем проделали на автомобиле - для достоверности. (Дорога, я надеюсь, хотя бы во времена юности моей матери была лучше: муж в течение всего пути не уставал намекать, до какой именно степени ему надоели мои литературные бзики - полно дорог не прямее, да глаже).

И вот она - степь. Сильно изменилась. За степь, с ее обоженной наготой, умытой ливнями и причесанной ветрами, с ее высушенными травами ("Смотри, сколько сена накопили!" - кричала я в детстве, изредка покидая самый дымный в стране город), за степь, за эту сегодняшнюю степь я совсем не поручусь. Только насекомые у нее в полном составе сохранили подлые привычки, несмотря на исключительную частую смену поколений. Отчего случилось нашествие посторонних растений? Не было там, даже я помню, что никогда не было болиголова в степи или, скажем, цикория в таких просто удручающих количествах. Я их вообще не помню. Чья ниша освободилась, которые из трав не искать сегодня?.. Я не знаток. Вот тысячелистник, знаю тебя, молодец, что остался. Белоголовник, донник, тоже здравствуйте навсегда. Иван-чай, дорогой, ты и на пепелище первым вырастаешь, не бояться за тебя, значит, кипрей-умница?..

Да, я не знаток. Всех немногочисленных знакомых я в степи поприветствовала. Кто же ушел незаметно?.. Изменилась степь, и концов не найти.

Останавливаться на ночлег в селе, которое я узнала скорее по названию, чем по рассказам, нет смысла. До ночлега еще - как до Китая по-пластунски. Утро почти, мы даже проголодаться не успели, так близка оказалась дорога. А ведь из города выехали, значит, плюс двести километров...

Где-то здесь - в этом доме?.. в этом?.. а может быть, в этом?.. - живут дети приютившей мою мать женщины... Вполне вероятно, что и сама эта женщина живет здесь и здравствует...

Есть смысл останавливаться! Есть! Есть! Но...

- Не на корове же, - пробует шутить муж, - едешь...

Разумом соглашаюсь, но все равно поварчиваю себе под нос, пока муж постанывает, одолевая ямы вместе с машиной - единым усилием.

Так и уехали бы. Но сразу за селом видим мужчину лет тридцати, который недоверчиво приподнимается с рюкзака, на котором сидел, и гляди на нашу семейку, как баран на новые ворота... Видимо, за последние пятьдесят лет движение по этой дороге оживленнее не стало. Разве что чуть-чуть - благодаря нам.

- Подберем его, ну давай, пожалуйста, подберем! - радостно захныкала я. - Вдруг он расскажет что-нибудь интересное про это...

- Это против правил, - проворчал муж, но машину остановил, - первый и последний раз.

Попутчик назвался Николаем. Одет по-городскому: сине-красно-желтые спортивные брюки - веревочка на поясе и серая футболка с огромными буквами "АДИДАС". Я долго не верила своим глазам.

- Почему же "Адидас"? - отважилась спросить.

- А чтоб не как все! - молодежато ответил он.

- Китай, - ухмыльнулся муж, - кто там читать умеет?.. А вот скажи-ка, тетка, рыба у вас тут ловится?

- Ого! - заверил попутчик. - Во! - он использовал рыбацкий жест. - А хочешь, можно на пруды заехать. Там карасей неслучайно.

- Здорово! - обрадовался муж. - Скажешь, когда повернуть.

- Вас там, на месте, не потеряют? - озабочился тот, - меня-то не ждут.

- Нас еще меньше. - И каким же "любящим" взглядом муж меня одарил!

- Слушайте, тетки, - не обиделась я, - ехать нам долго, беседовать тоже. Как мне вас различать прикажете?

- А просто! - не полез в карман попутчик, пока муж от моей наглости в затылке почесывал. - Вы, - он тронул мужево плечо, - значаца, Николай первый, а Мы... - тут он уложил длань на необъятных буквах, - Мы - Николай второй!..

Карасей, действительно, оказалось много. Их жарили на мангале, как шашлык...

Познакомились мы, оказывается, с новым русским (просьба в данном случае определение не обособлять кавычками). Платного туалета Николай второй в степи не открывал, но открыл зато кафе-мороженое с дорогими коньяками и, по его морфологии, "висками" да парочку киосков с "Кэмелом" и жвачками по соседним селениям. А степной народ и теперь предпочитает самосад под брагу всему заморскому великолепию. Капиталец, нажитый на жвачках, оказался, как и следовало ожидать, куда меньше начального, вырученного от продажи крупного и мелкого рогатого скота - вечной матушкиной заботы. После двухгодичных трудов остались грузовичок самого застойного года рождения, вставший на прикол еще при "живых родителях" (кафе, то есть, с киосками) и тачка благородного происхождения - "Ауди-ТОО".

- Ну, происхождение не вполне благородное, - смеюсь я, - это не "Мерседес-Бенц" и не "БМВ-735", а так себе, бастард... И где же ваша кобылка, а, Николай второй?

- С девочками прокатал, - не смутился он, слегка, правда, поскуцнев, - побился малость, а запчасти далеко, дорого. И потом: лишили же прав на двенадцать месяцев - пьяный был. Продал - чо год целый ржаветь будет? Металлолом, это ты правильно сказала.

- Я этого не говорила.

- Подумала, значит.

- Допустим... И что же теперь, Николай второй?.. Вы деньги-то за металлолом в новое дело пустили или так пропили?

- Вот погоди, - обещает он, - женюсь на тебе, тогда и отчитываться буду. Может быть.

- Ах, никогда! Никогда мне не доведется узнать о финансах Николая второго! Ах, как жаль! Как жаль! Но что ж! Надо смириться со своей судьбой!

- Правда, что ли, хочешь? - удивляется тот, постепенно расцветая. - Да я не против. - И, покосившись в сторону храпа из небогатородного "Жигуленка": - Слушай, что придумал. Я маслобойку решил строить. Уже договора имею на сдачу подсолнечника. Показать?.. Ты постное масло ешь? Купаться в нем будешь.

- Вы, Николай второй, постройтесь сначала. А еще даже лучше - бросьте вы это черное дело. Опять прогорите ведь. Шли бы обратно в трактористы, это больше, чем ничего.

- Неинтересно. Лучше прогореть и опять все сначала. Не люблю, когда скучно.

- Я тоже, - соглашаюсь, - но еще меньше люблю начинать заведомо безнадежные предприятия.

Иду к машине за сигаретами. Муж спит, завернувшись в простыню с головой - комары одолели. Окна не закрыть - душно. Я в таких условиях спать не умею. Я лучше у костерка от дыма почищу да рассказы послушаю. Наверное, пора приступить к главному...

- Знаю я эту ведьму как облупленную, - заявил Николай второй, отвечая на мой вопрос, - знал, то есть.

- За что вы ее ведьмой называете? - ужаснулась я.

- А умерла не как все люди.

- Ой, как интересно...

- Что интересно, то да, - неопределенно высказался он и слегка задумался. - Мужик к ней возвращался пару раз. Ох, она его и любила! Как-то гляжу: чешет за ним по деревне с вилами наперевес, как на медведя, хе-хе... А хоронить ее он с дочерью прилетел, это лет десять, наверно. Он, баба эта, как, говоришь, ее звать?..

Я пожимаю плечами.

- А, во, Евдоха она, вспомнил. Евдоха эта перед смертью болела с год, не меньше, и все говорила: хочу, дескать, на падчерицу посмотреть, чем она моих детей лучше. А когда он дочку привез, старуха померла уже дня два как. - Николай второй помолчал, помялся, словно что-то припоминая, и вдруг загорелся: - А вот теперь слушай! Приходят муж с дочерью своей в церковь, где стоит гроб...

- В какую церковь?! - изумилась я.

- Да в Камне, в Камне ее хоронили!

- Да в Камне - винзавод! Или рыбзавод - не помню! Какая там церковь?!

- Была, была! Ты просто не знаешь! Слушай лучше! - закричал он, делая пассы руками.

Ну все. Загипнотизировал. Слушаю. Даже верю. С детства обожаю ужастики, а от рассказов про всякую ожившую мертвечину вообще балдею...

После "черного-черного" рассказа купание в черном-черном пруду. При полной луне. Романтика с усугублением. Вода теплая. "Как щелок" - вспомнилось издалека.

А Николай второй, как бы споткнувшись, цепляется за случившуюся под рукой выпуклость...

- Ну-у, - разочарованно протягиваю я, - так нечестно.

- Почему? - вопрос по-детски непосредственный.

- А потому, что бросим вас здесь одного, если я мужу пожалуюсь. А потом меня совесть замучит - как вы отсюда выберетесь. - Выхожу из воды и направляюсь к машине.

- Это уж точно нечестно! - пугается он.

- Я и говорю! Зачем толкать меня на бесчеловечные поступки?

- Конечно, ты городская, рассказы пишешь, на пианино, говоришь, играешь, а я никто и звать меня никак... - заканючил Николай второй.

- Вот именно! - уже сердито соглашаюсь я, за последние двадцать лет выучив подобные маневры наизусть. - На жалость я не играю, ставка не та.

- Что не поделили? - раздался голос из машины.

- Да вот, рассказывать отказывается, - жалуясь я.

- А ты налей сначала, - советует муж, - кто же тебе на сухую разговорится. И потише там, а то усну за рулем завтра.

- Ишь, как правильно понял! - радуется Николай второй. - Наливай, если муж разрешил. Про эту, как ее, Евдоху я тебе наврал половину. Слышал, что было нечисто, а не запомнил, что конкретно. Зато по правде расскажу такое - пальчики оближешь. За точность - клык даю.

- Сидел, что ли? - интересуюсь я.

- Во выдумала! - обижается он. - Я и трактористом не был. В институте учился, не веришь?..

- Да почему не верю...

- Честно, в педу учился, на военрука. Пьянствовать надоело, ушел со второго курса...

А цикады поют так звонко, так пронзительно, что не хочется слышать человеческий голос. Ритмичные звуки сами готовы сложиться в рассказ несказанный.

- Давай помолчим, - прошу я, наливая-таки, - потом расскажешь.

Он прямо восторженно весь, услышав долгожданное обращение "на ты", и замолчал спокойно и светло. А я думаю и думаю все "про эту, как ее, Евдоху".

4

Когда я особенно глубоко задумываюсь, себя временно теряю. И вот, я - это она, она - это я.

Я лежу на широкой хозяйской кровати, мне, как всегда, слишком просторно. Так ведь и не попробовала на ней вдвоем - не пришлось, свекровка одна знала, каково это. Но думаю, что не тесно. Не та "я" думаю, которая лежит, а та "я", которая находится сверху, откуда-то с полатей или еще выше бесстрастно рассматривая то, что еще совсем недавно было родным и близким. Постоянно скрипит и хлопает дверь. Люди входят, выходят или сидят неподвижно.

Появление ожидаемого чувствую. О-о-о! Я надеялась, что больно быть уже не может...

Он близко!

Он вошел. Но не ощущает моего присутствия, плачет об отсутствии. Мне невыносимо чувствовать его страдание. Той, которая лежит, тоже всю жизнь было невыносимо, и она со сладким трепетом узнавала о каждой посетившей его боли, единственно так становясь причастной - причиняя ее, потому что собственная боль сожгла сочувствие...

Хочу его утешить, нашептал главные слова. Шепчу, а потом кричу изо всех сил, но душа в нем замкнулась...

Седой, большая и все еще красивая голова дрожит, морщинистые, в коричневых пятнах руки то глядят, то теребят нечувствительное, мертвое... Как он не

понимает, что я здесь, вот она, как пять десятков или даже пять тысяч лет назад! Юная! Сильная! Ощути же! Не ощущает... А я никак не хочу улететь без прощения и не попрощавшись. Выход только один - *вход*. Только так он сможет почувствовать.

Как тяжело это, как тяжело! Я почти бессильна внутри. Вот удалось шевельнуть ресницами. Не заметил. Сжимаюсь в пружину для резкого движения и - цап! - его рука в моей. Намертво! Свеча в изголовье падает и гаснет. Значит, обживаюсь?.. Слышу вопли. Зачем-то открываю глаза - видеть-то ими не могу, другим вижу, неплачущим... Нет, не выдерживают слез веки, сами опускаются... Тело выталкивает меня! Сказать! Скорее сказать!

Последнее усилие и... вместо тихого "прости" из уст вырывается хриплый вопрос: "Корову подоили?.."

Ведь ты любила его всей душой! Ах, тело, тело...

Я возвращаюсь. И снова оглушительный звон цикад, звезды, костер на берегу...

- Эй, тезка, что это с женой твоей творится? - слышу испуганную скороговорку.

- Что?.. Где?.. А-а. Не обращай внимания. Я думал, машину угнали.

- Да ты же в ней спишь! Просыпайся, говорю! Смотри, чего это она побледнела, оглохла?.. Я прямо за... это... со страха, а он спит!

- Что?.. - ехидно переспрашиваю я. - Что это вы, Николай второй, сделали от страха?

- Во зараза! Чего пугаешь? - он пытается рассмеяться, но у него не получается.

- Это с ней бывает... - громогласно зевнул, потягиваясь, муж. - Говорю тебе, не обращай внимания. Рассказ очередной сочиняет.

- Я бы запретил ей! Кому оно надо на фиг, с ума сойдет - и все! - никак не успокоится Николай второй.

- Запрети, попробуй, хочу посмотреть... Это ей вроде курева - легче мужа бросит... Я сегодня высплюсь или нет?!

- Да спи на здоровье, кто тебе мешает! - негодую я. - Вот утону - будешь знать! Хотите еще искупаться, а, Николай второй? Да не бойтесь вы, не зашекочу.

- Ну, ты наглая... - бурчит муж, устраиваясь поудобнее.

На зыбкой воде дрожат искры от звезд. Круглая луна просвечивает сквозь тонкое облако. Ныряю в мерцание. Хочется особой тишины и медлительности, но вода стала холоднее, и тело требует более резких движений. Плыву. Каждый всплеск - как выстрел. Николай второй блюдет меня у берега. Нет, невозможно холодно. Скорее к костру за полотенцем и - рассказ слушать обещанный.

- Что быстро наплавалась? - интересуется будущий рассказчик.

- Хододно невыносимо.

- Во дает - холодно! Водичка - как шелок!

Эти его слова рождают во мне радостное предчувствие скорого попадания в нужную, давно искомую струю. Я изумленно вздрагиваю.

- Конечно, - смеется он, - шелудивому поросенку и в Петровки мороз.

Смейся, смейся. Я напрягаюсь, как струна, готовясь не упустить ни словечка, ни жеста, ни умолчания, ни самой короткой ноты в сложноритмических мелодиях цикад.

Усаживаюсь. Наливаю. Требую:

- Говори.

- В нашем селе, - незамедлительно начал Николай второй, - у бабки Катерины жила когда-то приезжая квартирантка из города, красоты она была неописуемой. Одевалась только в шелк и в шерсть, а шуба у нее была длинная, белая с черными пятнами. На посиделки, где матерные частушки поют, она никогда не ходила. И стало ей скучно. Тут случился в клубе весенний бал. У нас его до сих пор каждый год устраивают. Сейчас хоть рассчитывают, чтоб после Пасхи, а тогда удумали танцевать в страшную ночь - с пятницы на субботу. Да еще... Клуб-то наш старый видела, помнишь? Где кинотеатр теперь. Опять будешь спорить, что не церковь?

- Не буду, не буду, - успокаиваю Николая второго я.

- Вот там этот бал и устроили. Нарядилась она и пошла в клуб. Народу набилось - тьма. И все нарядные, да только колхоз, он и в Африке - колхоз. Она

возьми и скажи: "Фи, одни свинопасы собрались!" И ушла. Да обидела, видать, кого-то. Идет она из клуба через парк... Там теперь парка нет, но он был, я помню, видел.

- Я тоже, - киваю.

- Идет мимо радиоузла, мимо прокуратуры... И вдруг навстречу ей бегут люди и кричат: "Свинья! Свинья! Беги!" Та не испугалась, не побежала, стоит и думает, чего это, дескать, мне свиней бояться? Тут она свинью увидела: огромная, ухо черное, глаза зелеными фонарями!.. Как вчистила красавица по улице от нее, по Зеленой, значит, я покажу потом, где, а свинья не спеша бежит, похрюкивает, но догоняет, все ближе, все ближе... Девка - к бревнам, из которых больницу нашу старую потом построили, махом наверх вскарабкалась, а высоко ведь! Что ты думаешь, свинья за ней по бревнам незакрепленным скачет! Где это видано - свинья-верхолаз! Тут девица смекнула, какая свинья за ней увязалась. Хочет перекреститься, а креста нет на шее, рука не поднимается. Тогда соскочила с бревен и чесанула обратно к прокуратуре. Глядит, свинья уже обогнала и дорогу ей перекрывает. "Чего тебе, свинья, от меня нужно?" - сроду гордая была, а тут заплакала от страха даже. "Замуж выходи", - говорит свинья. "За кого?" - "За пастуха нашего", - захрюкала, как засмеялась, и пропала с глаз. Пришла красавица домой к бабке ни жива, ни мертва, рассказывает про все это, а сама пятнами покрывается. К утру у ней все лицо стало в угрях и нарывах, страх божий. Ну, бабка Катерина быстро вылечила ее сучком на ухвате...

- Как это?

- Да запросто. Одну молитву надо выучить специальную, у матери моей есть переписанная. Потом найти сучок на мертвом дереве и под молитву переводить каждую болячку на него - делов куча... Я так все бородавки свел себе. По листочку читал. Мать говорила, что по листочку не получится, а вот -получилось. Последние когда сводил, уже и читать лень стало, так напевал под нос белиберду всякую, какая с языка пошла, и все равно получилось.

- Так ты экстрасенс, что ли?

- А как же! - загордился Николай второй. - Брательник мой еще хлеще: тот свои бородавки вообще сдувал.

- Если молитва не нужна, то, наверное, и сучок упразднить можно... Ну ладно, давай к свинье поближе.

- Ага. Вот. Замуж за чертова свинопаса она, ясно, не хотела. Плачет! Бойтись! Из дома не выходит, да разве спрячешься от нечистой силы? Сидит, Богу молится. И снится ей сон. Свиньи лежат в лыве и разговаривают. Одна спрашивает: "Когда свадьба?", а другая отвечает: "Когда сало нарастет". Первая опять: "Умирать неохота", а вторая: "Куда деваться?", третья и говорит: "Погодите еще, вдруг в невестин портрет принц влюбится..." Все-все свиньи как завизжат, как захрюкают! Испугались, повскакивали!.. Девушка проснулась и думает: "Сон в руку, надо портрет свой в газету напечатать..."

Тут я, сообразив, что к чему, сама захохотала до визга и хрюканья. То-то эта свинская история показалась мне смутно знакомой. А уж принц-то суженый мне знаком досконально, о нем я самостоятельно могу наврать с три короба.

5

Поглядев со стороны, мальчика никак нельзя было назвать "пацаном". Мешало все: гладко причесанные темные волосы, нежный румянец бледного лица, на котором застыло ожидание события прекрасного, скрытно и неотвратимо надвигающегося. Его синяя вельветовая куртка застегнута до самого ворота, а в руках настоящая взрослая папка с золотыми длинными шнурами. Видно, никогда не били его сверстников по голове и никогда не прикасались к ней немые руки. Там аккуратно хранились нотные листки, заполненные мелкими карандашными значками, и узенький деревянный пенал. На свои четырнадцать лет мальчик не выглядел - тоненький, хрупкий - и взрослости добирал манерой поведения. Потому и походка мальчика не была торопливой, с достоинством шествовал. К тому же, он был чистюлей, а вся Никитинская после веселого майского дождя покрылась ручьями, переливающимися грязь из одной лужи в другую. И потом: свежий запах липкой листвы, мокрые, раскрывшиеся навстречу сол-

нышку и брызгам из-под ног прохожих цветки одуванчика, - все это насыщало настроение мальчика, но не способствовало скорости... (Вот оно, первое творчество! Впрочем, это я к слову...)

А где-то недалеко уже шумел оживленный Красноармейский проспект, и вплетались в этот шум звуки городской музыкальной школы, куда направлялся мальчик, и куда он не дошел за последние несколько месяцев ни разу. Вот почему он, по-прежнему неторопливо шагая, время от времени морщился, сердито сопел и шептал самому себе: "Эх ты, пацан...", но, тем не менее, опять остановился у входа в "фотографию" и завороченно уставился на витрину.

Фотограф, выглянувший в свободную от рекламного щита полоску окна, мальчика давно заметил, трижды в неделю наблюдая его безмолвную, неподвижную выстойку, и с самокритикой мальчика не согласился.

- Мужает поколение, - сказал он сослуживцам, - каких-нибудь полгода назад был обыкновенный пацаненок, а теперь - юноша! - И всегда недосуг было фотографу поинтересоваться, что заставляет юношу неизменно застыть перед витриной.

А это был *портрет*. Тот самый, случайно испорченный мной при ремонте квартиры, после чего мои родители сразу же благополучно развелись, промучившись друг с другом, как в сказке, тридцать три года. Видно он, этот портрет, и держал их цепкими лапами Сбывшегося...

Надо же было обожаемому мной Афанасию Калиновичу проводить когда-то мамину корову! И - надо же! - карточка в доме нашлась. На этой карточке маме лет шесть. Кстати, бабушка тоже в кадре присутствует. Но фотограф сделал, как обещал, мамин портрет, настоящий сольный, где поместилось только мамино лицо и разметающиеся белоснежным венчиком волосы. Он был настоящим мастером, обожавший меня Афанасий Калинович! Но... Ни один из кипы моих превосходно сделанных портретов не стал шедевром. А мамин портрет - стал!

Если присмотреться, на огромной фотографии будут видны следы ретуши, особенно там, где глаза и губы - они очерчены почти выпукло, подобная резкость при таком сильном увеличении просто невозможна. А волосы! Волосы струятся несколько живописнее, чем на оригинале, хотя ни одна прядь не потеряла естественного движения. А настроение! Да это ангел, запечатленный в полете!

И поврежденный портрет, и старая карточка оригинала навсегда улеглись на моих антресолях... Отец хотел взять портрет себе, но мать воспротивилась. Я предложила компромисс... Вот о каком портрете поведал мне наш случайный попутчик. Правда, его фольклорная история изрядно обросла нелепостями, вроде Евдохиной. Например, мать моя в рассказе так приукрашена, что невозможно понять, кто она такая. Принцесса инкогнито. А где были ее родители, шестеро сестер и единственный младший брат? Где корова Зорька, как ключевая действующая морда?.. Шуба из горносталя, ага. Из овчины не хотели ли, да чтоб одна на всех?.. Еще более непонятно, когда действие происходило. Николай второй клыками клялся, что сразу после революции...

А ведь он прав! Прав Николай второй! Ну кому она интересна, шуба из овчины, да еще и одна на всех?! Будни. Надо, эх, надо бы научиться достоверно излагать нелепости! Чтоб -праздник! Но в своем доме. Похоже, народу нравится именно это. Отчего так?..

- Ты на себя посмотри... - улыбнулась вопросу мама.
- А ну-ка, покажи, где я соврала? - недоумеваю я.
- У тебя правдоподобно получается, - утешила она, - мне нравится. Только один кусочек переделала бы. Про райком.
- Зачем? Неправда, что ли? Сама же рассказывала.
- Правда-то правда... Теперь, конечно, все рассказать можно. И написать тоже. Вот нужно ли? Не так поймут.
- А как же?! Чтоб ребенку сто грамм хлеба пожалеть! Даже не своего! Мрак.
- Видишь ли... Было другое время... Это сейчас... - она мимолетно погладила меня по голове, а у нас в семье сантименты не приняты, и я насторожилась. - Это сейчас дети до седых волос - дети. А тогда в двенадцать лет ребенок считался взрослым и мог отвечать за себя... Все сейчас коммунистов ругают, и ты туда же. Все равно, что лежачих бить.

- Ого, нашла лежачих. Нам бы на их слоновье лежище, да куда! Растопчут.
- Тем более, не роняй себя. Моська ты, что ли?
- Хорошо, я подумаю.

А подумала почему-то о Знаках. Тех, что обрушиваются сверху, иногда - бульжником будто, иногда - незаметной капелькой дождя. Жизнь на бедных моих родителей столько обрушила - едва не пришибало Знаками, и все не впрок. А из этих подарков - внезапных прозрений, удивительных случайностей, странных на первый взгляд взаимосвязей - можно создать большой роман в духе Жорж Санд... Только вот, действительно, зачем? Плохо слушались Знаков мои родители. Ладно, что не пытались торопить события, но вот убежать от них зачем к событиям ненужным и даже вредным?.. Тем более, что не уведут они от судьбы далеко, можно не стараться. Увести не уведут. Омрачить сужденное могут...

Моего отца женщины всегда чрезвычайно любили. Он их, конечно же, тоже - всю основную массу. Особенно блондинок перманентных, а таких тогда было множество. Прямо выискивал ангелоподобных. К моменту встречи с моей матерью он был уже женат, но кобелировать продолжал потихоньку. Очередная его пассия проживала в самом бандитском районе города, но, как истинный джентльмен, он все же частенько провожал ее через виадук, каждый раз ощущая определенный холодок между лопатками, подползающий порой к самому сердцу. Впрочем, он объяснял не риском, а элементарной ленью свое охлаждение к сбитой накрепко белобрысой "Осипухе", как мысленно уже наименовал тайную пассию по названию места ее жительства. И, покидая вечерами железнодорожный сад, всегда ловил себя на одной и той же мысли: ну почему бы не жить этой дурехе поближе, например, в этом доме?.. Не говорил себе: или в этом, или вон в том. Вожделенный дом был всегда один, и это был Знак. Если бы мой отец посмотрел сквозь стену, за которой в то время не было троллейбусной диспетчерской, и если бы его взгляд проник во двор, где сейчас асфальтированная площадка с коммерцией, он мог бы увидеть, как моя молодая и еще далеко не мамочка срывает огурец с высокой грядки. Жила она в этом доме. И вся ее многочисленная родня тоже. Деда всю жизнь гоняли с места на место...

Именно моей матери пришлось подобрать своего будущего мужа и моего отца в луже, куда он приполз с разбитой-таки осипенковскими ревнивцами головой. А от поселка Осипенко даже через виадук до мемориала, где раньше был железнодорожный сад, ногами идти устанете. Далеко полз. Хватило сил ровнехонько до вожделенного дома. Мама с трудом подняла его бесчувственное тело по лестнице. Он пришел в сознание лишь однажды и сразу же снова оттуда ушел, потому что увидел на стене портрет, выученный с детства, а под портретом - ангела, с портрета слетевшего: расчесанные на ночь и не прибранные в косу белоснежные волосы, зыбкое, но живое лицо, глаза, одухотворенные тревогой, - словом, мама моя... Отключившегося и увезли его в больницу.

Мама выловленный из лужи Знак, конечно же, ухватила, но действовать, то есть наводить какие-то справки начала не сразу. С опозданием узнала, что история кобелирования за виадук получила слишком большой резонанс среди близкой отцу публики, поэтому он расстался с женой и переехал. Куда - узнавать постеснялась. А ведь послушайся она Знака, посети его в больнице - и ни к чему самый дымный город нашей страны, где молодых, перспективных и, тем более, одиноких инженеров женщины тоже чрезвычайно любят.

Что может быть хуже накопления несужденного, дурных привычек, приобретенных вопреки?.. Только нерешительность и бездействие. Беды всеобщие. И почему людям никогда не дано знать свое предназначение?.. Слепыми котятками блуждают, то проваливаясь в ямы, то оставляя куски тела на остриях...

Мама поплакала чуток. Как же, как же. Не успела выловить своего принца из воды, что было когда-то бабками деревенскими предсказано (ведь свинья ей снилась, не совсем так, но сон, действительно, оказался "в руку"), а принц взял и уехал. Неизвестно куда... Ну, уехал и уехал. Отработанный материал, казалось бы. Плюнуть и забыть. Так нет ведь. Видно, абсолютно необходимо миру поймать такое недоразумение, как я.

Мама через год закончила свой заочный институт и решила начать самостоятельную жизнь. Уехать, куда глаза глядят. Сестры стали невестами, тесновато

жили. И никуда мамины глаза не глядели. Пришлось ткнуть пальцем в карту Алтайского края, чтоб недалече от родни все-таки. Мимо края попала. В соседнюю область...

Самый дымный город нашей страны встретил ее утром и понес вместе с фанерным чемоданом по проспекту Metallургов...

Отца город вынес навстречу. Он еще на службу не опаздывал, одна из блондинок его рановато выпроводила.

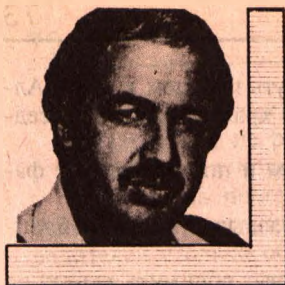
Так они, наконец, поженились. Понадеялись, что смогут сочинить сюжет со счастливым концом.

Так они, наконец, развелись. Запутались в происходящих действиях.

И вся любовь. И вся жизнь. Скупо?.. Я бы не сказала. Ведь были же: Зорька, Евдоха, Калиныч, был даже виадук.

А теперь есть я. И попутчика Бог послал. Но это уже другой рассказ будет. Ожидайте! Все лучшее во время ожидания и случается.

Электронная библиотека АКУНЬ, elib.altlib.ru

Сергей КЛЮШНИКОВ

Сергей Евгеньевич Ключников родился в 1955 году, был рабочим на предприятиях г. Барнаула и Новоалтайска. Ходил в море на рыболовецком сейнере. Автор поэтических книг "Противоречия", "Противоречия - во всем".

Член Союза писателей России.

***

Я спрошу - и умру,
Ты ответишь - воскресну.
Все - от ночи к утру,
Из молчания - в песню.
Но однажды слова
Нас попросят к ответу.
Ты - безумно права,
Мне - прощения нету.
Что ж, пора замолчать,
Воскресать - надоело.
И смешно выручать
Обреченное тело.

***

Признаю и признаюсь
В том, что признаю
Растревоженную Русь
Бездны на краю.
Мрачной бездны! Потому
Веселеет кровь.
И глядит в ночную тьму
Черная любовь.

***

Никаких таких прогнозов
В мире не было и нет.
Есть анкеты без вопросов.
Есть вопросы без анкет.
И пока не возмущенный
Разум дурью не кипит,
Мир, проклятьем заклеенный,
В обе дырочки сопит.

***

Подумаешь, важное дело -
Угадывать все наперед.
Сегодня - прищур без прицела,
А завтра - навскидку и влет.
Подумаешь, выгнулись рельсы
В пути к непокорной тебе
За все мои прежние рейсы
В моей беспризорной судьбе.

***

Печаль моя светла -
не выдумать светлей.
Люблю тебя светло -
не выдумать и это.
Причудливая тень раскрытых
тополой
Не вырвется за круг
безоблачного света.
Люблю тебя светло...
Печаль моя светла...
И сызнава любовь поверена
печалью.
И сызнава печаль порушила дела,
Пришедшие ко мне с распахнутою
далью.

***

И хочется, и колется.
Ну чем не диалектика?
Вся хоча поисколота.
И старятся года.

От нашего приветика до вашего
 приветика
 Все споры бьет напраслина.
 Такая лабуда!
 А вправду ли, а верно ли свободой
 дышит вольница?
 И хочется, и колется поверить.
 А кругом
 Бездарным дням даруется кромешная
 бессонница,
 И кто-то бродит около с веселым
 топором.
 И все опять по-старому:
 навывкат очи черные,
 Крапленая сторонюшка,
 бубновые места,
 Трехпалый свист без удали
 да песни наши вздорные,
 Да сидень карачаевский
 при возрасте Христа.

***

Давно вошло в привычку улыбаться
 За все обиды злые наперед.
 Но все больнее в близких ошибаться.
 Но все страшнее в близких
 ошибаться,
 Когда они - уже наперечет.

***

Запретная зона, запретная тема,
 запретное слово.
 Запретные губы - и смысла
 в признаниях нет.
 Все блажь, суета. И уже опровергнуть
 готово
 Течение дней золотое свечение лет.
 Я все разрешаю в решительной
 поздней отваге,
 Когда откровенье любых умолчаний
 страшной.
 Ни крика, ни вздоха нельзя
 не доверить бумаге,
 Чтоб сразу - забыть. И уйти.
 По течению дней.

***

Если сбудется, что ж... Аминь!
 Всем желаньям - вечно люб.
 Опрокинь меня, злая синь,
 Приголубь меня, злая глубь.
 От тоски - раззудись, плечо!
 Сплюнуть надо бы - нет слюны.
 И словам моим горячо
 На разломах больной страны.
 ... Небо выжжено синевой.
 Но сойдет она вся на нет.
 И хрипит за моей спиной
 Бестолковщина красных лет.

***

Нет подробностей. Не надо
 Их выдумывать, пока
 Обещанье листопада
 К нам идет издалека.
 Нет подробностей. Разлука -
 Без подробностей. И в ней
 Неистраченная мука
 Отражается сильней.
 Нет подробностей. А встреча -
 Вне подробностей. Она -
 Новых горестей предтеча,
 Новой горечи полна.

***

Слова - красивые, нарядные,
 Тоска - безверию сродни.
 Листаю ночи непроглядные
 И перелистываю дни.
 Ах, сколько памятью упущено!
 И мы, юродивым под стать,
 Все перечитываем Пушкина,
 А надо заново читать.

***

Хочешь правды? Изволь.
 Приговоры все строже и строже.
 Время - в тучах, которым не завтра ли
 плакать навзрыд?
 Оправдай меня, боль.
 Перед Богом - не надо. И все же
 Оправдай меня, боль, перед теми, кто
 Богом забыт.

***

Переусердствовал Господь,
 Перемудрил. Такая жалость!
 И только малая щепоть
 От божьей милости осталась.
 Ну что же, воздано сполна
 И чаша выпита до дна!
 Переусердствовали мы.
 Молитвы, полные кощунства,
 Смутили грешные умы
 И привели на грань безумства.

***

Если нож - у ножа острое.
 А по лезвию бритвы пройтись -
 удовольствие, что ты!
 Отхрипело мое воронье,
 Поднялось и ушло в круговые полеты.
 Верный признак - пора оживать
 И усталые дни озадачить прекрасною
 целью.
 Скрытен август сегодня.
 Но мне ли скрывать
 Болевую тоску, горевую тоску
 по веселью?

* * *

Подарите мне волчий билет
До ближайшего логова - чтобы
Зарывался голодный рассвет
В тишину обнаженной чащобы.
Сколько осень листья намела!
Сколько в поле загублено хлеба!
И последняя струйка тепла
Поднялась в онемевшее небо.

* * *

Да, конечно, дым не в дым,
Если песня искричалась.
За прикормленной судьбой
Мир - заведомо ничей.
Время было сволочным,
Сволочным оно осталось,
Потому что мы с тобой
Не ушли из сволочей.

* * *

С разворотом, по-волчьи, всей грудью,
А не просто мотнув головой,
Оглянуться. И - вдаль по безлюдью.
И - прости, что остался живой.
И - прощай. И последнего воя,
Как прикормленной песни, не жди.
И спаси нас, Господь, от конвоя,
И оставь все, как есть, впереди.

* * *

Нет поэтических времен,
Есть отвращение к бумаге.
И трусость явлена в отваге,
И мир сомнением спасен.
Нет перевернутых страниц,
Есть непрочитанные книги.
И отчужденность в каждом миге -
Без берегов и без границ.

И нет поклонников. Во всем
Дух отрицания витает,
И снисхождения не знает.
И вечно так. И поделом.

* * *

Наше время такое: взхлеб тишина,
Даже если повсюду гуляет война.
Как смешна эта пуля, летящая в лоб!
Тишина, в тишине, тишиною -
взахлеб.

Слышишь, век умирает? Дурная пора.
И на первый-второй рассчитаться

пора,
Даже если нет первых,
а также вторых,
И проставлены точки в обход запятых.
На земле и на небе -
тоски через край.

Сплошняком облака, если можешь -
витай.

Но витающих нет. Да и мыслящих нет,
Ни иначе, ни просто -

по древности лет.
Все не так. А смиренье -
всевышняя чушь.

Я себе в этом мире
по-прежнему чужд.

Но прощальные дни на помине легки -
И разденут меня до последней
строки.

* * *

А впереди осталось мало дней.
И мне уже не страшно просыпаться
Затем, чтоб самому себе признаться:
"А впереди осталось мало дней."
Все страхи опрокинуты. Верней,
Все страхи отодвинуты. И снова
Живет неподражаемое слово.
Но впереди осталось мало дней.

Сергей ШИЛОВ

БЕЛЫЙ

Рассказ

Белый - еще щенок. Он бежит за Найдой берегом озера. Она, несмотря на хромоту, быстро трусит впереди, а Белый, как ни старается, отстает. Пасть его жадно хватает воздух, лапы больно бьются об острую гальку. И вдруг откуда-то сбоку прямо на Белого, роняя слюну, с угрожающим рыком несется широкими скачками огромный серый пес. Белого охватывает ужас. Найды почему-то не видно, а пес все ближе и ближе: Белый уже слышит его хриплое дыхание. Он припадает к земле, виляет хвостом, хотя и не надеется на милость, закрывает глаза, визжит и... просыпается, подрагивая от возбуждения.

На востоке бледнеет небо, ветер с озера, в котором чуткий собачий нос улавливает запахи соли и рыбы, медленно задувает звезды.

Белый - большой лохматый пес - поднялся со снега, подошел к неподвижно лежащей Найде, в который раз обнюхал ее и в который раз болезненно вздрогнул, попятился назад. Нет, ему не было страшно; чувство, владевшее им в течение двух недель, что он провел возле убитой кем-то подруги, нельзя было назвать страхом. Это была какая-то тревога, какое-то смутное беспокойство. В первый день, пока сука еще не остыла, Белый тыкался мордой ей в бок, зализывал рану, нетерпеливо повизгивал, привставая на задние лапы, словно хотел сказать: "Ну что же ты? Ну довольно, вставай!" Потом он терпеливо ждал до вечера, а когда солнце закатилось за озеро, завыл...

Белый выл каждый вечер с наступлением сумерек. Он садился, закидывал крупную голову к темнеющему небу и исторгал надсадный прерывистый вой. Он выл до полуночи, изредка скашивая глаз на темнеющее в снегу тело Найды. Потом подходил к убитой суке, обнюхивал ее, пятился и ложился поодаль.

Первые дни Белый хотел есть. Он даже несколько раз собирался пойти в поселок, но, отойдя немного, снова возвращался к подруге: что-то удерживало его. Потом чувство голода притупилось, настолько, что когда какая-то девочка принесла ему пищу, он проглотил только маленький кусочек, а от остального отвернулся.

Девочка звала Белого с собой.

- Белый, пойдем домой, - уговаривала она. - Пойдем! Она уже не встанет, понимаешь?.. Пойдем, Белый!

Девочка отходила, оглядываясь и похлопывая себя ладонью по ноге, но Белый, благодарно виляя хвостом, оставался на месте. Девочка возвращалась, гладила собаку, снова отходила и звала:

- Домой, Белый! Домой!

Белый не знал слова "домой", у него никогда не было дома. Его домом было это побережье. Здесь он родился, вырос, встретил Найду. Поселок был для Белого только местом кормежки, и сейчас он не хотел уходить туда от Найды.

И девочка уходила одна.

Каждые утро и вечер метрах в пятидесяти от белого проходил парень; скоро он стал давать крюк, чтобы поговорить с собакой. Он разворачивал газету с обедками и принимался уговаривать пса.

- Ну что же ты, брат? - вздыхал он. - Что ж теперь поделаешь? Все равно надо... Надо жить, Белый.

Белый, виляя хвостом, благодарил парня, тот уходил, а он оставался лежать.

Однажды парень пришел днем. Он вез за собой санки.

- Вот что, Белый, - сказал он, - надо закопать твою пассию. Иначе ты с тоски сдохнешь.

Белый ничего не понял из сказанного парнем, однако поприветствовал его. Но стоило человеку притронуться к Найде, как Белый с грозным рычанием бросился к нему. И парень понял предупреждение собаки - выпрямился, опустил руки и, глядя на оскалившегося пса, сказал:

- Извини... Прости, брат... Вишь ты как! Не знал...

И Белый, успокоенный его тоном, тоже извинился - помахал хвостом.

И все пошло по-прежнему: Белый охранял Найду, каждый день его навещали девочка и парень, и каждый вечер Белый, не в силах превозмочь тоски и тревоги, выл.

На третьей неделе, поздно вечером, Белый увидел, что со стороны поселка к нему приближается незнакомый человек. Он шел, сжимая в руках какой-то длинный предмет. Человек подходил все ближе и ближе, и Белый чутьем, прищипывая только животным, почувствовал в нем врага. Пес приготовился к схватке: его ослабшее тело напряглось, подушечки задних лап примяли ноздреватый весенний снег. Человек подошел совсем близко, вскинул ружье, и в тот же миг ярость, ворочавшаяся в Белом, нашла выход в стремительном броске навстречу выстрелу.

Белый захлебнулся огнем, вспышка ослепила его, оглушила, больно ударила в морду, в грудь. Он упал на бок, жадно хватая пастью морозный воздух. Белому хотелось лизнуть холодный снег, но кровь заливала горло все сильнее и сильнее, и Белый глотал ее, пытаясь поднять голову.

Белый ничего не видел - раскаленная темнота жгла глазницы, и он принюхивался, чтобы учуять врага. Но все вокруг пахло одним резким неприятным запахом - Белый не мог уловить никакого другого. Сквозь звон в ушах пес услышал скрип снега под ногами врага, поднял голову, попытался встать и почувствовал, как в ухо ему ткнулось что-то тяжелое...

Гром! Весенний гром, и Найда, живая, бежит к нему, помахивая хвостом и разбрызгивая лужи...

Геннадий ЖИРОВ

НЕ ХОЧУ МЕЛЬЧАТЬ!

Рассказ

- Ой-е-ей!... Какая ты худущая стала... Прямо вся светишься... Тебя и фосфором мазать не надо. И так тобой по ночам ребятишек пугать можно. Че отошала-то? Ты же, помню, красавицей была. Мужик заездил? Или мужики? Ах, ты не замужем?! Уже не замужем? Или опять не замужем? Вообще не замужем?! Но ты даешь! Ничего. Выйдешь. У меня одна знакомая... так та... Не поверишь? Вот если ее фотографию повесить на собачью будку - любой кобель в ту же ночь цепь перегрызет и убежит. Все егозила, что ей по интеллекту ниже Гарри Каспарова никого на дух не надо. Выскочила. Вместо Гарри за Гаврю. Щеки у этого Гаври из-за ушей видать, нос как будто поскользнулся и шмякнулся точно между

ними в лепешку. И переносица в мозжечок влипла. Все хвасталась, что он у нее летчик. Видела я как-то. Точно. Ледчик. Лед на тротуарах долбит. Настоящие летчики говорят: "От винта." А от этого только и слышала: "От мента". А я своего первенького мужа, своего первенца, прямо с поезда сняла. Тепленького. Он в отпуск собирался ехать. Куда-то на юг. Не доехал, сердешный. А че? Там, на юге, не нашлась бы такая, которая помогла бы ему пропасть? А у меня-то он как раз и не пропал. Целых полгода прожили с ним душа в душу. Он мне ужин приготовит, я ему массаж под бровями сделаю. Только машину покупать собрались - ушел. В грозу. Мне жалко стало. Кинула ему зонтиком в спину. Не попала. Жалко. Но все мне оставил. Нет. Тросточку взял. Должно быть, как память о моем легком характере. А второй был у меня привереда. Ох и привереда... Чтобы ему борщи там или рассольники - ни-ни. Все подавай лангеты да люля-ке-бабы. А из чего я ему приготовлю эти самые "бабы", которые "люля-ке?", если ему все его получки не долларами, а "далярами" отоваривали? Из картины Шишкина "Медведи"? Так у меня уже лет пять, как на них вешалка прибита. Но я всегда тонко подходила. Как только он появляется, говорю: "На первое у меня только бухенвальдская похлебка, а на второе ничего нету. Хоть сама ложись". А он - мне: "Первого не надо, два вторых". Но при этом муже я хоть в круиз съездила. Правда, одна. Но у меня и без мужа багажа много было. Возвращаюсь домой - нету. И че не жилось кикиморе? И еще записку оставил: "Показательный дурдом - это хорошо, но не для каждого дурака". Но жалко, что я его не застала! Я бы ему ответ на его лбу клинописью вытесала! Чтобы каждый видел, но не знал, кто он такой есть. Только догадывался. А третий муж у меня первым и вторым блюдам предпочитал третьи. И все, чтобы с градусами были. Даже кисель. Того я сама спроварила. Только не на юг, а на север. Там эти градусы бесплатно хоть ложкой хлебай. Ну-у-у, со мной мужики вообще смиренно держались. Знали, что связываться с такой женщиной, как я, все равно, что попытаться подоить кошку. Правда, один мне отважился заявить: "Вас, - говорит, - мадам, нужно в концлагерь отправить. Где КОНС - от слова "конский". Что? Спрашиваешь, сколько раз я вообще выходила? Восемь раз. Нет. Шесть. Двое - не в счет. Нет. Если брать то, что не в счет, то десять. Помню, в седьмой раз в ЗАГСе мне в паспорте брачный штамп поставили на место прописки. "Извините, - говорят, - но у Вас так много штампов и там, и там, что немудрено и заблудиться." "Ничего, - говорю, - я все равно скоро "выписываться" буду. Тогда не заблудитесь". У меня даже один корреспондент интервью брал. "Ваша цель, - говорит, - попасть в Книгу рекордов Гиннеса?" "Насчет книги, говорю, - не знаю. А к самому Гиннесу, пожалуй, не против, но смотря что у него есть". Ой-ой! Да какие теперь нравы! Иной раз смотришь, как какая-нибудь соплуха выкобеливается, и не можешь понять, то ли она еще не девушка, то ли уже не девушка? А для меня верность мужу всегда была первой заповедью. Не то, что одна моя знакомая. Та всего год прожила со своим, и за это время, если бы продавала все то, на чем ему изменяла, у нее бы один абажур остался. Раз как-то муж ее засек. "Становись на колени, - говорит". А она стоять-то на коленях не умеет. Только сидеть на них привыкла. Спрашивает: "На чьи колени становиться?" О, как! А я что ж. Ну выхожу. Так мужики к таким-то как раз и липнут. Это им опасно многоженство. А ты видела хоть одну бабу, осужденную за многозамужество? То-то! И я буду выходить столько раз, сколько успею. Не хочу мельчать! На мою жизнь мужиков хватит. Посмотрим, кто - кого. А в любви-то мне объяснялись бессчетно раз. Помню, один южанин... забыла национальность... по-моему, смесь грузина с секретаршей, так он мне однажды говорит: "У тебя глазки, как две вишенки. Выходи за меня замуж, я из тебя компот сделаю". А ты че в девках засиделась? Принца ждешь? Забудь! Нынешних принцев нужно искать на выставке собак и определять по ошейнику. Лет-то тебе сколь? Ой! Да мы с тобой одноклассники! Почти! Подумаешь, какая разница: тебе - двадцать четыре, мне - наоборот. Так ты потому так дошла, что все фигуры добивалась? Но ты что? Забыла о чем говорит старая пословица: "мужики - не собаки, на кости не бросаются". Ну-ка повернись кругом. Только медленно. Да нет. Вроде есть еще за что зацепиться. Ничего. Выйдешь. Только помни! Для женщины главное - это чулки и прическа! А про всякий там ум забудь! Что? Хочешь сказать, что ты не дура? А кто ж ты такая есть-то, если в сорок два го... ой, извини, в двадцать четыре года замуж не можешь выйти?"

Инна АНАТОЛЬЕВА

ПОЧЕМУ ОКНО ПЕРЕСТАЛО ЗАКРЫВАТЬСЯ

Современная сказка

В одной старой, старой маленькой квартирке с трудом стало закрываться окошко.

- "Заменить бы окно", - подумала хозяйка-старушка, вздохнула грустно и стала копить деньги. Она не знала, о чем думало окно. А оно обиделось.

Да, да и окна умеют обижаться, только никто об этом не догадывается.

Обиделось окно на телевизор. И знаешь почему?

Оно помнило то время, когда вместо телевизора люди сидели возле него долгими вечерами. Зимой смотрели, как падает снег, любовались блеском ледяных цветов, а под вой пурги рассказывали о чертях, что танцуют внутри снежного смерча, и боязливо ежились. Летом разглядывали зеленые веточки деревьев, слушали пенье птиц и тихо беседовали. Было хорошо и уютно. Окно слушало беседы и счастливо улыбалось.

Видишь, оказывается, оно умело быть счастливым. Но однажды в квартирке появился телевизор.

Окно очень удивилось:

- "Зачем понадобилась людям вторая избушка", - подумало оно. - "Интересно, кто там живет."

И как огорчилось оно, когда люди стали целыми вечерами сидеть перед этой избушкой. А там суетились какие-то незнакомцы, размахивали руками, пели, а иногда дрались, плакали и умирали. Скучно стало окну и одиноко. Попыталось оно подружиться с телевизором, но тот или молчал, когда никого не было, или говорил громко, когда этого хотели люди.

- "Гордец, - возмушалось окно, - привык, что все внимание ему, даже какой-то рогатулиной обзавелся - говорит, что это антенна и без нее жить не может. Себя называет тоже странно - телевизор, и окно у него, видите ли, не что иное, как экран. Я тоже показываю людям небо, звезды, птиц и деревья, но не требую никакой антенны и не называю себя экраном".

И вот наступили времена, когда экран с удовольствием стал показывать рекламу. Он заставлял бегать маленькие букочки, и люди садились возле него с бумагой и авторучкой.

Окно научилось узнавать буквы и теперь знало даже, где его могут отремонтировать. Но от этого ему не стало веселей. Оно поняло, что люди могут в любое время заменить его другим, помоложе и поновее.

- "Куда же я тогда денусь?" - со страхом думало оно. И теперь стало плохо спать по ночам. Однажды окно загляделось на луч луны и вдруг увидело, что тот пишет на стекле слова. Это была лунная реклама. Луч писал:

- "Вы прекрасно отдохнете всей семьей на луноходе. Самый красивый пейзаж - на поверхности луны. И тут же предлагал обращаться в небесную фирму "Белая звезда" для обмена звездного и лунного света на солнечный, чтобы ночью на земле стало светло и жарко.

Окно загрустило, потому что любило лунный свет по ночам и не хотело никаких перемен.

С радостью встретило оно утро и не сказала солнцу о лунной рекламе. Каково же было его удивление, когда солнечный зайчик написал на стекле:

- "Куплю пятновыводитель для солнца".

- "Это уж слишком", - разволновалось окно и в тревоге стало ждать прихода следующей ночи.

Луч луны теперь написал, что всем чертям и домовым надо в короткий срок уплатить налог за проживание среди людей в небесную бухгалтерию.

- "Еще чего не хватало!" - ужаснулось окно и покрылось холодными каплями.

- "А все телевизор виноват, это он сделал из меня доску объявлений" - подумало оно и так разобиделось, что заплакало. Подоконник стал мокрым.

Утром старушка-хозяйка открыла окно, вытерла его, но не догадалась, что стирает оконные слезы и, конечно, ей даже в голову не пришло сказать старому окну добрые слова утешения. От жалости к самому себе оно так разбухло, что старушка не смогла его закрыть.

Вскоре пришли мастера из фирмы, адрес которой подсказал телевизор, и заменили окно.

Новое окно не стало ужасаться лунным и солнечным рекламам, спало спокойно и даже не думало, что на телевизор можно обидеться до слез. Если бы ему рассказали про обиды своего предка, то оно бы очень удивилось, а может быть, и посмеялось.

Людмила КОЗЛОВА

Людмилу Козлову не надо представлять подробно. Ее глубокие по сути стихи не раз появлялись в журнале "Алтай". А недавно она попробовала писать прозу. И ее эссе "В Бухенвальде" было тотчас замечено и отмечено читателями.

И вот снова стихи. Такова, видать, атмосфера в Бийске, где живет поэтесса.

***

Кто движет нами?
Кто?
Христос безликий?
Земные соки, небо,
Крик зари?
Кто дал нам Дух Свободы
огнеликий,
что разъедает разум изнутри?
О, как безумен
всяк в миру живущий,
как Демон
с черным пламенем в Душе!
Он весь из Тьмы,
рожденной в райских кущах,
он - грех и мрак,
и этим свят уже.

***

В лесу,
в окружении сосен,
в березовом злате листы
веселая, ясная осень.
И мне не сносить головы -
зашепчет, закружит, завьюжит,
засыплет цветной листопад.
И небо бездонное в лужах -
пространство, ведущее в Ад,
зовет и манит оступиться
И падать сквозь лиственный дым
туда,
где знакомые лица,
успевшие с нами проститься,
кивают с распятий живым.

***

За серой вязью снегопада
на том, пустынном берегу,
тальник - для глаз моих отрада,
и кроме
ничего не надо -
река, тальник и день в снегу.

Сыпучий снег, его мельканье
сродни обману ворожбы.
Вот так стоять,
смотреть веками
и ждать прозрения Судьбы.
И за единое мгновенье
постичь предписанный удел,
заметив, как прозрачной тенью
над миром Ангел пролетел.

***

В сосновом храме легкий Дух
в ветвях колючих обитает,
и тишина стоит святая,
и уголь заката не потух.
Но так горяч закатный жар,
что сердце вытерпеть
не может.

Багряный блик на хвойном
ложе
с бесовским умыслом положен -
я принимаю этот дар.
Пускай он ждет
и жизни просит -
отдать ее за годом год.
В сосновом лабиринте просек
мой Минотавр ко мне идет.

***

В белом гипнозе февральского
снега,
в белом...
гибнуть как трудно
душою и телом -
в белом...
В белом пространстве
мой сын совершенно один -
и темно...
Боже!
Спаси его - мне не дано!

***

Там - за ярким, высоким, синим,
за серебряным хладом зимним
есть хрустальное небо дальше,
где летают тела астральные.
А за ним - золотое третье,
где мы всех,
кого любим,
встретим.
Навсегда будем вместе с ними
за серебряным хладом зимним...

***

Забудь, где ты,
Забудь когда,
Забудь об имени своем.
Нигде горит твоя звезда.
Нигде стоит твой дом.
И чье-то имя - звук пустой -
терзает ветер золотой.
И чье-то сердце словно мяч
пинает весело палач.
Вверх ногами, головою вниз -
это я взлетела на карниз.
Так велел мне мудрый Илия.
Точка на карнизе - это я.

***

Я сегодня верую в Христа,
ну а завтра к Дьяволу пойду.
Встретит Бог меня в своем саду.
Будет речь его светлей креста.
Лишь царапнет
маленький изъян -
ангелы с глазами обезьян.
Скажет Бог:
- Несчастных возлюбя,
я прощаю, грешная, тебя!
Слушая внимательно его,
мне не скажет Дьявол ничего.

***

Полночь.
Полнолуние.
Тишина.
Лишь бачок бормочет в туалете.
Да еще вода
в подземном Лете,
дама Пик на розовом валете
и собака нервная одна.
Вой собаки намертво,
однако,
клеит к небу
толстая луна.

***

В тяжелой зелени берез,
в предгрозовом жару,
езде, где нет
ни роз, ни слез -
езде я не умру.

И если важен и красив
как злой египетский хедив
за мной Господь придет,
я не умру,
ты не умрешь,
он тоже не умрет.

ВОСПОМИНАНИЯ О ДЕТСТВЕ

Самум рукоперый,
ковер-самолет,
сосновый крутой сандарак,
охотник,
стреляющий с вызовом влет,
с клешнею взбесившейся рак -
прекрасная, в общем-то, публика -
вся родом из дырки от бублика.
Я с ними знакома была,
по отчеству часто звала.
Не сделав на этом карьеры,
ушла навсегда в пионеры.

***

Абсурд благословенный
безумных кратких дней,
где хлещет кровь из вены,
и смерть обыкновенна,
и мысли нет о ней.
Абсурдное абсурдно,
но что есть красота -
огонь, горящий в урне,
иль танец живота?

***

Жемчужный наст от солнца
розов,
и много обещает март,
гримасы затрапезной прозы
сотрет его веселый фарт.
И вдруг прекрасными
и странными
прорвутся души из оков -
подснежниками и тюльпанами
среди расплавленных снегов.
Но жизнь,
как женщина-гюрза,
от раздраженья этой новью
ужалит в сердце и в глаза
и захлебнется свежей кровью.

***

Скатаю черный шар желаний -
свинцовый сгусток Зла.
Лети в кошмар воспоминаний,
туда, где жизнь моя была.
Лети весною и зимой
крученой пулей разрывной.
Все разнеси! Там все - грехи.
Оставь мне сына и стихи!

Георгий РЯБЧЕНКО

Георгий Сергеевич Рябченко, инженер по образованию, писатель по призванию. Работая в НПО "Алтай", он написал и издал несколько поэтических сборников, опубликовал повесть, которую сам называет хроникой своего поколения.

Член Союза писателей России.

Живет в Бийске.

ШКОЛА БЕЗ КАНИКУЛ

Повесть

"БЕЛЯЛЯКИНА ФОМИНА"

Елочные игрушки меня научила делать мама. Я оказался настолько способным, что уже через неделю клоуны из яичной скорлупы и цветной бумаги у меня получались куда смешливее, чем у нее. Мама не вытерпела и захватила одного в школу. И тут моей спокойной жизни пришел конец. Ко мне - через маму, конечно, - буквально посыпались заказы: учительский коллектив был не мал, у каждой из учительниц были дети, и каждая хотела хоть как-то украсить елку.

Я не отказывался. Но уже на третий день прыть моя поутохла: был использован весь запас яиц, хранившийся в крынке. Мешанина из белков и желтков, заполнившая до отказа большую миску, привела маму в явное замешательство.

- Сама ж говорила, что отказывать неудобно, - в ответ на ее ахи насутился я.

- Сама, - вздохнула мама. - А выход есть! Будешь мастерить из материала заказчиков. Скорлупа пойдет на игрушку, а содержимое яйца - на "гоголь-моголь". Ну, как?!

О, "гоголь-моголь" я любил!

На следующий день мама вынула из сумки, где носила тетради, сразу три яйца:

- Это надо срочно выполнить! Я обещала.

Закруглившись с уроками, я с энтузиазмом принялся за дело: три яйца - это почти стакан "гоголя-моголя". Даже если пожертвовать половину младшему братишке, и то полакомиться будет чем.

Перво-наперво я вымыл и насухо вытер каждое яйцо. Потом осторожно проколол их цыганской иглой с тупого и острого конца и только после этого выдул содержимое в стакан.

Разрисовывать морду клоуна красками я позволял себе только после карандашного эскиза. Я рисовал смеющийся рот второму клоуну, когда меня осенило: третий клоун стал плачущим. Голубоватая капля - слезинка на щеке - великолепно завершила композицию.

Я показал клоунов маме, она улыбнулась и сказала:

- Плаксу положи в середину, когда будешь показывать их Бэлле.

- Кому? - не понял я.

- Бэлле Фоминой. Сегодня идём к ней на день рождения.

Тамару Петровну Фомину, нашу географичку, я, конечно, знал, а вот с ее Бэллой знаком не был. Слышал от мамы, что Бэлла - единственная у своей мамочки.

- Девочка она умная, спокойная, - информировала меня по дороге мама. - Стихи очень любит. Игрушки. Твои клоуны ей очень понравятся, вот увидишь.

Действительно, клоуны мои Бэлле понравились, а Бэлла мне - нет. Ей было всего девять лет. Худенькая, вся закапанная веснушками, она была тихой, как мышка. Только глаза, большущие, синие, смотрели на меня с удивительной серьезностью.

- Познакомьтесь, - сказала мой педагог.

- Непременно! - заулыбалась Тамара Петровна.

- Егор, - представился я, почему-то смущаясь.

- Беляякина Фомина, - сказала Бэлла и с хитрецей зыркнула на меня. Видя, что я не собираюсь просить уточнений, повторила певуче и четко:

- Бэлла Яковлевна Фомина. Когда я была совсем маленькой, то говорила "Беляякина". Это нравилось маме.

- Мне больше нравится то, как сейчас говоришь, - погладила ее по жгуче-черным волосам географичка.

Бэлла, улыбаясь, поглядела на мать и молча погрозила пальчиком. Тамара Петровна поймала пальчик, поцеловала его и сказала главное:

- Прощу к столу.

А на столе нас ожидали котлеты с гречневой кашей, ватрушки со сметаной и сладкий вкуснящий кисель. Что кисель сладкий да вкуснящий, я понял по первому же глотку. Поэтому, забыв всякие приличия, я выпил за праздничным ужином целых три стакана!

Бэлла хлопала от радости в ладошки, будто это она, а не я, выпила эти три стакана. Правда, один она кое-как осилила, за что была награждена поцелуем мамы.

Налопавшись до отвала, я вдруг поймал себя на том, что начинаю злиться и злиться именно из-за того, что наелся досыта такого всего вкусного и неизвестно откуда у обычной сельской училки взявшегося. Особенно меня потряс настоящий московский шоколад, которым нас угостила Тамара Петровна.

- Бэллочка, детка, - раскрасневшись после рюмки-второй чего-то крепкого из красивой бутылки, сказала мой педагог, - покажи Егорушке игрушки.

- Елочные?

- Да-да. Свой заветный шарик. - Моя мама знала много, даже о каком-то шарике.

Бэлла юркнула под застеленную белым кружевным покрывалом кровать и вытащила большую коробку.

- Идите к диванчику, - опасаясь, наверное, за белизну покрывала, сказала Тамара Петровна.

Мы уселись по краям дивана, и Бэлла принялась выкладывать из коробки свои богатства. Такие игрушки я видел на картинке в "Мурзилке", где была нарисована елка в Кремле. Особенно меня поразил шарик со звездами по бокам. Шарик отливал серебром, а звезды были алыми-преальными, как кровь на снегу. Я, как зачарованный, глядел на него. Лучше бы я этого шарика никогда не видел...

- Правда, красивый?! - шепотом спросила Бэлла.

Я не смог выдавить из себя ни звука - только молча кивнул. Когда мне на глаза попала стеклянная луковица, я, чтобы отвлечься от обворожившего меня шарика, взял луковицу и сказал Бэлле:

- Знаешь, когда будете наряжать елку, то клоуна-плаксу повесь рядом с луком.

- Будет отчего плакать! - захлопала опять в ладоши Бэлла.

- А вы ничего живете: шоколад, игрушки путевые. В голосе моем не было зависти, - прорвалась та самая злость.

- Это, - погрустнела Бэлла, - папочка мой старается.
- Торгаш?
- Капперранг.
- Кто?!
- Капитан первого ранга, - пояснила Бэлла. - В генеральном штабе в Москве служит.
- А ты... а вы почему здесь?
- У него там - другая семья.
- А посылки вам?
- Посылки - нам.
- Здорово получается, - никак не доходило до меня, - семья - там, посылки - вам.
- Совсем не здорово, - тихо сказала Бэлла, и я увидел, что она готова заплакать.
- Ты, что - из-за меня?
- Нисколечко, - покачала головой Бэлла. - Из-за папули, что бросил нас.
- Не переживай. Я вот без отца совсем. А у тебя живой, не убитый.
- Лучше бы его убили, - вдруг сказала Бэлла.
- Не говори так. Сиротой, даже наполовину, жить трудно. По себе знаю.
- Да, вам не позавидуешь. Вас трое у Мили Михалны. Мама говорит, что доведись ей такое испытать, не выдержала бы.
- Выдержала бы, - заверил я. - Наши мамы в войну все выдержали. Теперь легче.
- Не всем, - вздохнула Бэлла, - и, если ты не против, то я приглашаю тебя на Новый год.
- Я согласился и в свою очередь предложил ей нарядить елку. Конечно, с нею вместе.
- Мама! - обернулась она к Тамаре Петровне, - Егор обещает украсить мою елку. И клоунов своих принесет.
- Рада за тебя, - посмотрев на дочь, ласково сказала Тамара Петровна. - Это - первый нормальный контакт, - понизив голос, сообщила она моей маме.
- Слава богу! - откликнулась та.

СТЕНГАЗЕТА

Ираида Львовна никаких возражений не принимала. А когда я ей заявил, что Мишка Поздняков - мой "кореш", она пришла в ужас.

- Где ты нахватался благных словечек?!
- Это морское слово, а не блатное, - не согласился я.
- К морю оно имеет такое же отношение, как я к Большому театру, - не уступала классная.
- Ну и пусть! Друг он мне, понимаете?
- "Друг"! Друзей надо с умом выбирать. У Позднякова ты только и почерпнешь словечки вроде "кореша" или еще похлеще.
- Ну и пусть, - уперся я. - Он хороший и друг и брат. Знаете, как Мишка о младшей сестренке заботится?! Он для нее - и мамка и нянька.
- Не преувеличивай, Рыжов. У них мать - заслуженный человек, Герой Социалистического Труда, три ордена имеет.
- Она пьет.
- Кто пьет?
- Мишкина мать. Геройша ваша.
- Во-первых, не моя, а государства нашего. Во-вторых, не "геройша", а героиня. - Голос классной набирал назидательную мощь. - В-третьих, о всяких слухах и домыслах никогда и никому, - даже мне! - говорить не следует.
- Какие ж это слухи, - я пожал плечами. - Я ее почти через день да каждый день пьяной вижу.
- Ираида крепко взяла меня за плечо:
- Рыжов! Запомни: об этом никому из ребят ни слова.
- Я же только Вам сказал.

- Спасибо. Твое отношение к Позднякову мне понятно. И все-таки карикатура с твоими стихами в стенгазете будет. Бу-дет!

Тон классной не принимал возражений. Ираида оставила меня одного наедине с рисунком Лельки Зыкиной, чтобы я "творил".

Умела Лелька рисовать: карикатура была настолько ехидной, что мне стало не по себе, когда представил, как завтра стенгазета появится на своем привычном месте, и вся школа будет рвать животики. Не узнать Мишку в саях, которые везли три жирные двойки, было невозможно: только у него были такие оттопыренные уши, только у него был такой нос "картошкой".

Нет, пусть что угодно Ираида со мной делает, но стихов моих под этим рисунком не будет!

- Ну, как, пиит, уже созрели строки? - классная вошла в сопровождении двух семиклассников, готовых тащить стенгазету на "лобное место", как называлось возвышение в углу школьного зала.

Увидав нетронутый моим карандашом лист, Ираида насмешливо сказала:

- Не морщи лоб, коль нужных мыслей нет! Придется вспомнить студенческие годы. Да, рисунок великолепен. На подобной "тройке" можно оказаться лишь в "стране дураков". Мысль заслуживает внимания, а, Рыжов? Облеки ее ну хотя бы в две строки. Докажи, что не зря в пиитах ходишь!

Ну уж, дудки! Ведь это с легкой руки Ираиды меня пацаны "пиитом" дразнят. Я даже карандаш на парту положил.

Классная взяла мой листок, мой карандаш и быстро что-то написала. Потом с довольной улыбкой подала мне:

- Перепиши! Под карикатурой будет звучать.

Я глянул на размашистые строчки:

"Если "тройка" из двоек,
то на ней, Поздняков,
попадешь непременно
в страну дураков".

- Страну дураков в кавычки надо взять, - пробубнил я.

- В кавычки? Нет, без кавычек и без заглавных букв, - упредила меня классная.

Я достал цветные карандаши, и как-то само собой получилось, что весь текст стал красным, и только три слова. "Поздняков" и "страну дураков" поглотил черный цвет.

- Удачно оттенил, - похвалила Ираида и скомандовала семиклассникам:

- Понесли, мальчики!

Стенгазету унесли. Я, довольный тем, что увильнул от неприятного сочинительства, двинул домой, не думая, что выбранные мною два цвета чуть не погубят нашу дружбу. По дороге я решил заглянуть к Мишке и рассказать ему обо всем, что было, но его дома не оказалось. Встретила меня тетка Ульяна, уже в подпитии, с жалобой на Мишку:

- Убег куда-то, ура, и Нюшку забра-а-ал...

Тетка Ульяна заплакала. Я понял, что ничего от нее не добьюсь, и отправился домой.

"И РАЗОШЛИСЬ, КАК В МОРЕ КОРАБЛИ"

А на следующий день, в школе, произошло "ЧеПе": кто-то сорвал стенгазету, унес ее, не оставив следов.

На стенгазету мне было наплевать, а вот на Мишку, которого Ираида за ухо увела к директору, нет. Собственно, началось все со стремительного появления классной в дверях и резкого вопроса:

- Поздняков, где стенгазета?

Все задвигались. Лелька Зыкина побледнела, будто ей лично нанесли оскорбление, и готова была заплакать. Мишка встал, набычился и молчал.

- Ты почему молчишь? - Ираида подошла к Мишкиной парте. - Обиделся на своих товарищей, которые тебе хотят добра? Объясни! Или ты думаешь, что мы все, весь класс будем терпеть твои двойки и твое хулиганское поведение?

Мишка молчал, вцепившись побелевшими пальцами в край парты.
 - Зыкина! - классная повернулась к вскочившей Лельке. - Как председатель Совета отряда ты обязана сегодня, сейчас же определиться, как поступить с таким горе-пионером.

Лелька затрясла-закивала головой. На лице ее появилась мстительная гримаса. Мишка искоса посмотрел на Зыкину и, когда Ираида повернулась к доске, взяла мел и написала "Персональное дело ...", подскочил к Лельке и дернул за тощую косицу, развязав бант. Зыкина вскрикнула от боли и разревелась. Классная все поняла, подошла к Мишке, вцепилась в его ухо и повела из класса.

Едва шаги Ираиды и Мишки затихли за поворотом коридора, я выскользнул из класса и поспешил к дверям директорского кабинета, чтобы самому знать, как будут развиваться события.

Дверь не была плотно прикрыта, и я слышал все. Сначала была обширная информация Ираиды обо всех смертных грехах Мишки Позднякова, а под занавес вопрос-утверждение: "Стоит ли тратить усилия педагогического коллектива на подобных учеников?!" Я не услышал ответа директора, так как мне срочно пришлось оставить дверь и смыться в зал: по коридору в сторону кабинета директора кто-то шел.

Очутившись в зале, я на всякий случай сделал несколько шагов к "лобному месту", где висели обычно всякие объявления, поднял глаза и обалдел: вдоль стены к двум крашенным охрой рейкам была прикреплена стенгазета, и все в ней было без изменений от передовицы "Новому году - все наши силы" до карикатуры с Ираидиными стихами.

В несколько прыжков я достиг двери директорского кабинета, распахнул ее и крикнул:

- Стенгазета висит!

Первой опомнилась классная:

- Что? Кто повесил?!

Я пожал плечами. Директор, ни слова не говоря, обошел классную и устремился в зал. За ним поспешила Ираида. Мы с Мишкой остались одни.

- Ты?! - спросил меня Мишка.

- Не-а.

По Мишкиному вопросу я понял, что Мишка тоже не при чем. Хотел было сказать, что стихи под карикатурой не мои, но тут вернулись директор с Ираидой.

- Марш в класс! - директор указал нам на выход.

- Подождите в коридоре, - добавила классная и захлопнула за нами дверь.

Ах, какая это была чудесная дверь! Она тоже не переносила резкого с собой обращения: стоило ею хлопнуть, как она обязательно отходила, давая возможность узнавать, что творится за ее тяжелым полотном.

- Ваша способность делать из мухи слона меня сначала удивляла, а теперь начинает раздражать, - директор говорил скрипуче и тягуче, а это случалось, когда он здорово на кого-нибудь сердился. - Если то, что произошло, станет достоянием Поздняковой и она придет с жалобой, я Вам не завидую.

- Никто не придет, Виктор Кузьмич, - тихо сказала классная.

- Вашу уверенность оставьте при себе! - почти крикнул директор. Подслушивать дальше мне расхотелось. Я боялся, что Ираида ляпнет о том, что тетка Ульяна пьет, и что узнала она об этом от меня, Егора Рыжова. Такого предательства Мишка мне никогда бы не простил.

- Идем, а то застукают нас, - потянул я за рукав Мишку, и он неохотно последовал за мной. Я повернул было направо, в наш коридор, но Мишка двинул в зал. Я поспешил за ним.

Поздняков увидел карикатуру, прочитал стихи под ней и повернулся ко мне:

- Ты писал?

- Он, кто же еще так сможет, - раздался за моею спиной голос классной.

- Неправда! Это не я писал! - я затравленно смотрел то на Мишку, то на Ираиду. - Миш, честное слово, не я.

- Нехорошо получается, Рыжов. Выходит, твоею рукою кто-то водил? - почти ласково спросила Ираида.

- Никто не водил. Я сам.

- Вот видишь, все и выяснилось. "Я сам". Золотые слова и вовремя сказаны.
 - Но стихи не мои. Мишка! Ираида Львовна их сочинила.
 - Предатель! - шевельнул ушами Мишка, а кулаки засунул в карманы штанов.
 - А я тебе верил. - Он медленно повернулся и, сгорбившись, пошел из зала.

- Вы... Вы!..
 - "И разошлись они, как в море корабли..." - произнесла Ираида и добавила: - Не психуй, Рыжов. Благодарить будешь.
 - Я Вас?!
 - Быстро в класс! Поздняков! Тебя это тоже касается. Пора заканчивать наш урок.

МУР И СОПАТКА

- Во-первых, - заявила, войдя в класс, Ираида Львовна, - мы должны, нет, просто обязаны выяснить, кто причастен к метаморфозе со стенгазетой.

Наша классная любила употреблять красивые слова. Она не могла без них, как тетка Ульяна без луковицы, когда опрокидывала стопарик.

- Лично у меня вызывает определенные подозрения не только позднее появление в классе одного из присутствующих, но и тот факт, что именно этот ученик "обнаружил" исчезнувшую стенгазету на ее привычном месте. Кстати, он же вчера не изъявлял особого желания выполнять свои общественные обязанности: я имею в виду выпуск стенгазеты.

Едва Ираида закончила свой монолог, как физии всех ребят повернулись в мою сторону.

Я вскочил:

- Я в школу вместе с мамой пришел - тетради ей помогал нести. А стенгазету не трогал! Она сама висела, когда я в зал заглянул.

- "Сама", - саркастически усмехнулась Ираида Львовна. - Тогда поясни, что тебе нужно было в актовом зале?!

Я растерялся. Сказать, что пошел следом за нею и Мишкой, чтоб подслушивать, я не мог.

- Твое молчание говорит не в твою пользу, Рыжов, - классная говорила с уверенной укоризной. - И потом, что это за попытки обвинить в своих грехах учителя?

- Я правду говорил...

- ...и одну только правду. В этом убедился сегодня Поздняков, да и я вместе с ним. - Ираида Львовна торжествующе оглядела класс, насупившегося Мишку, пришибленного несправедливостью меня и сказала:

- Учítывая, что стенгазета - на своем месте, сегодня - последний день занятий и впереди - зимние каникулы, официальных приказов по школе не будет. Но тебе, Рыжов, заявляю не конфиденциально, а при всем классе: если не сделаешь выводов, будет плохо.

- Каких выводов? - не удержался я.

- Правильных, вот каких!

- Я их уже сделал.

- Великолепно! Поделиться не желаешь?

- Не-а, я - не дурак.

- О, понятно, - Ираида слегка побледнела, - тогда я тоже сделаю выводы.

Она достала из сумки стопку табелей, нашла одну, как потом оказалось, мой и что-то исправила в нем, поставив свою подпись.

- Обязательно покажи маме. Она - педагог и поймет меня правильно. - С этими словами классная подала мне табель за вторую четверть, где только против "Поведения" в строку уперлась жирная четверка.

Мне так стало обидно, что слезы запросились сами, и они бы побежали по моим щекам, если бы в классе не прозвучало:

- Не трогайте Егора.. Это я газету прятал.

- Неправда! - Ираида даже ладонью по столу жажнула. - Как ты, Поздняков, находясь в кабинете директора, мог повесить стенгазету в зале?

- Не я вешал. Это "кореша" мои сделали.

- Не выдумывай каких-то мифических "корешей." Тебе всего тринадцать.

- Не в годах дело.

- А в чем же?
- В преданности.
- Чему? Кому?!
- Клятве, - сказал Мишка и добавил: - на крови.
- Нет, я не вынесу этого! - классная прижала ладони к пылающим щекам. - Клятва да еще на крови! И где: в советской школе! И от кого узнаем: от сына заслуженного человека!
- Мать сюда не приплетайте! - Мишка начал бледнеть.
- Ну, вот что, голубчики, "кореша" милые, идемте к директору, вызовем родителей и тогда...

В это время двери класса распахнулись, и на пороге появился Семиглазов со вчерашними семиклассниками.

По нашим лицам он все понял и сказал:

- Вот невольные виновники пропажи и появления стенгазеты: утром обнаружили ошибку, сняли газету, в пионерской комнате исправили и повесили газету вновь.

Лицо классной вытянулось:

- После поступивших признаний мне все ясно. Я должна Вам официально заявить, что у нас в школе существует нелегальная организация!

Директор вздрогнул и протестующе выставил ладонь:

- Не надо! Я знаю все. Поговорим на эту тему в моем кабинете. Идемте, идемте! - Семиглазов взял крепко Ираиду под локоть и повел к выходу.

Она у двери обернулась и сказала чуть растерянно:

- Зыкина, раздайте табели. Всем желаю хорошо отдохнуть!

Дверь закрылась. Немного погодя наша "камчатка" вздрогнула от радостного вопля: - Дашь каникулы!

Ничему не радовались только мы с Мишкой. И правильно делали, потому что впереди нас ожидало еще одно испытание.

По дороге домой Мишка предложил заглянуть к его матери на свиноферму. Мы свернули в проулок. Как из-под земли перед нами возникли те двое семиклассников. Я знал, что одного из них дразнили "Усом", другого "Раджой". У первого сама фамилия Усов помогала этому, у второго на лбу темнело родимое пятно, которое тоже имело прямое отношение к прозвищу.

Мишка остановился, почему-то потерянно опустив руки.

- Предатель! - сказал Раджа и что-то сунул Мишке в руку. - Ответ сразу дашь или ждать?

Мишка пожал плечами.

- Ясно! - Раджа повернулся ко мне: - Это из-за тебя пришлось ему сболтнуть Ираиде про клятву. Ты первым и получишь!

- Егора не цепляй, - Мишка встал между нами. - Я сболтнул - мне и ответ держать.

- Тебе - само собой. Но и задохлику-пииту - как пить дать!

...Когда мы умывались у криницы, я спросил Мишку:

- Что они тебе дали?

- Метку. - Мишка достал из кармана картонку, на которой был нарисован черный треугольник с буквами М, У и Р у вершин, внутри черного треугольника алела пятиконечная звезда. Значит, Мишка говорил правду про клятву и стенгазету.

- Зачем она? - указал я на картонку.

- Не спрашивай. Не скажу все равно.

- Не говори.

Мы заторопились на ферму.

ЗНАКОМСТВО С КОХОМ

К тетке Ульяне на свиноферму мы не зашли. Мишка сразу повел меня в дальний конец двора. Там в заборе была сделана дыра. Мы пролезли в нее, и тут из-под козырька сугроба "кореш" вытащил мешок, почти наполовину чем-то наполненный. Над мешком висело белое облачко.

- Это что, мука? - я ошарашенно смотрел на Мишку.

- Не трухай, корм поросенку. Подмогни чуток.

Я ухватился за углы и помог Мишке закинуть мешок на спину. Мы двинулись по протоптанной тропинке.

- Миш, а приготовил мешок кто?

- Дед Пихто!

- А, может, это не ваш?

- Наш. Мамке в колхозе выписали.

- Тогда зачем в сугроб прятать?

- Чтоб другим глаза не мозолил.

Выходило, что мы своровали. Я даже оглянулся: нет ли кого?

Мишка успокоил:

- Не бойсь. Этой дорожкой все носят, и никого еще не замели.

Мишкино признание смутило меня еще больше. Я остановился и замотал головой.

- Че, зуб заболел? - насмешливо спросил Мишка.

- Не-а, но с тобой не пойду и мешок помогать нести не буду.

- Тю! Ты че: в самом деле такой чокнутый или притворяешься?

- Иди, Мишка, пока я добрый.

- Отымешь? А, может, в правленье отведешь?! - Мишка "лез в бутылку".

- Сам отнесешь, - помог ему я.

- А дулю с маком не хошь? - Мишка сбросил мешок к ногам и показал мне комбинацию из шести аж пальцев.

- Ты своему поросенку ее покажи!

- Слушай, тебе чего надо, а? Трухаешь, так шуруй вперед. Чистеньким хочешь быть, - дуй через озеро другой дорогой. Шагать дольше, зато здоровья больше, как моя Ульяна Прокопьевна говорит.

- И пойду!

- Иди-иди, пиит! Но чистеньким себя не считай, понял?! Небось твоя Миля Михайловна из школы тетрабочки, резиночки, карандашики, перышки помаленечку носит, а ты в тех тетрабочках, теми карандашиками свои стишки чирикаешь?

- Ты мою маму не трогай! - теперь в бутылку ринулся я. - Она звезд не имеет, но зато не пьет и других уму-разуму учит!

- Дурак, а еще пиит. Знаешь, почему моя пьет?

Почему пьет Мишкина мать, я так и не узнал, потому что рванул через озеро другой дорогой.

Я уже почти пересек озеро, когда подо мною затрещал лед, прикрытый талым, в разводах, снегом. Сделав по инерции несколько шагов, я оказался в широкой полынье - в ней полоскали белье. Я испугался, хватаясь за край толстого льда. Но на мое счастье ноги нащупали дно. Кое-как я выполз на лед: помогли оставшиеся от дощатых кладок столбики, и побежал, клацая зубами, вперед. Не знаю, что было бы со мной, если бы на Солдатской улице, куда вывела тропинка, не повстречал деда Синяка в розвальнях, в задке которых сиротливо жались друг к дружке две пустые фляги.

- Мать честная! - дед ударил сперва себя рукавицами по бедрам, а потом, завалив меня в сани, ударил кнутом кобылу, да так хлестко, что та перешла на бег.

Когда дед завел меня в хату и я увидел побелевшее лицо мамы, то еще пытался успокоить ее:

- Обойдется. В полынью ухнул...

Не обошлось: я заболел двусторонним воспалением легких. Болел жестоко. Часто терял сознание и бредил. В бреду мне мерещился желтолицый человек, худой, высокий, в белом, воняющим карболкой халате, с палкой в руке.

- Я - Кох! А это - моя палочка-закопалочка, - говорил он, наклоняясь к моему лицу, и я чувствовал запах чеснока и самогона. - Хочешь, подарю палочку? Она будет твоей, только твоей!

Худой желтолицый человек улыбался, и лицо его превращалось в оскаленный череп, в глазницах которого было темно и жутко.

- Нет! Ни в коем случае! - слышался голос мамы, и я видел мамину с родинкой у запястья руку, защищающую меня от противного человека и его палки.

Этот бред повторялся часто. Но вот однажды мамина рука ухватилась за угрожавшую мне палку, вырвала ее у желтолицего и забросила куда-то. Желтолицый зашипел, как рассерженный гусь, и пропал.

Я открыл глаза и почувствовал, что страшно хочу есть. В кухне шипело сало на сковородке. Откуда у нас сало?!

- Ма-ам! - Я позвал тихо-тихо, но мама услышала и вбежала в спальню:

- Слава Богу! Кризис позади. Слава Богу!

- Мам, сало откуда у нас?

- Дружок твой Миша принес. Порося они зарезали к Новому году.

- Отдай назад. Не нужно нам этого сала.

- Ты что, Егорушка?! Кусок небольшой, а для тебя необходимый. Ульяна Прокопьевна ещё и смальцу дала, чтоб с горячим молоком тебя поить. Да если бы ни это, то не знаю, что было бы!

- Я все равно бы не умер.

- Конечно. Но Поздняковы от чистого сердца дали. Миша каждый день заходит, справляется, как ты. Говорит, что скучно без тебя - каникулы ведь.

- Сегодня какое?

- Седьмое января - Рождество. Скоро и твой день рождения наступит. Вишневый компот с оладьями будем пробовать.

Я забыл про сало: мне так захотелось вишневого компота, что я проглотил слюну.

Мама заметила.

- Я мигом открою. Компот есть. Был бы у тебя аппетит.

Аппетит у меня был. Я приканчивал вторую кружку, когда кухня наполнилась топотом ног, приглушенными голосами. Зазвенело задетое кем-то ведро. Раздался упрек "Ты что?" и в оправдание - "А я виноват, что оно пустое?!"

Мама засуетилась, чуть построжела:

- Проходите, ребята! Сегодня к нему можно. Егор, встречай! К тебе делегация.

Я приподнялся на локте и улыбнулся ребятам. Среди них был и Мишка. Мы встретились взглядами, и я неожиданно для себя подмигнул Мишке. Смущенно улыбаясь, он взялся рукой за спинку койки, вроде как поздоровался со мною, и сказал:

- Если бы тогда не поцапались, ты бы не болел. Дурак я был, вот и полез в бутылку.

- Не переживай, - я снова подмигнул ему. - Кабанчика нет. Едим все помаленьку.

- Едим, - согласился Мишка, - а то бы нам с Настькой хоть помирай.

- Невеселая у вас беседа, друзья-товарищи, - вмешалась мама. - Давайте лучше компот пить.

- Я Вам помогу, - вызвалась Зыкина.

Вскоре у каждого в руках была либо кружка, либо чашка, а у Лельки - стакан. Мне тоже набуськала мама полную кружку. Но я больше не мог.

- Боюсь, что слипнется, - сказал я маме, и она все поняла.

- Если человек шутит, значит, - он живет, - сказала мой педагог, и все с ней согласились.

СУХАРИКИ

Регулярные супчики на курином бульоне сделали свое дело: ко мне, хотя и медленно, но верно, возвращались силы.

- Тебе бы сейчас хлеба белого да маслица, да сахарку, - горилась мама. - Но чуда не бывает, сынок.

Однако же чудо свершилось, хотя и небольшое.

Учился в мамином классе Владимиров Валерик, очкастик, ушастик, умница, каких мало. Родители его, врачи, работали в санатории. От Валерика о моей болезни узнала его "муттер", как он сам ее величал, и вот в воскресенье на нашем дворе появился Валера с хозяйственной сумкой, серьезный и немного смущенный. Мы, то есть я и двое двоюродных, как раз лепили из коровяка ледянки, чтобы кататься с Господской горки, за школой. Врач разрешил мне короткие прогулки на свежем воздухе.

Мы руками лепили наши самые дешевые и быстроходные средства: лед по льду всегда скользит легко и долго, а Господская горка поливалась надежно.

- Добрый день! - сказал Валерик и застыл, впервые наблюдая таинство рождения ледянок.

- А палка зачем? - спросил он меня и поправил очки. Я был ближе всех к нему и заделывал в ледянку палочку, за которую потом цеплялась проволока или веревка, чтоб таскать ледянку.

- Для транспортировки, - ответил я и сделал поперечный паз, чтоб легко было подбираться к палочке.

Валерик помолчал и сказал вдруг:

- А из таза ледянка лучше бы получилась.

- Америку открыл, - фыркнул я. - Только где таз раздобыть?

- Можно и без таза обойтись, - корзину круглую использовать.

- Ха, "корзину". Валяются они что ли?

- Валяются, - Валерик снова поправил очки.

- Не заливай.

- Я не заливаю. В совхозном саду, у летнего домика, их - целая гора. Мы на лыжах ходили там с папой.

- "С папой", - передразнил двоюродный Митька. - Сторож там и бердана при нем. Запростяк соли в зад слопочешь.

- Никого там нет, честное слово! - заторопился Валерик. - Зато корзинок - хоть Господский пруд пруди.

Мы переглянулись.

- Что, братья-кролики, - загорелся Митька, - может, сгоняем?

- На своих двоих? Без лыж не пройти.

- По центральной дороге можно, - неуверенно сказал Митька. - Ее все время чистят.

- И нам начистят.

- Я принесу, - Валерик ухватился за очки, как утопающий за соломинку, ища в них поддержку своей решимости.

Мы недоверчиво смотрели на него.

- Две принесу, - уточнил он.

Наш интерес к его обещанию сразу угас.

- Одну для себя, другую - Егору.

Чем больше уточнений вносил Валерик, тем равнодушнее становились спины братанов, согнувшихся над своими ледянками. Я почувствовал себя неудобно, будто в чем-то предал их. Надо было сгладить неприятное впечатление от обещания Валерика притащить корзинку именно для меня. Выход был найден.

- Хоть ледянка и одна, зато рядышком она, - сказал я примиряюще, и братаны поняли мои слова как отказ от обещанной Валериком корзинки.

- Это точно, - согласился, улыбаясь, Митька. - Никуда ходить не надо, и все матерьялы под рукой.

- Я хотел как лучше, - насупился Валерик.

- Не хлюпай! Дуй, куда шел. - Митька подмигнул мне. - Мы не в обиде. Правда, братцы-кролики?!

Наше молчание было знаком согласия.

Валерик повеселел.

- Мне к Миле Михайловне надо.

- В хате она. Пойдем, провожу. - Я оставил застывать на снегу ледянку и повел Валерика к нам.

Мама удивилась его приходу.

- Странно, - сказала мой педагог, - с мамой твоей я ни о чем не говорила, и вдруг такой подарок.

В хозяйственной сумке, которую принес Валерик, был мешочек с белыми сухариками. Они так вкусно пахли, что у меня слюнки потекли.

- Мама сказала, что если сухарики не понравятся, можно курочкам отдать. - Валерик говорил, запинаясь от волнения.

Мой педагог поджала губы и готова была уже вернуть драгоценные сухарики, но, взглянув на меня, увидела, как я жадно смотрю на эти злополучные белые кубики, и сказала Валерику больше сердитым, чем благодарным голосом:

- Передай маме "спасибо". От Егора. Курочки у нас сытые, а вот он... - И мама ушла в спальню.

Валерик заторопился уходить.

Мама вышла из спаленки, вынесла несколько новеньких тетрадок и положила их в сумку Валерику.

- Спасибо, у нас есть.

- Хорошо, что есть. Лишние не помешают.

- Мам, - вмешался я, - напои нас чаем. С вишневым вареньем.

Мама благодарно посмотрела на меня и даже облегченно вздохнула:

- Конечно, чаем. Приглашай Валеру.

Валерик поупирался маленько, но после повторного приглашения согласился. Пока мы раздевались, мыли под рукомойником руки, - особенно старался я, - чайник на керогазе уже посвистывал, варенье красовалось на столе, а в вазочке горкой белели принесенные Валериком сухарики.

- Мам, там братаны...

- Зови всех, - махнула рукой мама.

Вскоре мы пили заваренный малиновыми веточками чай и дружно хрустели аппетитными сухариками. Валерик за компанию нажимал на сухарики не хуже нас. Вазочка быстро пустела.

Когда только крошки остались на дне, мама сказала:

- Склевали, петушки мои дорогие, за милую душу склевали. Вот так-то, Валера! Живем - жмых жуем, и того не вдоволь.

Валерик расстроено сморщился:

- Простите, я не хотел...

- Не переживай, и на старуху бывает проруха. А твой век - впереди.

Братаны пучили гляделки, ничегошеньки не понимая. Объяснять что-либо им я не собирался, тем более угощать оставшимися сухариками. Из них только Вовке могло перепасть немножко да и то не сегодня. Сегодня и так был пир: каждый из нас почувствовал вкус настоящего хлеба!

КЛАД НА КОМЛЕ

Чтоб выздоровление мое шло быстрее, принесла мама из школы "лекарство": метровую елочку. Пока я болел, елочка спала в сугробе за сарайкой, так как в спаленке для нее места не было: стол занимали лекарства, градусник, кружка с питьем, грелка и лампа. Теперь же все со стола убрали, и елочка с надежно закрепленным на стволе деревянным крестом устроилась на столе.

Как умел, украшал я мою гостью. А тут первые яички куры подарили: не обманул дед Синяк, когда, принес трех цыплят, - мама сочинила для него прошение аж в Министерство обороны, и заверил, что из этих пестрых малюток вырастут круглогодичные несушки. Не долго думая, извлек я из теплых еще "подарков" содержимое, а скорлупу, конечно же, на клоунов пустил. Сделал: одного плачущего, одного улыбающегося и одного хохочущего. Здоровски они получились. Стараясь не помять рюшки-воротнички и цветастые колпачки, я уложил всех троих сохнуть на выступ комля плиты. Часа через два полез за ними, и тут хохотун, задетый рукою, свалился за выступ, на комель. Достать его, как ни старался, вставая на цыпочки и вытягивая руку, без табуретки не мог. Хорошо, что мамы дома не было! Я водрузил табуретку на плиту и когда забрался на четвероногого помощника, то макушкой задел за потолок. Зато рука могла шарить по комлю во всю его длину. Мне пришлось сперва вытянуть руку, а потом подбираться к выступу.

Пальцы бежали по бархатистому слою многолетней пыли и вдруг наткнулись на что-то плоское и фигурное. Когда я извлек свою находку и поднес к глазкам, то чуть было не кувыркнулся с табуретки: в руке у меня была настоящая елочная игрушка, пусть картонная, пусть чуточку облезлая, но зато фабричная, с милой рожицей кенгуру.

Сердце мое заколотилось, наверное, так, как у золотоискателя в Клондайке, когда тому попался первый в жизни самородок. Торопясь - а вдруг опять повезет? - обследовать весь комель, я сделал резкое движение и чуть снова не загремел с табуретки. Удержав равновесие, дал себе слово не торопиться. Теперь я шарил медленно и тщательно, опасаясь наткнуться на разбитую стеклянную игрушку.

Поиски мои были успешными. Кроме своего хохотуна и кенгуру я добыл на комле пять плоских картонных игрушек: зайца, сову, обезьянку, медведя и утку. Но главным трофеем была пролежавшая многие годы ватная морковка, красная, нисколечко не потускневшая, с проволочным крючком-подвеской.

Когда, я обтер и повесил все игрушки, моя елочка стала очень нарядной. Огорчало только то, что на ней не было ни единой стеклянной игрушки. Пусть не такой красивой, как тот шарик у Бэллы Фоминой, но мне очень хотелось увидеть на своей елочке хотя бы одну-разъединственную... Когда чего-то сильно-пресильно желаешь, то желание обязательно сбывается. В этом я убедился сам.

Возня с елочкой заставила заняться руками. Я лениво шевелил сосок ручной мойники, когда в дверь забарабанили. Это был Мишка. Он запыхался, лицо его снилось от пота, а глаза, озорно блестели.

- Здорово!
- Привет!
- Подарки принимаешь?
- Какие?
- К дню рождения.
- Вроде, рановато. Четырнадцатое - через три дня.
- Мой в самый раз будет. - Мишка полез в карман фужайки и вынул шарик, точь-в-точь как у "Беляякиной Фоминой".

- Где взял?!

- Где взял, там нет, - разулыбался Мишка.

- Я серьезно.

- На рогатку у Цыганка выменял. Встретил его на нашей тропинке. Он идет, и что-то в его руке поблескивает. Я думал зеркальце. Когда поровнялись, разглядел шарик и предложил мену. Он - ни в какую. Тогда я показал, как моя убойная бьет, и шарик моим стал.

Мне не верилось, что шарик рядом, на Мишкиной ладони.

- Чего сестренке не отдал? - Я еще пытался сопротивляться своему желанию попросту схватить шарик.

- Зачем? Разобьет и порежется. Она еще глупая.
- Уговорил, - я медленно протянул руку - рука у меня дрожала - и взял драгоценный подарок.

Да, звезды и у этого шарика были алыми, а весь он - серебристым, без единой царапинки. Вешали мы его вдвоем, на самую макушку, чтоб всем была видна его красота.

- Ну, Мишка, по гроб не забуду, - поклялся я, любуясь и шариком, и елкой. - Ты прямо как волшебник какой-то: не успел я о стеклянной игрушке подумать, как ты тут как тут да еще с таким подарком!

- Знаешь, я видел похожий у одной девчонки. Но этот лучше. И вообще сегодня - день приятных неожиданностей: куры подарили первые яйца - я сделал клоунов, комель подарил мне целых семь игрушек - елка преобразилась, ты подарил шарик - на душе посветлело.

- Егор! - Мишка с уважением смотрел на меня. - А ты часто сочиняешь?
- Все - истинная правда.
- Да нет, я о другом. Не зря тебя "пиитом" прозвали. И это не придумка Ираиды. Это в тебе, как сок в капусте.

- Брось ты, - смутился я.
- Честно, - Мишка был серьезен. - Во будет здорово: вырастешь и станешь писателем. По-настоящему!

- Если стану, Мишка, то обязательно про шарик напишу. Про то, как ты его у Цыганка на рогатку выменял, не пожалел своей убойной.

- Про рогатку не надо. Ее уже нету.
- Тогда про смалец, - я взглянул на Мишку.
- Про смалец тоже не надо. Его тоже нет.
- Тогда про дружбу.
- Про дружбу можно, - подумав, согласился он.

ШАРИК

И вот он наступил, мой день рожденья! Едва открыл глаза, на табуретке увидел я прекрасную тетрадь, в ней почти сто листов в линейку было! Подарок мамы. Верила она, что Бог меня не обделил талантом. Спасибо, мама!

С тетрадью рядом белизной своей "носовичок", подрубленный красиво, порадовал меня. То был подарок няни.

Братишка Вовка подарил кусок подсолнухами пахнущего жмыха. Как трудно было Вовке с ним расстаться! И все ж он положил кусок в подарок! Он верил: поделюсь я с ним по-братски.

А к двум часам двоюродные чинно пришли и принесли в подарок свечку и три подсвечника с прищепками для елки. И свечку, и подсвечники они на комле обнаружили, когда я про плоские похвастался игрушки. Рукастый Митька их нашел. Еще бы: тот комель общим был, и Митька мог со своей их стороны искать. Топили, правда, в разное мы время. Иначе - дым валил и к нам, и к ним.

Мишка пришел в чистой рубахе и на немой вопрос двоюродных "Что принес"? ответил загадкой:

“Мой подарочек уже
На зелененьком еже.
Ежик пахнет смолкой
И зовется...”

Мишка, сделал паузу и хитро глянул на Вовку:

- Ну?!

...елкой, - закончил братишка и захопал в ладоши.

- Даешь, - сказал я Мишке. - Сам сочинил?

- Что, я похож на чокнутого? В школе, на закрытии елки услышал, - Мишка, поняв, что в начале ляпнул не то, смутился. Я же сделал вид, что ничего обидного в словах Мишки не заметил.

Мама из школы еще не пришла. Поэтому, чтобы ожидание не показалось нудным и долгим, я предложил сыграть "в города". Братаны согласились не сразу: обычно я их всегда обыгрывал, но присутствие Мишки вселяло надежду окатиться не в числе побежденных, а хотя бы в золотой середине.

- Можно и сыграть, - подал голос Митька. - Только я что-то не найду подарка ни на елке, ни под елкой...

- Во-он, на самой макушке, - поспешил я указать на шарик.

- Красивый, - оценил Митька.

- Да-а-а... - раскрыли рты Вовка и Витька. Я им до этого про шарик не говорил ни словечка, а от Вовки закрывал его зеленым бумажным листком.

Эффектом я был очень доволен. Мишка тоже млел от гордости, что его подарок оценен столь высоко.

Там еще были... - начал он и осекся.

- Где, у Цыганка? - не понял я.

- Не-а, на школьной елке. Только этот шарик самый здоровский.

- Ты его спер? - удивился Митька.

Младшие глядели на Мишку во все глаза.

- Я его на рогатку выменял, понял?! - Мишка начал бледнеть.

- Понятно, - Митька ухмыльнулся. - Ты Лиде Сергевне рогатку, а она тебе шарик. Лидия Сергеевна была нашей старшей пионервожатой.

Мишка вскочил с диванчика:

- Получить захотел?! И своя хата не поможет!

- У Цыганка он шарик выменял, - вступился я за Мишку. - Свою убойную отдал.

- Значит, Цыганок шарик слямзил, а потом ему загнал, - рассудил Митька.

Хорошо, что пришла мама. Ее приход погасил ссору.

- Все гости в сборе, только хозяйки нет, - сказала мама. - Но я не одна, а с помощницей пришла. Сейчас быстренько организуем стол. Только оладьи разогреем.

Тут мы увидели, что в кухне за мамой прячется смущенная девчонка, та самая Бэлла, у которой я был на дне рождения.

- Долг платежом красен, именинник, - улучив момент, шепнула мне мама.

- Не кисни, все будет хорошо, даже прекрасно!

Я боялся только одного: после посещения Бэллой нашего дома кто-нибудь из братанов или Мишка проболтаются и злые языки приклеют нам "жених и невеста", хотя "Белялякина" вроде девчонка не из породы "глупых куриц" да и мала еще в невесты.

Но если бы я знал, что будет позже, то не согласился бы ни за какие коврижки отмечать свой день рождения. Ни за какие!

Бэлла, точнее, ее мама, подарили мне книжку. Я готов был бросить все и заняться ею, но мой педагог сказала:

- Книга, не уйдёт, а гости могут. Занимайся гостями.

Мы начали играть "в города". Бэлла тоже участвовала. Сперва ее голосок звучал робко, но вскоре она освоилась в нашей поздняяковско-рыжовской компании, и вот уже после удачного ответа зазвучал колокольчиком ее смех.

Мама поглядывала на нас с одобрением, мне даже подмигнула - молодец, мол!

Когда мы приканчивали угощение, - вкусными были оладушки и вишневый компот! - Вовка вдруг похвастался Бэлле:

- А у нас шарик есть. Красивый. Пошли, покажу.

Братишка взял Бэллу за палец и потянул из-за стола.

- Идите-идите, - разрешила мама.

Мне хотелось самому показать шарик. Вмешательство Вовки было некстати. Я уже хотел охладить его пыл тычком, но мой педагог по моей физии поняла, что грозит Вовке, и предупредительно нахмурилась.

Братишка и Бэлла скрылись в спальне. Мы, - во всяком случае, я - точно, - торопились закончить с компотом, когда в спальне раздался крик Бэллы:

- Мой шарик! Мой шарик!

Мы перестали вылавливать вишни. Мишка закашлялся - видать, подавился от неожиданности.

Бэлла показалась из-за занавески - двери в спальню не было, - бледная, с круглыми от непонимания глазами:

- Там... на елке... мой шарик...

Мама посмотрела на меня и свела брови:

- Не может этого быть! Бэллочка, деточка, шарик просто похож на твой. Он же у тебя дома, на твоей елочке.

Бэлла замотала головой:

- Нет! Я его сама для школьной елки дала. Сама на веточку повесила. А вчера все с елки сняли, но мой шарик пропал. Не нашли его. Мне другой давали - я не взяла, потому что мой - самый красивый.

По щекам "Белялякиной Фоминой" текли слезы.

- Бэллочка, успокойся! Твой шарик теперь от тебя никуда не денется. Это здорово, что он нашелся. - Мама успокаивала Бэллу, а в нашу сторону посылала такие взгляды, что мы все прижухли.

Когда Бэлла немного успокоилась, мама пообещала:

- Мы разберемся, как мог шарик твой оказаться у Егора на елке. А когда ты пойдешь домой, мы отдадим его тебе.

Потом она повернулась к нам:

- Кто?!

Все невольно посмотрели на Мишку.

- Ясно. Я тебя не задерживаю, - сказала ему мама.

Мишка вскочил:

- Я не брал! Я на рогатку выменял.

- У кого?

- У Цыганка из Вашего класса.

- Это правда?

- Чес-слово!

- Значит, Роман, - сказала мама и вздохнула. - Опять к отцу идти. Но тот ничем другим, кроме кнута, не воспитывает.

- За шарик и кнута не жалко, - сказала Бэлла.

- Человек оступить может, - мама укоризненно покачала головой.

- Я ему сам за все выдам, - угрюмо пообещал Мишка.

Странно, но мой педагог промолчала. Я удивился. Мишка в своем намерении утвердился. А Бэлла была довольна.

РОМАН

Цыгане появлялись в Ивановке по первому морозу. Их было несколько семей, летом живших табором, а зимою квартировавших, как правило, у одиноких стариков-старушек: и дешевле, и свободы поболее.

Только семья Романа, отец которого был самым уважаемым в таборе, постоянно селилась у Крапивиных, сын которых работал в лесничестве и сумел рядом с отцовской хатой поставить в саду пятистенок, первый после войны крытый шифером.

Старики перебирались на зиму под новую крышу! Старую хату отдавали постояльцам, у которых из шестерых детей Роман был старшим, а еще пятеро, таких же смуглых и кудрявых, наполняли стены смехом, плачем и пляской.

Старый Николай держал Романа в строгости и за каждый промах сек. Бывали дни, когда Роман стоял на уроках, не в силах опуститься распухшими ягодицами на сиденье парты. Мой педагог в такие дни ходила к отцу Романа, вела с ним душеспасительные, как я их окрестил, беседы. После этих посещений во дворе у нас появлялись еще летом выписанные в лесничестве дрова, а Роман был весел и, как все мы, горазд отмочить что-нибудь такое, за что следовал вызов к директору, а потом отцовский кнут вновь линовал ему задницу.

Учился Цыганок неважнецки, так как учебный год вынужден был начинать с двухмесячным опозданием, и то, что мы постепенно изучали в первой четверти, ему приходилось брать буквально штурмом. Выручала Романа память - она у него была отменной. Стихи он запоминал с ходу, математические действия после первого самостоятельного решения оставались в памяти навсегда. Поэтому переводили его из класса в класс не из жалости. Но самое удивительное, чем обладал Роман, было умение танцевать. Почти все цыгане пляшут, особенно в детском возрасте. Цыганок же именно танцевал!

Ни один из праздников на обходился без его танца. Аккомпанировала ему на баяне Лидия Сергеевна, старшая пионервожатая.

- Тебе, Рома, учиться в хореографическом надо, - говорила она Роману, когда он, разгоряченный танцем, улыбающийся и чуть побледневший от волнения, садился на скамейку рядом с нею в бушующем от аплодисментов и криков зале.

- Канэшно, буду, - заверял он ее, хотя мало верил в сбыточность своих слов.

Лидия Сергеевна вздыхала, понимая, что сразу же после седьмого класса совсем другое ожидает этого способного живого парнишку...

Третью четверть Цыганок начал "хором" по литературе. Настроение было соответствующим. Когда Мишка остановил его после уроков в полутемном коридоре и спросил, где рогатка, Роман, улыбаясь, вскинул брови и ответил вопросом на вопрос: "А где шарык?"

- Отвечай, когда спрашивают!

Цыганок почувствовал явное неуважение к своей персоне и хотел отвязаться: - Да катысь ты! - но не получилось.

Мишка схватил его за отворот колушка:

- Рогатку гони, понял!

Цыганок вцепился в Мишкину фуфайку:

- Шарык гани, понял!

- Рогатка мо-я, - сказал Мишка, - а шарик не твой. Он во-ро-ван-ный!

- Павтары! - Цыганок уже обеими руками вцепился в Мишку. - Павтары, Миха паганый?

- За школой повторю. Там и за "Миху поганого" получишь!

- Нэ палучу, - Цыганок отпустил Мишку и так резко повернулся, что отворот колушка, затрещал, а Мишка невольно оказался рядом. Он разжал пальцы, и они пошли, готовые схватиться тут же, в коридоре, и только присутствие директора Семиглазова в своем кабинете сдерживало их, а кабинет был в нескольких метрах, за поворотом.

За Мишкой и Цыганком увязались ребята, и среди них был двоюродный Митька, который мне обрисовал все в тот же вечер.

Когда всех надежно заслонил от учительских глаз дощатый сарай, где был школьный склад, Цыганок, видя, что в случае чего подмоги ему ждать неотку-

да, а с Мишкой - полкласса, побледнел, отступил немного от ребят и сунул руку в карман штанов.

- Кто палэзет - парэжу, - сказал он хрипло и сверкнул белками глаз.

Пацаны отступили от Мишки, который тоже побледнел после слов Цыганка. Вдруг он прыгнул к стенке сарая и схватил обломок держака то ли лопаты, то ли грабель, которые хранились внутри. Обломок был с метр, не менее, и придал Мишке, и без того напористому и кулакастому, и сил, и решимости.

- Кто "Миха поганый"? - тихо спросил он Цыганка, а потом с угрозой сказал: - Вынь руку, плясун немыйтый, а то как хрясну - кость пополам!

- Нэ пугай - нэ боюсь! Тока я шарыка нэ воровал, понял?

- Понял. Он сам к тебе в карман напросился: "Вазмы: мэнэ, хачу пагастыть и мамалыги паесть".

Мишка так здорово скопировал Цыганка, что ребята, несмотря на серьезность ситуации, покатались со смеху.

Цыганок мотнул шубатой головой, на макушке которой чудом держалась войлочная шляпа, и оскалился:

- Артыст! Точно так було. Шарык сам в карман попал. Я шарыка нэ трогал.

- Ты его не трогал, а я тебя трону. - Мишка чуть пригнулся, половчее перехватил обломыш и двинулся на Цыганка.

Тот тоже пригнулся и, следя за Мишкой, переступил с ноги на ногу, готовый отпрыгнуть или, наоборот, сойтись грудь в грудь.

- Я тебя отучу чужое брать, ворюга!

- Сам дурэнь! Нэ брал я нычиво!

Они как два петуха ходили один против другого, и никто не нападал первым. Чувствовалось, что Цыганок с Мишкой драться не хочет: то ли кнута отцовского боится, то ли обломыша в руках Мишки. У Мишки тоже пыл пропал: обида в голосе Цыганка была неподдельной. В голове вертелось: "А, может, он взаправду не брал. Тогда как шарик попал к нему?"

- Ты не заливай! Шарик у тебя был, - значит, ты слямзил.

- Нэ брал я шарыка. Мнэ Лида Сэргевна шарык подарыла. За танэц.

- Брешешь! Шарик чужой. Не могла она тебе "подарыть".

- Подарыла. Сама в кожух положила. Для сыстренки. Токо я, дурэнь, с тобою на мэну пошел.

Мишка, опираясь на обломыш, оглянулся на ребят, и это лишило его преимуществ, - Цыганок выбил ногой обломыш, и тот заскользил по крутой Господской горке вниз, к затянутому льдом озеру.

- А-а, ты так?! - Мишка хотел въехать Цыганку в скулу, но тот увернулся и отскочил.

- Нэ буду драца, - сказал Цыганок и вытащил не только руку из кармана, но и вывернутый пустой карман. - У Лиды Сэргевны спросы.

- И спрощу. Прямо сейчас пойду и спрощу. - Мишка пришел в себя после потери палки и добавил почти ласково: - Но гляди, Цыганочек, если лапшу на уши вешал, то оба уха вместе с лапшой на забор повешу сушиться, понял?!

- Нэ хочу драца, нэ хочу понимать.

- Пошли в пионерскую комнату.

- Пашли. Мнэ баяца нэчиво.

И опять впереди пошли Мишка с Цыганком, а за ними - ребята.

Лидия Сергеевна была еще в школе. Увидя возбужденные лица ребят, заволновалась:

- Что случилось?!

Мишка насутился и спросил, кивнув головой в сторону Цыганка:

- Вы ему давали шарик?

- Какой шарик?

- Стекланный, со звездой. С елки школьной.

- С елки?!

- Помните: я сказал, что шарык красивый, - заторопился Роман, заметив, что Мишка сощурил глаза и сжал кулаки - что сыстре Розе подарыл бы такой. Вы взяли шарык и положили мнэ в карман.

- Конечно, помню, - облегченно вздохнула Лидия Сергеевна. - Это, ребята, была Роману премия за чудесно исполненный танец. Я понимаю, что дарить

игрушки, которые мы все с таким трудом собирали, не совсем справедливо, но лучшего танцора, пожалуй, во всем районе не сыскать. Так что не обижайтесь.

- А Мишку из-за этого шарика, - потупив глаза, чтобы скрыть веселых бесенят в них, сказал наш Митька, - чуть вором не посчитали.

- Не может быть, - опять забеспокоилась Лидия Сергеевна.

- Может, - вздохнул Митька, еще ниже опуская голову и пряча глаза. - Мишка у Цыганка этот шарик выменял и Егору нашему подарил, на день рождения. А с тетей Милей, Милей Михайловной, пришла девчонка, маленькая совсем, и узнала свой шарик. Так Мишку чуть из хаты не погнала.

- Господи, - прижала ладони к щекам Лидия Сергеевна.

- А бога нет, - поднял смеющиеся глаза Митька.

- Конечно, нет, - быстро согласилась старшая пионервожатая. Я сегодня же побываю... Чей шарик, говоришь?

- Географички. Ее дочки, - сказал Мишка, оттирая Митьку плечом.

- Обязательно побываю у Тамары Петровны и все объясню.

- Побывайте, - сказал и Роман. - Нэхорошо вышло.

- Раз я пообещала, то выполню, - заверила Лидия Сергеевна, - и ребята покинули пионерскую комнату.

Когда вышли из школы, Мишка, сказал:

- За "Мишу поганого" надо б тебе въехать, да уж ладно, не буду. Но запомню.

- За вора, - в тон ему ответил Цыганок, - надо бы тебе въехать. Я нэ буду. Но запомню.

На том и разошлись. Мишка с пацанами - на Ананьеву улицу, Роман - к усадьбе Крапивиных, с особняка которых начиналась Красная улица.

РАДОСТЬ РОЗЫ

Прошли выходные мои невольные, и в понедельник я появился в школе к тихой радости мамы и явной - Мишки, который скупно, но точно рассказал о том, как чуть не подрался с Цыганком. Я его выслушал внимательно и задал один вопрос:

- Где рогатка?

Мишка смутился и виновато ответил:

- У Цыганка. Шарик у тебя же.

- Нет, уже на пути к Бэлле, - заверил я и открыл сумку: в уголке, завернутый в газету, лежал шарик. Мишка, чтобы убедиться, полез в сумку.

- Осторожней, он - стеклянный. Раздавишь - всю жизнь должен будешь.

- Лады, верю, - он выдернул руку, будто обжегся. - Бэлле когда понесешь?

- Сегодня, после уроков.

На большой перемене я нашел Романа. От него воняло табаком так, что я чихнул.

- Ты чэво?

- Накурился, как сапожник.

Цыганок завертел головой: нет ли поблизости кого-либо из учителей, успокоился и признался:

- Я нэмножко. Тютюн... табак крэпкий. Нэ гавары мами.

- Не скажу, если рогатку Мишке вернешь.

- А шарык?

- Сегодня Бэлле вернем. Ты тоже пойдешь.

- Я зачэм?

- Чтоб все подтвердить.

- Лида Сэргевна сама все скажит.

- Она - это одно, ты - другое.

Цыганок колебался.

- Не пойдешь к Бэлле, мама пойдет к твоему отцу.

- Нафыскалишь?

- Сама учует.

- Ладна, пайдем, - сдался Роман.

Я ему посоветовал:

- Ты бы чеснока, пожевал что ли, а то залетишь.

- Где взять? - вздохнул он. - Нэту.

- Постой здесь, - сказал я и заторопился через школьный зал в угловую комнату, где с хроменькой дочкой жила тетя Феня, школьная уборщица и сторожиха.

Тетя Феня встретила мою просьбу понимающей улыбкой:

- Чтоб мама не заметила? Ох, ребятки-ребятки, курить, истинное дело, - здоровью вредить.

- Это не мне, - стусевался я. - Но очень надо. Один-два зубочка.

Тетя Феня открыла настенный шкафчик и достала целую головку чеснока:

- Бери, на всех хватит.

- Спасибо? - Я кинулся опять через весь зал и вовремя: зазвенел звонок.

Цыганок затолкал в рот сразу два больших зубка и мужественно принялся жевать. Я хлопнул ободряюще его по плечу. Он повернулся, и я увидел, что из глаз его катятся слезы.

- Ничего. Это лучше, чем кнут. - Я заторопился на свою "камчатку"... Прозвенел последний звонок, и мы втроем отправились к Бэлле.

- Что мы ей скажем? Я не пойду, - почти у самых дверей набылчился Мишка.

- Говорить буду я, - успокоил я его. Мишка, повеселел. Цыганок даже что-то насвистывать начал.

На наш стук выглянула Бэлла.

- Скорей заходите! Холодно. - Она юркнула побыстрее в квартиру. Мы вошли следом.

- Раздевайтесь, - почти приказала она. - Но сначала в сенях обметите обувь.

Пришлось выполнить ее указание и по возвращении раздеться.

- Вы, наверное, к маме - Бэлла свела к переносице брови и стала походить на своего папашу, большой портрет которого висел в простенке.

Я понял, что Лидия Сергеевна у Фоминых не была, ничего рассказать поэтому не могла, и отдуваться за все придется мне.

- Слушать будешь меня, - сказал я, а Мишка с Романом закивали в подтверждение моих слов головами.

Вот, - я достал из сумки сверток, развернул газету. Шарик засиял-засветился, лежа на моей ладони. Засияло-засветилось лицо Бэллы. Потом стало грустным и даже сердитым.

- Он? - она посмотрела на Романа.

Я твердо ответил:

- Нет. Он его не брал. Это был приз ему за танец. От Лиды Сергеевны.

- Она сама дала мне его, - вмешался вдруг Цыганок.

- А потом? - Бэлла хотела все знать и посмотрела на Мишку.

Тот надулся и молчал.

- Потом, - снова начал я, - Мишка выменял его за рогатку. Не устоял Цыганок, уж больно хороша была рогатка. - Меня понесло. - Забыл наш артист, что шарик ему Лидя Сергеевна дала не только как премию, но и как подарок для сестренки. Так? - я повернулся к Роману.

- Богом клянусь, - Цыганок стукнул себя в грудь. - Больна сестра. Ножки нэ ходют.

Бровки Бэллы поехали вверх, глаза распахнулись:

- Давно болеет?

- Пять лэт...

- Пять лэт?! - ахнула Бэлла, и мы тоже уставились на Цыганка.

- Нэт, сэстре пять лэт, а болэет три года.

- Как зовут?

- Роза.

- Красивая?

- Как роза!

- Замечательно, - певуче произнесла Бэлла и трянула бантом, принимая неожиданное для нас решение. - В таком случае шарик должен быть у Розы!

Мы с Мишкой от радости толкнули друг дружку локтями, а Роман потерял дар речи и застыл истуканом.

- Заверни, Егор, его снова в газету, и отнесите все вместе Розе.

- Не пойдет, - сказал я. - Если "все вместе", то тогда с нами и ты пойдешь. Пойдешь и сама отдашь.

- Точно, - оживился Мишка.

- Канэшно, - ожил Цыганок. - Она будит очэнь рада.

Я завернул и уложил в сумку шарик. Мы оделись, замкнули квартиру и поспешили на Красную улицу, где красивая, как роза, девочка Роза болела, не зная, что ждет ее неожиданная радость.

Цыганок открыл тяжелую калитку, посадил на цепь гавкающего кобеля и, смущаясь, сказал:

- Падоджыте нэмножко. Я счас.

Через минуту-две на пороге появилась молодая красивая женщина и почти запела-заговорила, мешая русские, украинские и цыганские слова. Мы поняли главное: нас, таких славных и пригожих, просят заходить в дом и быть гостями.

Роман встречал нас широкой белозубой улыбкой. Рядом с ним, в деревянной кроватке на колесиках, полулежала девочка, действительно красивая, как роза. Я передал Бэлле сверток. Девочка внимательно следила за тем, как Бэлла разворачивает газету. Мы следили за девочкой и не видели, что мать Розы осталась у дверей и ждет, что будет дальше. Когда Бэлла положила на свою ладонь шарик, звездочка которого полыхнула рубиновым светом, Роза привстала с подушки, ручки ее потянулись к невиданной доселе диковинке. Бэлла осторожно передала шарик девочке, и та вдруг рассмеялась так славно, будто серебряный колокольчик рассыпал свой нежный и чистый звук.

- Смэетца, - выдохнул Роман. - Она смэетца! О-о-о! - и он пошел вприсядку, ладонями выхлопывая веселый захватывающий ритм.

Громкий всхлип заставил нас обернуться: мать Розы плакала. Потом она обняла Бэлла и, целуя бант на ее макушке, проговорила: - Щастя, у кого есть така добра доню. Спасыби, дитонька!

Роман пошел нас проводить. Выйдя за калитку, он прикрыл ее плотно и вынул из кармана кожаную рогатку.

- Дай мне, - протянула руку Бэлла, и Цыганок положил рогатку на ее ладонь, открытую пушистой варежкой.

Мишка молчал. Я - подавно.

Бэлла взяла рогатку как надо, в обе руки, и попыталась ее растянуть. Красная резина подалась, но слабо.

- Жесткая, гиблая, - сказала Бэлла и протянула рогатку Мишке: - Бери, стрелок. Убивай птиц и кошек.

Бэлла передернула плечиками, резко повернулась и почти побежала по тропинке прочь.

Мы стояли молча. Нам было очень не по себе, всем троим, будто мы и в самом деле совершили что-то постыдное.

НОВОГОДНЯЯ КАДРИЛЬ

Много ли надо человеку для счастья, особенно, если у него за вторую четверть по математике была хилая троечка? Правильно, не очень. Так было и с Мишкой. Мы с ним недельку вместе позанимались, и на контрольной случилось то, что должно было случиться: все решил Мишка, сам! Правда, сделал одну ошибку. Но ведь всего одну!

Дина Елизаровна, наша математичка, сияя улыбкой, за которые ее все называли "Лучезарная", на следующий день огорошила весь класс.

- Поздняков, прошу к доске! - голос Лучезарной звучал торжественно. Обычно Дина Елизаровна называла Мишкину фамилию с грустью и глубоким вздохом.

Мишка вылез из-за парты и пошел к доске, с тревогой глядя на Лучезарную.

- Беспokoишься? Это хорошо. Но если ты не списал у Рыжова, то беспокойство твое напрасно.

- Не списывал я, - остановился Мишка.

- У нас сегодня - замечательный день: по контрольной - ни одной двойки, а у Позднякова - четверка! Поздравим его, ребята! - Дина Елизаровна сияла, а

Мишка стоял, растерянно улыбаясь: не ожидал он такого внимания к своей персоне.

Когда мы шли домой, Мишка вдруг сказал:

- Егорка, а Бэллы чего-то в школе не видно. Уже несколько дней.

Я удивленно посмотрел на него: Мишка знал Бэллу меньше моего, а вот поди ж ты - заметил, что ее нет в школе. Плюс к этому: учились мы в разные смены, и Бэлла была всего лишь третьекласской, с которой у нас, кроме истории с шариком, никаких общих дел не было.

- Это точно? - на всякий случай спросил я.

- Точней некуда, - почему-то вздохнул Мишка.

- Сегодня у мамы узнаю, а завтра тебе скажу, - успокоил я друга. - Идет?

- Идет!

...Мой педагог, услышав мой вопрос, сперва отодвинула тетради, которые проверяла, вздохнула под стать Мишке и сказала не очень приятное и для меня, и для Мишки:

- Ангина. Набегалась с вами и теперь сидит дома. Вам бы проведать ее, как думаешь? - мама сдвинула на лоб очки и внимательно на меня поглядела.

- Проведаем, - без особого энтузиазма ответил я, представив, как обрадуется такому предложению Мишка.

Странно, но на следующий день, услышав о предстоящем посещении, Поздняков уперся как бык:

- Не пойду? Нечего мне там делать.

- Один я не пойду. Моя идея без твоего участия невыполнима, - сказал я.

- Какая идея?

- Подарок ей сделать.

- Какой подарок?

- Рогатка целая?

- А куда ей деться?! Только для нее рогатка - хуже ангины.

- Как сказать. - По-видимому, мне удалось изобразить на своей физии нечто загадочное, почти таинственное, так как дружок мой загородил дорогу мне и почти потребовал: - Выкладывай!

Я ему все выложил. Мишка чуток подумал и сказал: - Согласен.

Помолчав, он добавил: - Башка-а. Я бы недодумался.

На следующий день после уроков мы направились к знакомому дому. Тамара Петровна была немножко озадачена, что я не один. Однако сразу пригласила в дом и о нашем приходе оповестила Бэллу еще с порога:

- Бэллочка, к тебе мальчики!

Бэлла совсем не выглядела больной. Увидав Мишку, она не могла скрыть своего удивления. Мишка затоптался потерянно и вдруг вытащил рогатку. Я бросился к нему. Уговор наш был другим: я веду с Бэллой разговор, а Мишка в нужный момент достает рогатку и делает все так, как договорились.

- Ты что?!

- Ничто, - сказал Мишка, и, взявшись за рогатульку обеими руками, разломил ее пополам. - Была и нету!

- Все испортил. Эх, ты! - Я действительно обиделся, что самый интересный в нашей затее момент получился простым до примитива.

Но Бэлла поступком Мишки была буквально поражена. Глаза ее расширились, а ресницы заморгали часто-часто.

А Мишка, хитрюга, Мишка, сунул покалеченную рогатку в карман и вместе со мною направился к умывальнику выполнять указание Бэллы по поводу чистоты рук. Я не подал вида, что разгадал его маневр: заменить рогатульку было плевым делом. Острый ножик и полчаса труда требовались на это. Бэлла ни о чем не догадывалась.

Тамара Петровна, разливая по чашкам духмяный, с московской заваркой, чай, как бы между прочим произнесла:

- Рогатулька - не свистулька, которую ежели поломать, то уже не возродить ни за какие коврижки...

До меня дошло сразу, что имела в виду географичка. Мишка тоже понял намек и, краснея, вытащил рогатку.

- Ножницы нужны? - Тамара Петровна держала ножницы.

Мишка молча протянул руку, взял ножницы и отстриг сперва одну резиновую полоску, потом - вторую, раскромсал вырезанное из языка старого ботинка кожаное ложе для гравийных или проволочных пулек, собрал все кусочки и унес в ведро под рукомойником.

- Теперь будем пить чай! - улыбка на лице Тамары Петровны была еще лучезарнее, чем у Дины Елизаровны после контрольной...

- Мальчики, а вы любите танцевать? - спросила после чая раскрасневшаяся, повеселевшая Бэлла.

Мы переглянулись и дружно сказали: "Нет!"

- Тогда я научу вас старинному русскому танцу, - пообещала Бэлла.

- Вряд ли у нас получится, - сказал я.

- Согласен с Егором, - сказал Мишка.

Бэлла рассмеялась.

- Это так просто, - заверила она. - Танец называется "кадриль". Слышали, надеюсь?

Мишка пожал плечами. Я его поддержал.

- Кстати, - вмешалась Тамара Петровна, - Бэллочка хотела разучить танец еще до Нового года, чтобы станцевать с тобою, Егор, на утреннике и назвать его "Новогодняя кадрили". Но болезнь твоя многое изменила.

После этих слов Мишка засобирался домой.

Тамара Петровна смутилась.

- Миша, это вовсе не значит, что сегодня ты - третий лишний. Кадрили - живой, интересный танец, в русском стиле. Умение его танцевать будет не лишним.

Первый блин действительно получался комом. Ноги у нас путались, повороты были медленными, по-медвежьи неуклюжими.

В гостях мы задержались изрядно. Мой педагог, зная, где и с кем я был, спросила только:

- Чем занимались?

- Новогодней кадрилию.

- Ну и как?

- Пластики маловато.

...Мы так и не станцевали "новогоднюю кадрилию" с Бэллой на школьном утреннике ни в будущем году, ни в последующие годы: летом внезапно появился папуля "Бебелякиной Фоминой" и увез Тамару Петровну с Бэллой из Ивановки навсегда.

Владимир КАЗАКОВ

Владимир Казаков родился в 1939 году на Алтае в селе Анисимово Тальменского района. Окончил литературный институт им. М. Горького. Автор семи книг стихов.

Член Союза писателей России.

Живет в Барнауле.

...
Я потерялся между строк
Своих вчерашних откровений,
И из оставшихся дорог
Избрал ведущую к деревне.
Где дом родительский и пядь
Земли, ухоженной не нами;
Где можно молча сострадать
Своей состарившейся маме.
И делать все, чтобы помочь,
Ни в чем друг другу

не перечить.

Покамест не затеплит ночь
Над кромкой бора звездных
свечек.

А спохватившийся туман
Луга и ближний лес укроет
И, словно добрый великан,
Привычно тишину утроит.
Тогда и я уединюсь,
Не торопясь ответитью.
И до утра вооружусь
Настоенным на травах чаем.
И, упираясь взглядом в стол,
Наброски строк перебирая,
Пойму, что так и не обрел
Отдохновенья в отчем крае;
Что потерялся, не сумев,
Избавиться от горькой славы,
На полдороге, захмелев,
В кругу попутчиков лукавых.
И наломал немало дров,
Не годных для любой

из печек...

И все ж благославляю кров,
Что и не ранит, и не лечит,
Но помогает жить и быть, -
Пусть для себя,
Но что-то значить. -
И прошлое не разлюбить,
И завтрашнее обозначить.

...
"Умом Россию не понять..."

Ф. И. Тютчев

Брат мой вчерашний, -
Сегодняшний брат, -
Встретимся ли?.. Не знаю.
Слишком недобрые зори горят,
К отмщенью, как видно, зывают.

Слишком рассветы мои глухи
И затяжны излишне.
Видно, и впрямь, велики грехи
Перед людьми и Всевышним...

Что же поделать,
Если как мог,
Отмеченный Божьим даром,
Я воспевал
Радость трудных дорог,
Не озаренных пожаром?..

Если пытался -
Не шепотком -
Вслух утверждать, что счастье -
Жить не по лжи, не под замком
Канувшей в Лету власти?!

Доутверждался!..
Куда ни пойдешь,
В каком ни присядь вагоне,
Все больше челночники
да "вожди",
Пусть мелкие, но в "законе"...

- Пена! - Ты скажешь. -
Да!.. Не народ.
Но душу гнетет и гложет:
Неужто в России
Неправ лишь тот,
Кто красть по-большому
не может?!

Во хмельном ли во дыму,
Иль по трезвости?..

Я ж - не голубь,
А поэт,
Не без искорки.
Для меня запретов нет -
Только вычерки.

Раз не эдак, два не так -
И любви конец,
Ибо все-таки русак,
А не выходец.

Не обязан в жизни сей
Быть при галстукке.
Принимать своих гостей,
Скажем, в "Балчуге".

До него, как до луны,
Может, далее...
У меня ж одни штаны
И сандалики.

Комнатенка - два на три,
Безковровая...
Словом, что ни говори,
Жизнь здоровая...

Мне Озолин позвонит:
- Как, мол, с печенью?..
- Приезжай!.. И отболит
Ближе к вечеру.

Объявись!
Винца попьем,
Как в "Астории".
Ясно дело - не вдвоем,
А с Историей.

Посидим, поговорим -
Есть пока о чем...
...Обопрусь я до зари
На его плечо.

Стукнет ветерок в забор
Иль в оконце мне...
Значит, был наш жаркий спор
И о Ельцине.

О собратях по перу
Без предвзятости...
Как им нынче на миру
В свете гласности?

Мне, друзьям,
Как большинству -
Ниже среднего.
Нас на радость меньшинству
До последнего

Похоронят, на вздохнув,
Без парадности.
В первый раз не упрекнув
В сытой праздности.

КАЛИНОВЫЙ КУСТ

Что Судьба?
Божий дар или воля
Незаемною жизнью жить?..
Были молодость, жар застолий
И Калиновый куст у межи

Между двух дорог:
В город дальний
И к привычной
крестьянской нужде, -
К вечным
молоту и наковальне,
К тайной зависти
и вражде...

И когда, -
Не вдруг в одночасье, -
Нужно было и мне решать,
На какой из дорог встретит счастье
Истомившаяся душа.

Выбрал ту,
Что и дальше, и круче,
У которой свой Бог, свой устав;
Чей исток от межи колючей
И Калинового куста,

Что остался в душе, как вежа,
Как начальная в списке строка
Обретений, потерь и успехов,
И витаний моих в облаках...

Как горел он!
Как звал к истокам,
К тем, единственным, но твоим,
В трудный час, словно бы ненароком,
Одарявших словом живым,

Полнокровным, глубинным, истым
В дни скитаний моих и учеб
На просторах под небом мгlistым,
В тесноте городских трущоб...

...Наскитался и нахлебался
Щей наваристых и пустых.
Жаль, во многом не состоялся,
Рад, что в главном своем не остыл

Ко всему,
Что во мне звучало,
Жгло, тревожило неспроста;
Что Судьбе положило начало
У Калинового куста.

Год Солженицына... Век Пастернака...
Господи!.. Как мы ущербны однако.

Задним числом память сердца латаем, -
Совість стреноженную обретаем.

Воспоминаньями души тревожим.
Но откровенными быть в них не можем.

Не потому, что, мол, прав не имеем, -
Все меньше - желаем... Все больше - не смеем.

Может, и смели б, да жизнь приучила
Чувств не скрывать, разве что на могилах.

Тех, из немногих, умевших и смевших
Глаза открывать нам в стране онемевших

Безумных ревнителей красного флага,
Что осенял нас в просторах ГУЛАГА.

И, навевая желанные сказки
От прибалтийских границ до Аляски,

Благославлял на царство-боярство
Ум, честь и совесть экс-государства...

Мне скажут: так было при старом режиме...
А тот, что маячит в румянах и гриме,

Пока что в программах думцев речистых,
Вчерашних и нынешних ленинцев истых,

Жизнь обещающих хлебной и млечной
Будет, надеетесь, человечней?..

Станислав ВТОРУШИН

ПУТЬ НА ГОЛГОФУ

2 марта по старому стилю исполняется 81 год со дня отречения от престола последнего российского императора Николая II. И если еще недавно сам факт отречения признавался величайшей победой прогрессивных сил, то теперь к этому событию относятся неоднозначно.

Не утихают споры и вокруг останков царской семьи, найденных в Екатеринбурге. Многие, в том числе и одна из последних близких родственниц Николая II княгиня Ольга Куликовская-Романова, утверждают, что нет полной уверенности в их принадлежности к царской семье. Вот почему эти останки до сих пор не захоронены.

История последних дней царской семьи до сих пор остается тайной. Она будет вызывать естественный интерес у русских людей еще долгие годы.

Ни один человек не отделим от истории своего народа. Я помню, как все перевернулось у меня внутри, когда директор Тобольского музея, закрыв на ключ дверь своего кабинета, слегка дрожащими руками достал из ящика письменного стола небольшой фотоальбом. Я никогда до этого не видел людей, изображенных на его фотографиях. Это было запрещено. Но, едва взглянув на снимок человека в военной гимнастерке с погонами полковника русской армии на плечах, я сразу узнал его. До сих пор не могу понять, что произошло со мной, но я ни на мгновение не сомневался в том, что на фотографии запечатлен последний император России Николай II. И никто не смог бы разубедить меня в обратном. Очевидно во мне заговорила память предков. Я не раз слышал, что в нужный момент она просыпается, и человек начинает видеть мир ее глазами.

Не говоря ни слова, я бережно взял альбом в руки. Это были последние фотографии последней семьи великой династии, которая находилась

у власти более трех столетий и созидала за это время величайшее государство мира. Я долго всматривался в каждую черточку этих удивительных лиц.

С первой страницы альбома на меня глядел полковник немного старше средних лет с красивыми, аристократическими чертами лица. Оно было полно сдержанного достоинства и мужества, которые невольно вызывали уважение. У полковника были удивительно умные светлые глаза, высокий лоб, аккуратный пробор на голове. Нижнюю часть его лица закрывала элегантная короткая борода.

Я долго рассматривал фотографию Государя, не решаясь открыть следующую страницу. Я знал, что глаза тех, кого увижу, с укором, раздирающим душу, будут вопрошать: за что же вы поступили с нами так чудовищно жестоко? Это был законный вопрос потому, что мы многие десятилетия разделяли идеологию их убийц. Мы все, в том числе и нынешнее поколение, несем ответственность за то, что произошло в Екатеринбур-

ге 16 июля 1918 года. Задержав дыхание, я перевернул первую страницу.

На следующей фотографии были изображены две красивые девушки в белых блузках и длинных черных юбках. Они сидели на подоконнике и, казалось, любовались своей красотой. Дальше была фотография мальчика в черной солдатской форме с погонами рядового. Потом снова те же девушки и с ними еще две в зимнем пальто.

- Великие княжны Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия и царевич Алексей, - негромко пояснил директор музея, но я уже понял это и без него.

- Как же удалось вашим людям более полувека хранить эти реликвии? - так же тихо спросил я.

- Мы никому не показываем альбом.

- Но ведь мне показали. И, очевидно, я не первый. Могут выдать.

- Пока не выдали, - сказал директор и потянул альбом у меня из рук. Но я уже не мог отпустить его до тех пор, пока не пролистал последнюю страницу.

Было это в марте 1975 года. Революционная идеология безраздельно господствовала в нашей стране. Все учебники называли последнего российского Императора не иначе, как кровавым, а его убийц борцами за светлое будущее всего человечества. Альбом же в корне опровергал это утверждение. Он доносил до нас красивых людей, полных изящества и благородства. И они, конечно, резко контрастировали с фотографиями тех, кто правил в России после них. С этой точки зрения альбом был опаснее самой откровенной антисоветской литературы. Но, увидев его, я понял, что история царской семьи будет теперь одним из главных интересов всей моей жизни.

Мне повезло. Уже через месяц в заполярном городе Надыме я встретил человека невероятной судьбы - графа Апполона Николаевича Кондратьева. Это был очень старый человек с узким длинным лицом, покрытом сетью мелких морщинок. Но у него были необыкновенно молодые голубые глаза и удивительно сохранившаяся память. Вспоминая события давних лет, он слегка наклонял голову, и тогда его высокий лоб казался еще больше.

В 1917 году он закончил Петроградский институт инженеров транспорта. Гражданскую войну пережил на юге России, в Крыму и Екатеринославле. После ее окончания поселился в Харькове, устроившись работать на железную дорогу. Прошлое свое не афишировал, хотя бояться вроде было нечего потому, что в политической борьбе не участвовал. Однако в 1929 году его арестовали по делу промпартии - контрреволюционной организации, которой, как теперь давно доказано, никогда не существовало. Присидел в тюрьмах и лагерях до 1938 года.

Освободившись, понял, что долго ему на воле жить не дадут. Так и случилось. Через несколько месяцев снова тюрьма. Не буду рассказывать всю его биографию, скажу только, что окончательную свободу он получил в 1952 году. Когда Кондратьев спросил, почему его так долго держали в заключении, ему ответили:

- Потому, что граф. А раз граф, значит сволочь, враг советской власти.

Апполон Николаевич Кондратьев строил железную дорогу, которую Сталин намеревался проложить вдоль Полярного круга от Воркуты до Чукотки. Освободившись, он остался на этой дороге вольнонаемным. Ехать все равно было некуда, ни родных, ни близких он не имел.

Мы говорили с графом о прошлом России. И я спросил, помнит ли он, как выглядел царь.

- А как же? - удивился граф. - Государь дважды останавливался в имении моего отца, когда ему приходилось ездить из Петербурга в Москву. Наше имение было под Тверью.

Сердце мое учащенно забилось, ведь я впервые встретил человека, который видел живым последнего Императора России. Правда, никаких особо ценных сведений я от него не услышал. Граф видел царя практически в семейной обстановке и помнит только, что тот был красивым и необыкновенно обаятельным человеком.

- Я тогда учился в гимназии, - говорил граф. - Иностранные языки давались мне с трудом. И меня поразило, что Государь свободно владеет сразу несколькими.

Но и эти сведения были важны потому, что они касались человека, которого вся советская литература характеризовала, как весьма ограниченного, злобного и невероятно жестокого по отношению к собственному народу. Все, что я узнавал, не вязалось с этим.

А потом у меня была поездка в Свердловск для завершения работы над большой документальной кинолентой о тюменских нефтяниках, которую снимала по моему сценарию Свердловская киностудия. Мне нужно было написать дикторский текст. Работа эта совершенно не творческая, но утомительная. Она продолжалась несколько дней. И вот однажды, когда я дошел уже почти до полного изнеможения, ко мне в комнату заглянул главный редактор студии. Присел на стул и начал расспрашивать о тюменских делах. Разговор незаметно перешел на Тобольск.

- А ведь там отбывала свою последнюю ссылку царская семья, - заметил главный редактор.

Я посмотрел ему в глаза, стараясь понять, что за человек сидит передо мной. Потом рассказал об альбоме, который видел в Тобольском музее. Главный редактор вдруг нервно заерзал на стуле, порывисто встал и сказал:

- Пойдемте, я вам кое-что покажу. Это совсем недалеко.

Мы вышли из здания киностудии и направились по широкой улице. Подошли к небольшому двухэтажному белому зданию с зеленой железной крышей. Зашли во внутрь, спустились по короткой лестнице в полуподвальную комнату. Она была почти пуста. В ней стояли стол, тумбочка, несколько стульев, на стене висели какие-то плакатики. Женщина, сидевшая за столом, вопросительно подняла на нас глаза.

- Извините, - сказал редактор, обращаясь к ней и одновременно показывая на меня. - Это гость нашего города и он очень просил меня показать место, где была убита царская семья. Она была убита в этой комнате, не так ли?

- Да, - ответила женщина. - Их убили здесь.

Я почувствовал, что у меня останавливается сердце. Неужели я стою на том же месте, где Янкель Юровский и его команда хладнокровно расстреливали из наганов, а затем добивали штыками царя, царицу, царевен, наследника российского престола и их слуг? Женщина что-то говорила, но я слышал не ее, а только стук крови в собственных висках. В этой комнате безумным, непонятным нормальному человеческому разуму способом была подведена черта под целой эпохой истории России и ее народа.

На ватных ногах я вышел наружу. Глотнув во дворе свежего воздуха, остановился и осмотрелся вокруг. Огромный город жил своей жизнью. Недалеке проносились машины, шли пешеходы. Я пытался представить, каким был тот день, когда в доме, находящемся за моей спиной, гремели выстрелы, и не смог. Спазмы сжимали горло. Особенно, когда вспоминал фотографии царевен, красивых и необыкновенно гордых даже на снимках, и лицо мальчика, одетого то в матроску, то в простую солдатскую форму, которому судьбой было начертано стать самодержцем России и не ставшего им. Ну ладно, царь, думал я. Но дети-то причем? Как же могла Россия дойти до того, чтобы разрешить изгоям поднять руку на царских детей? Разве не знал русский народ, что за это придется заплатить самой жестокой мерой? Ведь не зря же Эклезиаст говорил: время разбрасывать камни, и время собирать камни... Когда же все это началось?..

История пишется для того, чтобы из нее делали выводы последующие поколения. Какой же вывод из своей страшной истории должны сделать мы?

Я стоял во дворе дома, принадлежавшего купцам Ипатьевым, и перед моими глазами возникали картины прошлого.

...Перрон псковского вокзала был освещен большими электрическими фонарями. Солдаты и публика, собравшиеся около него, с нетерпением ждали

прибытия специального поезда из Петрограда. Они слышали о нем еще с утра. В поезде ехали два члена Государственной Думы - В. Шульгин и лидер партии октябристов А. Гучков. У них была трудная задача. Им предстояло встретиться с Государем и убедить его отречься от престола. Все зависело от решения царя. Согласись он оставить престол, и в России, по мнению многих, наступит мир. Если же царь откажется сделать это, может начаться гражданская война. Собравшиеся у перрона думали именно так.

Гостей из Петрограда ждала не только толпа. Едва они показались на подножке вагона, к ним подошел высокий генерал и, коротко поздоровавшись, произнес:

- Пойдемте.

Через несколько путей, в стороне от перрона, стоял ярко освещенный поезд. Представители Думы сразу поняли, что Император находится в нем. Они поднялись в вагон, посреди которого стояло несколько столов, стены вагона были обтянуты зеленым шелком. Вагон был пуст, если не считать генерала с седой головой и такими же седыми бакенбардами. Гучков и Шульгин сразу узнали его. Это был министр императорского двора барон Фридерикс.

- Государь в соседнем вагоне, - сказал барон. - Он сейчас придет.

В это время отворилась дверь, и в ее проеме появился Император. Лицо его было спокойно, но когда он подошел к представителям Думы, его левое плечо немного дернулось. Это был верный признак того, что Государь напряжен до предела. Он молча протянул руку сначала Гучкову, затем Шульгину. Оба они заметили, что всегда живые, искрящиеся особым светом голубые глаза Императора ввалились, под ними появились темные круги. Очевидно, он много пережил в последнее время. Государь жестом пригласил гостей за маленький столик.

Он первым сел на кушетку, прислонившись спиной к шелковой стене вагона. С той же стороны стола на некотором расстоянии от него сел барон Фридерикс. Члены Думы уселись напротив. Разговор начал Гучков.

Он готовился к этой встрече с того момента, когда Дума приняла решение о поездке к царю. И, казалось, обдумал каждое свое слово, каждый аргумент. Но когда начал говорить, речь его получилась торопливой, сбивчивой, словно он боялся, что не успеет высказаться до конца. Государь молча слушал, глядя куда-то вдаль и, казалось, не видел тех, кто сидел перед ним. А Гучков, уже немного прийдя в себя, рассказывал о беспорядках в Петрограде, о том, что в столичном гарнизоне открыто орудуя агитаторы и там некому навести порядок потому, что министр внутренних дел Протопопов от страха потерял себя.

Нарисовав картину неуправляемой столицы и уже почти неуправляемого государства, Гучков перешел к главному:

- Ваше Величество, мне очень трудно говорить об этом, - произнес он глуховатым тоном, - но нам кажется, - Гучков сделал особое ударение на слове "нам", подчеркивая тем самым, что это не только его собственное мнение, но и всей Думы, - что наилучшим выходом для России в данный момент было бы Ваше отречение от престола в пользу Наследника.

Гучков произносил эти слова и одновременно пытался поймать глазами взгляд царя. Но тот все так же смотрел куда-то мимо, словно происходящее в вагоне не касалось его. "Неужели он не понимает того, о чем я говорю?" - подумал Гучков.

Государь все понимал. Последние двое суток он не спал. Донесения из Петрограда и некоторых прифронтовых воинских частей шли одно тревожнее другого. В столице народ вышел на улицы, в полках солдаты арестовывали офицеров, требовавших от них исполнения дисциплины. Государь хорошо знал, что народ смертельно устал от войны. Но разве не устал от нее я, спрашивал он себя. Германия уже почти стоит на коленях. Еще одно совсем небольшое усилие - и она рухнет. И вот когда мы очутились на пороге победы, в государстве началась смута. За что же Бог послал мне и моему народу такие испытания, подумал царь. Он вспомнил предложение некоторых радикально настроенных генералов направить в Петроград верные войска и подавить бунтующих. Пусть придется расстрелять даже пятьдесят тысяч смутьянов, зато будет спасена Россия, говорили они. Но разве может царь отдать приказ расстреливать своих подданных? До какой степени безнравственности надо дойти, чтобы предлагать такое, думал Николай II. Нет, уж лучше отречься от престола, чем поднять руку на собственный народ. Да будет на все воля Божия.

Гучков уже давно кончил говорить, а царь молчал, словно не слышал из произнесенного ни одного слова. В вагоне повисла напряженная тишина.

- Ваше Величество, - произнес Гучков, снова пытаясь поймать глазами взгляд царя.

Но Государь не дал ему договорить.

- Я принял решение отречься, - сказал он. - До трех часов сегодняшнего дня я думал, что могу отречься в пользу сына Алексея. Но я переменял решение в пользу брата Михаила. Надеюсь, вы поймете чувства отца. Государь произнес это отрешенным тоном. И Гучков, и Шульгин неоднократно встречались с ним, но такого казенного его голоса не слышали ни разу. Однако дело было не в тоне, а сути заявления. Оно не имело под собой законной силы.

Государь не имел права отречься за своего сына Алексея. Это мог сделать только он сам по достижении совершеннолетия. И поэтому передача Николаем II российского престола своему младшему брату Михаилу была незаконной. Трудно сказать, сделал ли это Николай II умышленно, чтобы вопрос о престолонаследнике можно было поднять в последующем, или у него действительно не было выбора, но дело обстояло именно так. История не предоставила нам возможности разобраться в этом.

Гучков протянул Государю набросок отречения, составленный в комитете Государственной Думы перед тем, как депутация отправилась в Псков. Николай II взял в руки листок и встал. Все поднялись вместе с ним.

- Мне надо немного времени, - сказал Император и вышел в соседний вагон. Депутация Думы и два генерала, к которым во время разговора присоединился командующий Северным фронтом генерал Рузский, остались одни.

- Это было трудное решение, - произнес Рузский, и все поняли, что он говорит о Государе. - Вчера здесь была буря. Но генерал Алексеев убедил Императора, что другого выхода нет.

- Что теперь будет с Россией? - спросил барон Фридерикс.

Но этот вопрос повис в воздухе потому, что ответа на него не знал никто.

Вскоре дверь вагона отворилась и в него быстрым шагом вошел Государь. Он был совершенно спокоен.

- Вот текст, - произнес он и протянул Гучкову три телеграфных бланка.

На пишущей машинке на них было напечатано отречение. Гучков начал торопливо читать и сразу понял, что все написанное им заранее было невнятным лепетом по сравнению с теми словами, которые нашел царь для своего последнего обращения к народу. Вот этот текст:

"В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца. Жестокий враг напрягает последние силы и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России почли мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы, и в согласии с Государственной Думой признали мы за благо отречь-

ся от престола государства Российского и сложить с себя верховную власть. Не желая расстаться с любимым сыном нашим, мы передаем наследство нашему брату, нашему Великому князю Михаилу Александровичу и благославляем его на вступление на престол государства Российского. Заповедуем брату нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут установлены. Во имя горячо любимой Родины призываем всех верных сынов отечества к исполнению своего святого долга перед ним, повиновением царю в тяжелую минуту народных испытаний, помочь ему, вместе с представителями народа, вывести государство Российское на путь победы, благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России.

Николай".

Я никогда не читал более патристического документа, чем это политическое завещание последнего Императора России. В нем каждое слово пронизано любовью к Родине. Как хотелось бы нам сейчас услышать от нынешних правителей слова, которые произнес Николай II: "Во имя горячо любимой Родины призываем всех верных сынов отечества к исполнению своего святого долга перед ним..." Одна лишь эта фраза могла бы придать народу такие силы, каких не могут дать и сотни миллиардов иностранных займов. Но это всего лишь отступление...

Пробежав глазами текст отречения, Гучков произнес:

- Ваше Величество, мы хотели бы поговорить с Вами о Председателе Совета Министров.

- Кого вы думаете? - спросил Государь.

- Князя Львова.

Николай II, ожидая услышать какую угодно фамилию, только не эту, удивленно поднял брови и сказал:

- Ах, Львов? Хорошо - Львов.

Царю объяснили, что было бы хорошо, если бы это назначение было произведено им самим, Государь согласился. Он тут же взял листок бумаги, быстро написал распоряжение о назначении и подписал его.

Мог ли он предположить, какую роковую роль в его личной судьбе и судьбе России сыграет князь Львов? Ведь уже через пять дней новый Председатель совета Министров издаст распоряжение об аресте царя и его семьи. Не исключено, что Государь знал о главных чертах характера князя - стремлении к интригам, непопечливости, почти патологической трусости. Но в последние дни царю столько раз приходилось встречаться и с непопечливостью, и с трусостью, и с предательством, что он уже перестал обращать на это внимание. Что касается инт-

риг, то о них Государь просто не думал. Они окружали его всю жизнь. Но, подписав указ о назначении Львова, Николай II тем самым начал свой путь на Голгофу. Возможно он руководствовался поговоркой, которую в последнее время сделал для себя правилом поведения: "Все в руках Божьих".

Из Пскова Николай II возвратился в Царское Село, где находилась его семья, уже в положении арестанта. Офицер, стоявший у ворот Александровского дворца, встретил царя с папиросой в зубах и даже не вытащил рук из карманов брюк. Несмотря на это, Николай II, как офицер офицеру, отдал ему честь.

Государю не предъявляли никаких обвинений. Вместе с семьей он жил во флигеле Александровского дворца в окружении охраны. Начальником ее был назначен полковник Кобылинский, человек порядочный, имевший хорошее воспитание. Но в охране было немало людей, относившихся к царской семье агрессивнo-враждебно. Об этом можно судить хотя бы по такому эпизоду.

Однажды Николай II, любивший заниматься физическими упражнениями, ехал по парку на велосипеде. Вдоль дорожек парка на определенном расстоянии друг от друга стояли солдаты с винтовками, к которым были примкнуты штыки. Когда царь проезжал мимо одного из солдат, тот сунул ему штык между спиц заднего колеса. Государь упал на дорожку и до крови ободрал лицо. Охранник громко расхохотался. Увидев это, царевич Алексей заплакал и убежал в дом. Государь поднялся, отряхнул гимнастерку и брюки и, глядя на солдата, произнес:

- Бог тебе судья.

Кротость царя, его невозмутимое спокойствие в самые трудные минуты жизни поражали многих. Я думаю, тут сказывалась его величайшая интеллигентность. Он никогда не мог опуститься до уровня обидчика, ответить тем же.

Между тем, режим заточения становился все строже. Став главой Временного правительства, Керенский распорядился изолировать царя от семьи. Он мог встречаться с женой и детьми только один раз в день во время обеда.

В июне 1917 года большевики подняли вооруженное восстание. Это была уже вторая их попытка захватить власть. Первую, бескровную, они предприняли в апреле. Она оказалась неудачной. Вторая тоже потерпела поражение, вызвав при этом немало жертв. Временное правительство приняло решение об аресте вождей большевизма, в первую очередь Ленина, выдвинув им в вину шпионаж в пользу Германии.

Ленин вообще не думал, что ему удастся дожить до революции. И когда она началась в России, это стало для него полной неожиданностью. Он возвращался из

загородной велосипедной прогулки в Цюрих и на одной из улиц услышал крик мальчишки, продававшего газеты:

- В России революция! Русский царь отрекся от престола!

Ленин подскочил к мальчишке, выхватил из его рук газету и, увидев на первой полосе крупный заголовок о революции в России, почувствовал, как его начал бить озноб. Трясущимися руками он достал монету, рассчитался с продавцом и, сунув газету в карман, помчался в редакцию, чтобы узнать все подробности российских событий. Там ему сказали: "Да, действительно, сегодня все агентства передали, что в России произошла революция и царь отрекся от престола".

Сердце Ленина бешено колотилось. Он выскочил из редакции и полетел домой. Крупская о революции ничего не слышала.

- Надо немедленно собрать всех наших товарищей, - сказал Ленин, - в первую очередь Гришу (так он называл Зиновьева) и искать возможность попасть в Россию. Здесь мы не можем оставаться ни одной минуты.

Ленин никогда не чувствовал себя ни русским, как его отец Илья Николаевич Ульянов, ни евреем, как его мать Мария Израилевна Бланк. Он считал национальность буржуазным пережитком, давно поделив мир на классы. Классы эксплуататоров и классы эксплуатируемых. Россия, как и любая другая страна, была для него лишь полигоном для проверки собственной теории о пролетарской революции. Если бы эта революция началась не в России, а в Германии, он без колебаний отправился бы туда и, кто знает, может быть стал бы вождем немецкого пролетариата.

После отречения Императора от престола Ленин и его друзья начали искать возможность перебраться из Швейцарии в Россию. Проехать напрямую было нельзя, шла война, и путь пролегал через территории воюющих стран. Кружная дорога через Англию и далее морем до Мурманска тоже была опасной. Англичане могли арестовать большевиков, как врагов Антанты. Ведь они яростно выступали за поражение России, призывая русский народ превратить войну империалистическую в войну гражданскую. То есть вместо того, чтобы сражаться с немцами, начать убивать друг друга. Положение казалось безвыходным, но тут на помощь пришел Фриц Платтен - швейцарский социал-демократ-интернационалист (а, значит, сторонник превращения в России войны империалистической в войну гражданскую), имевший тесные контакты с немецкой разведкой. Он обратился в немецкое посольство с просьбой помочь большевикам. Сотрудник посольства, с которым встречался Платтен, был кадровым разведчиком. Он изложил беседу в

виде записки и с первой же дипломатической почтой переслал ее по назначению.

А вскоре состоялся разговор начальника германского генерального штаба Людендорфа с кайзером Вильгельмом II.

- Ваше Величество, к нам обратились русские революционеры с просьбой помочь им перебраться в Россию через территорию Германии, - сказал Людендорф.

- А почему мы должны им помогать? - удивился кайзер, резко обернувшись к Людендорфу.

- Они обещают, Ваше Величество, уже через несколько месяцев полностью разложить русскую армию.

- И вы верите им? - спросил кайзер, и на его лице появилась ироничная улыбка.

- Они способны на многое, - ответил Людендорф.

- Кто их возглавляет?

- Ленин.

Кайзер встал из-за стола, прошелся по комнате, остановился у высокого окна. Долго молчал, вспоминая, слышал ли он когда-нибудь эту фамилию, но так и не вспомнил ее. Потом, не оборачиваясь к Людендорфу, произнес:

- Им ведь надо не просто проехать через Германию...

- Да, Ваше Величество, - сразу понял, куда клонит кайзер, - ответил Людендорф. - Они просят денег для того, чтобы могли вести свою работу. Им нужно развернуть печать, наладить выпуск антивоенных и антиправительственных листовок, иметь средства, чтобы рассылать по фронтам агитаторов. Такая работа требует денег, Ваше Величество. Но она бывает иногда эффективнее многих военных операций.

Кайзер усмехнулся.

- Скажите мне, Людендорф, - иронично обронил он сквозь густые усы, - вы знаете хоть один пример в истории, когда кучке болтунов удалось разоружить целую армию?

- Нынешняя ситуация - особая в истории России. Ее правительство никогда не было таким слабым, как сейчас. Ленин обещает: если он придет к власти, немедленно заключит сепаратный мир с Германией.

- А вы не боитесь, Людендорф, что зараза революции может перекинуться к нам?

- У нас этих фанатиков намного меньше, чем в России, Ваше Величество.

Вильгельм II впервые за всю беседу с интересом посмотрел на Людендорфа. Если начальник генерального штаба говорит с такой убежденностью, значит он пришел к твердому решению. Очевидно данные, которыми он располагал о большевиках, неоспоримо свидетельствуют о том, что их можно с большой выгодой использовать в интересах Германии.

- Большая помощь им нужна? - спросил кайзер.

- Все будет зависеть от обстоятельств. Для начала, думаю, хватит двух-трех миллионов. Если дела у них пойдут хорошо, нам будет выгодно оказать им более существенную помощь.

- А как они собираются попадать в Россию?

- Через Швецию, Ваше Величество.

- Хорошо, пусть едут.

Русских революционеров отправили в запломбированном вагоне. Их было ровно тридцать человек. Вот полный список тех, кто устремился в Россию делать революцию (в скобках указан псевдоним): Ульянов Владимир Ильич (Ленин), Крупская Надежда Константиновна, Абрамович Мая Зеликовна, Айзенбунд Меер Кивович, Арманд Инесса Федоровна, Гоберман Моисей Вульфович, Гребельская Фаня, Кош Елена Феликсовна, Константинович Анна Евгеньевна, Линде Иоган Арнольд Иоганович, Мирингоф Илья Давидович, Мирингоф Мария Ефимовна, Морточкина Валентина Сергеевна, Пейнесон Семен Гершович, Погосская Буня Хемовна, Равич Сарра Нахумовна, Собельсон Карл Бернгардович (Радек), Радомысльская Злата Эвновна, Радомысльский Овсей-Гершен Аронович (Зиновьев), Радомысльский Стефан Овшевич, Ривкин Залман-Бэрк Осерович, Розенблюм Давид Мордухович, Вольдин Георгий Иосифович (Сафаров), Сквозно Абрам Анчилович, Слюсаревич Надежда Михайловна, Бриллиант Гириш Янкелевич (Сокольников), Сулиашвили Давид Сократович, Усиевич Григорий Александрович, Харитонов Моисей Моткович, Цхакая Михаил Григорьевич.

Пусть простит меня читатель за столь утомительный перечень, но список людей, отправившихся во главе с Лениным в запломбированном вагоне делать революцию в России, никогда не публиковался в советской печати. Да и сейчас его разыскать не так-то просто. Не все эти люди стали известны миру. Но такие, как Зиновьев, Радек, Сокольников, поднялись на самую вершину власти в большевистском правительстве, возглавляемом Лениным.

Через полтора года Людендорф, выбранный вместе с кайзером революцией из Германии, делает горькое признание: "Послав Ленина в Россию, наше правительство приняло на себя большую ответственность. То, что казалось разумным с военной точки зрения, привело к катастрофическим политическим последствиям".

А пока после провала вооруженного выступления в июне большинство из прибывших в запломбированном вагоне вынуждены скрываться от Временного правительства. Ленин с Зиновьевым укрылись в Разливе. Бросившая ради революции мужа и пятерых детей Арманд - в постели очередного любовника. Кое-кто попал в тюрьму, но после августовских событий, приведших к поражению, а затем аресту

генерала Корнилова, был выпущен на свободу, чтобы взяться за подготовку нового государственного переворота.

И Керенский, и его министры прекрасно сознавали всю слабость своей власти. Чтобы сделать ее сильнее, у них не хватало ни воли, ни твердости духа. Эта сила нужна была всего лишь на несколько месяцев, до 12 ноября - даты, на которую были назначены выборы в Учредительное собрание. Именно оно должно было положить конец двоевластию, определив государственный строй, при котором будет жить новая Россия. Но вместо того, чтобы распустить советы - незаконные формирования, оказывавшие огромное разрушительное воздействие на жизнь всего государства, Керенский, не послушавшись генерала Корнилова, всячески заигрывал с ними. Заложницей этой игры оказалась царская семья.

Давая гарантии царю в том, что он лично проводит его и его семью до Мурманска и посадит их на английский пароход, Керенский лгал с самого начала. Достоверно установлено, что он никогда не стремился сделать это. Керенский был заложником советов - второй власти, возникшей в России одновременно с Временным правительством. Нельзя забывать, что он был их выдвинутцем. Поэтому он все время лебезил, боясь вызвать критику с их стороны.

Большевики, между тем, с огромной энергией вели свою работу, разлагая в первую очередь тыловые части и население Петрограда. Они усиленно насаждали мысль о том, что пока жив царь, в России возможно возвращение монархии, а потому всячески раздували среди своих сторонников ненависть к царской семье.

В августе Керенский принял решение о переводе семьи Романовых из Царского Села в Тобольск. Решение это для многих, в том числе и для самого царя, оставалось тайной до самого последнего момента. Но почему именно в Тобольск? Царица Александра Федоровна, ссылаясь на нездоровье детей, которые в то лето тяжело болели, просила отправить их в Крым. Керенский проигнорировал эту просьбу. Позже, уже в эмиграции, он заявил о том, что дорога на юг для царской семьи была опасна. Она проходила через крупные промышленные центры, пролетариат которых враждебно относился к царю. Аргумент не выдерживает никакой критики потому, что и на восток дорога пролегала через такие же центры. Однако на царскую семью, когда она проезжала через них, никто не обратил внимания даже из любопытства.

Я вижу две причины ссылки царской семьи в Тобольск. Первая была нравственной категории. Сибирь всегда считалась царской ссылкой, многие революционеры прошли через нее. Керенский,

также относивший себя к революционером, хотел, чтобы царь, как говорится, на собственной шкуре испытал, что такое Сибирь. Конечно, это было жалкое тщеславие человека, неожиданно попавшего из грязи в князи. Но таков уж был глава Временного правительства. У ничтожной природы и тщеславие было соответствующим.

Второй причиной ссылки в Тобольск были все те же Советы. Керенский все время находился под их давлением и боялся неосторожным шагом вызвать неудовольствие дорвавшихся до власти представителей толпы. Отправить царскую семью на юг, значит дать повод говорить о том, что Временное правительство симпатизирует бывшему самодержцу. Боязнь эта была настолько великой, что Керенский направил сопровождать царскую семью в Тобольск представителя царско-сельского совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов прапорщика Ефимова. По возвращении в Царское Село он должен был доложить Совету о том, что семья благополучно прибыла на место ссылки и ее охрана организована надлежащим образом.

Нет нужды рассматривать версии о том, что какие-то люди якобы готовили побег семьи Императора из Тобольска. Ни одна из них не получила достоверного подтверждения. Кроме того, все они распространялись большевиками и одно это уже вызывает полное недоверие к ним. Большевикам нужно было найти хоть какое-то оправдание для убийства одиннадцати человек.

В конце августа 1917 года произошла последняя попытка спасти в России государственную власть. За это взялся Верховный главнокомандующий Лавр Георгиевич Корнилов. Он отдал приказ войскам двинуться на Петроград и силой оружия очистить его от Советов, которые всего за несколько месяцев принесли России столько несчастья. Выступление Корнилова было полностью согласовано с Керенским. Но Богу было угодно, чтобы оно не состоялось. Для этого он послал в ставку Корнилова князя Львова.

Трудно сказать, какие цели преследовал Львов, но он сыграл одну из самых гнусных ролей в истории нашего отечества. Вернувшись от Корнилова, он заявил Керенскому, что Верховный главнокомандующий хочет установить в стране личную диктатуру, для чего намерен арестовать Временное правительство. Правда, в новом руководстве России он собирается предоставить Керенскому пост министра. Это была тонкая и расчетливая игра на болезненном самолюбии Керенского.

На самом деле все было наоборот. Единственной целью выступления Корнилова являлась передача всей полноты власти в руки Временного правительства и предоставление ему свободы действий

в своих решениях. Никакой новой роли в руководстве Россией Корнилов для себя не видел, ему было достаточно той должности, которую он занимал.

В создавшейся ситуации у Керенского была возможность встретиться с Корниловым и получить ответы на все возникшие вопросы. Но вместо этого Керенский тут же объявил Главнокомандующего мятежником, собрал заседание правительства и потребовал для себя диктаторских полномочий, которые позволили бы ему подавить мятеж. Такие полномочия были получены. Верный присяге Корнилов тут же отдал приказ войскам остановиться. Они так и не дошли до Петрограда.

Так был открыт большевикам путь к власти. Через два месяца они взяли ее без единой жертвы со своей стороны. Диктаторские полномочия не помогли Керенскому не только защитить Россию, но и самого себя. Скрываясь от большевиков, он вынужден был натянуть форму сербского солдата, которая и помогла ему добраться до Мурманска. У опереточного диктатора опереточным оказался и конец диктатуры.

Октябрьские события в Петрограде поначалу никак не повлияли на положение тобольских узников. Не была смещена даже охрана, сформированная Временным правительством. Большевикам было не до этого. Они стремились как можно быстрее укрепить свою власть, для чего им требовалось создать мощнейший репрессивный аппарат. Ведь уже на следующий день после переворота Ленин заявил: "Всякая революция только тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться". А потребность в защите была огромная.

Большевики не сумели помешать выборам в Учредительное собрание, состоявшееся, как и намечалось, в ноябре 1917 года. Втайне они надеялись на поддержку народа. Тем более, что после переворота вся власть находилась в их руках. Но истина была в другом. Большинство народа не поняло и не приняло их политики экстремизма. В Учредительном собрании большевики не сумели получить и трети депутатских кресел. В этих условиях оставалась одна тактика - тянуть время, затягивать сроки созыва Собрания. Потому, что время работало против него, давая Советам возможность еще более укреплять свои позиции.

Наконец 5 января 1918 года Учредительное собрание все же было созвано. Печальный конец этого первого законно избранного в России парламента общеизвестен. Большевики разогнали его. И, к своему удивлению, ни с чьей стороны не встретили сколько-нибудь заметного отпора. После этого они поняли, что вся власть в стране окончательно перешла в их руки. Для полной свободы действий

внутри страны Ленину оставалось лишь заключить сепаратный мир с немцами. В марте 1918 года он заключил его в Бресте. Теперь можно было заняться и царской семьей.

Сейчас документально доказано, что организатором и дирижером всей акции, связанной с убийством царской семьи и последовавшей с этим кампанией по дезинформации российского и мирового общественного мнения, был председатель ВЦИК Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, ученик аптекаря, правая рука Ленина Свердлов. Вся операция была тщательно продумана и достаточно эффективно организована.

Во второй половине апреля 1918 года в Тобольск вместе с небольшой группой красноармейцев был направлен чрезвычайный комиссар В. Яковлев. Все его документы были подписаны лично Свердловым. Яковлеву поручалось переправить царя вместе с семьей в Москву. Но чрезвычайный комиссар и сам не знал, что Свердлов с иезуитской хитростью использовал его, как ширму, в своих злодейских делах.

О Яковлеве известно очень мало. Те, кто встречался с ним, подчеркивали, что это был интеллигентный человек, знавший иностранные языки и умевший как достойно вести себя с Государем, так и усмирять уже сильно заразившихся большевизмом солдат охраны. Свой путь по бурным волнам революционной России он закончил в рядах белой армии. Но даже такой опытный и тонкий человек, как Яковлев, не смог раскусить коварства Свердлова.

Новый комиссар прибыл в Тобольск 22 апреля. В его душе уже возникло предощущение беды. Незадолго до этого в Тобольск приезжали екатеринбургские чекисты во главе с учеником часового мастера Янкелем Юровским. Они требовали перевести царскую семью из губернаторского дома, где она содержалась, в тюрьму. Но отряд особого назначения, охранявший царя, прогнал их. Между тем, в самом отряде шел раздор. Многие его солдаты перешли на сторону большевиков.

Яковлев понимал, что в Москве царской семье будет значительно безопаснее, чем в Сибири. Там вся ответственность за жизнь Романовых ляжет на центральное правительство. Кроме того, в Москве немало дипломатических миссий. И немцы, и англичане смогут пожелать увидиться с членами семьи. И если это будет сделано, появятся хоть какие-то гарантии, что с детьми не произойдет самое худшее. Да и с царем и царицей расправиться в Москве будет гораздо труднее, чем здесь. Яковлев торопился.

Но положение осложнялось тем, что у царевича Алексея, болевшего, как известно, гемофилией (несворачиваемостью

крови), был острый ее приступ. У него опухли колени, сильно поднялась температура, он не мог двигаться. В такие периоды мальчик испытывал страшную боль и ни о каком его переезде не могло быть и речи.

В этой ситуации Яковлев решил увезти одного царя, оставив семью в Тобольске. Кто знает, если бы Государя и его близких разлучили с самого начала, может быть кто-то из детей и остался бы в живых. Но Богу было угодно сделать так, чтобы каждый из них испил свою горчайшую чашу до дна.

Государыня не решилась отпустить Императора одного. Она поехала с ним и взяла с собой дочь, Великую княжну Марию.

26 апреля в четыре часа утра все трое отправились на лошадях в свою последнюю дорогу. Их сопровождали несколько приближенных. Вместе с красноармейцами Яковлева в качестве охраны в дорогу отправились восемь человек из отряда особого назначения.

Вечером 27 апреля смертельно уставшая кавалькада прибыла на тюменский вокзал. Там их ждал не только специальный поезд, но и большой отряд екатеринбургских чекистов во главе со своим начальником Юровским. Последний заявил, что узники должны быть доставлены в Екатеринбург. Яковлев сразу понял все.

Используя мандат, подписанный Свердловым, он сказал, что не подчинится этому распоряжению. Оставив своих людей охранять царя, он дал команду машинисту паровоза следовать в Омск. Машинист выполнил приказание, но в поезд вместе с людьми Яковлева сели и чекисты. Доехать до Омска не удалось. Юровский успел известить о случившемся екатеринбургскую ЧК. На станции Куломзино поезд был остановлен и окружен отрядом красноармейцев. Однако Яковлев не сдавался. Он сказал, что выполняет приказ Свердлова и только тот может отменить его.

Начались долгие переговоры. Наконец красноармейцы отцепили паровоз и повезли на нем Яковлева в Омск для переговоров по прямому проводу со Свердловым. Председатель ВЦИК заявил Яковлеву, что его миссия считается законченной. Узники должны быть переданы под охрану Юровскому.

- О судьбе царя можете не беспокоиться, - заявил Свердлов. - Я несу личную ответственность за его жизнь.

30 апреля поезд прибыл в Екатеринбург. Государя, императрицу и Великую княжну Марию Николаевну под усиленной охраной отвезли в место их последнего заточения - дом Ипатьевых.

23 мая в этот же дом были доставлены дети Государя - Великие княжны Ольга, Татьяна, Анастасия и царевич Алексей.

Теперь жизнь их всех находилась в руках трех человек - председателя Екатеринбургского совета Александра Георгиевича Белобородова, комиссара Шаи Исаковича Голощекина и начальника ЧК Янкеля Хаимовича Юровского.

Всей этой троице, каждый из которой был близко связан со Свердловым, и предстояло подготовить версию, обосновывавшую необходимость убийства царской семьи. Свердлов торопил. По его вызову в Москву приехал Шая Голощекин. 12 июля он вернулся в Екатеринбург с приказом об уничтожении Императора и его детей. Но всю ответственность за это должен был взять на себя екатеринбургский совет. Руководство убийством поручили Юровскому.

Он готовился к этому заранее. Едва царская семья прибыла в Екатеринбург, Юровский тут же сменил всю охрану. Новая состояла в основном из подонков. Один из них перед самым октябрём 1917-го был осужден за изнасилование восьмилетней девочки. Большевицкая власть освободила его из тюрьмы и призвала под знамена ЧК. Другой имел страсть прислоняться ухом к двери уборной и слушать, когда туда заходила какая-нибудь из Великих княжон. Третий постоянно крал вещи царской семьи. И вся охрана в целом упражнялась в писании на стенах нецензурных надписей и изображении похабных сцен. Юровский молчаливо поощрял это. Ему доставляло удовольствие держать царскую семью в постоянном нервном напряжении. Самый лучший способ для этого - непрерывные мелкие пакости. Сам он старался не делать их открыто, но однажды не выдержал.

Дочери Государя, как и полагается царевнам, были девушками с высоким чувством собственного достоинства. Они вели себя с Юровским так, словно его не было вовсе. Особенно гордой казалась ему семнадцатилетняя Анастасия, одна из самых красивых царевен. На следующий день после того, как Голощекин привез приказ из Москвы об убийстве, Янкель Юровский шлепнул Анастасию сзади, когда она проходила мимо него через комнату охраны. Произошло это непроизвольно. С тех пор как Юровский стал охранять царскую семью, его нервы были напряжены до предела. Он ненавидел Романовых так, как только может человеческое существо ненавидеть себе подобного. Ненавидел их за образованность и дворянские манеры, за их безукоризненную выдержку, за то, что он, имея неограниченную власть над жизнью людей, при виде Романовых невольно чувствовал себя лакеем. Самым противным было то, что он никак не мог перебороть это чувство.

Юровский внимательно наблюдал за действиями высочайших особ, и многое в их поведении казалось ему совершенно не понятным. Так, в первый же день по

прибытии царской семьи в Екатеринбург он отобрал у царицы и ее дочерей все драгоценности, кроме тех, которые они носили на себе, описал и сложил в сундучок. Каждый день он открывал его, перебирал золото и бриллианты и даже не замечал, как при этом дрожат его руки. Его поразило, что Императрица и Великие княжны отдали драгоценности безропотно, даже не спросив, что с ними будет. В сундучке лежало несколько сотен, а они расстались с этим богатством, как с изношенными вещами. И даже не взглянули при этом на Юровского. Он был не просто оскорблен - унижен до глубины души. Он не верил в то, что они не чувствовали в нем своего палача. Человек, как и любое другое живое существо, инстинктивно ощущает, откуда идет смертельная опасность. Но в отличие от животных он может умело скрывать свои чувства. Именно это, по мнению Юровского, и делали царевны.

Чтобы вывести царских дочерей из себя, он приказал чекистам, сопровождавшим их до уборной, находящейся во дворе, спрашивать, зачем они идут туда и, впустив в уборную, прислоняться спиной к дощатой двери. Если бы такое делали с самим Юровским, это было унижительным даже для него. Но царевны и здесь не обронили ни слова. Ни царь, ни они не пожаловались и на то, что чекисты стали рисовать на стенах комнат похабные сцены. А ведь казалось, уж что-то, а это-то должно было оскорбить их царское достоинство. Но они как будто не замечали издевательств. Это было выше понимания Юровского и доводило его до бешенства. Но он тоже умел скрывать свои чувства.

Однако всему есть предел. Когда Юровский узнал от Голощекина о том, что Янкель, как они называли между собой Свердлова, распорядился убить семью, нервы его не выдержали. Шлепнув ладонью проходящую мимо него Великую княжну Анастасию, он сам оторопел от содеянного. Понял, что поступком руководило не сознание, а душа, радующаяся предстоящему делу.

Чекисты, видевшие все, замерли, ожидая развязки. Кое-кто из них тут же смекнул, что если это сойдет Юровскому с рук, он может себе позволить по отношению к княжнам и нечто большее. Юровский тоже ждал реакции царевны. Самое гнусное, что она может сделать, это дать ему пощечину, думал он. Но то, что произошло, ужаснуло его.

Юровский увидел, как Анастасия задохнулась от страха и ярости одновременно. Страх пронизал ее всю от пяток до макушки. Но это был страх не за себя. В глазах Анастасии Юровский прочитал: если эта мразь, это человеческое ничтожество, никого не стесняясь, посягнуло на русскую царевну, что же оно может сделать с русским народом? Царев-

на готова была дать ему по его толстым губам своими маленькими кулачками, но понимала, что это будет для него только наградой. Она сделала другое. Остановившись посреди комнаты, Анастасия смеялась Юровского таким презрительным, уничтожающим взглядом, что он невольно втянул голову в плечи и отступил к дверям. Холопская привычка угодить сильным настолько ввелась в его кровь, что в этот момент оказалась сильнее разума. Но что еще больше поразило Юровского, так это поведение охраны. Она готова была аплодировать царевне. "Подонки", - подумал он о них, и решил, что в этот момент лучше всего немедленно исчезнуть из комнаты.

С этой минуты он еще больше возненавидел царскую семью. Одновременно он понял, что ее убийство нельзя доверять никому из нынешней охраны. Несмотря на то, что людей в охрану Юровский набирал сам и каждый из них доказал свою полную аморальность, в душе они все-таки чувствовали свою принадлежность к России. Убийством царя и его семьи подводилась черта под многовековой эпохой русской истории. Это был акт, на который мог отважиться далеко не всякий, даже морально разложившийся русский человек. Он не мог не понимать, что, совершая тяжчайший грех перед совестью и Богом, навсегда войдет в историю как царе- и детоубийца. Вот почему ликвидация семьи состоялась не сразу после того, как Голощекин привез приказ от Свердлова, а через четыре дня.

Белобородов, Голощекин и Юровский должны были предусмотреть все детали убийства, в том числе подыскать место для уничтожения трупов и транспорт для их перевозки. Сразу же было решено, что вместе с царской семьей необходимо убить и прислугу - врача, повара, горничную и камердинера. Свердлов сказал: не должно остаться ни улики, ни свидетелей. Это приказ самого "старика". Шая понял, что речь идет о Ленине.

Екатеринбургская тройка два дня искала место, где можно было бы спрятать трупы одиннадцати человек. Наконец в пятнадцати верстах от города около деревни Коптюги нашли заброшенную шахту. Она находилась в стороне от дороги, за небольшим болотцем. Шахту и прилегающую к ней местность тщательно осмотрели и остались довольны. Убийство назначили на одиннадцать часов вечера 16 июля. Голощекин сообщил об этом в Москву и просил подтвердить, остается ли в силе отданный ему приказ. В тот же день от Свердлова пришла телеграмма с подтверждением.

Для выполнения приказа Юровский привел в дом Ипатьевых специальную команду из латышей и мадьяр. Но были в

ее составе и трое русских. Это подручный Юровского Медведев и чекисты Никулин и Ваганов. Правда, последние непосредственного участия в убийстве не принимали.

Юровский продумал план, который должен был исключить любую случайность. Он разоружил внутреннюю охрану, поскольку ни в чем не доверял ей, и спрятал оружие. Охрану, стоящую у ворот и высокого забора, окружавшего дом, предупредил, чтобы не обращала внимания на выстрелы, которые может услышать. Особое внимание он уделил полуподвальной комнате, в которой предстояло совершить убийство.

Два дня назад по его приказу на ее единственное окно, выходящее во двор, навесили решетку. Юровский решил, что свои жертвы он поставит у стены, противоположной окну. Комната была слишком тесной для двадцати двух человек - одиннадцати убийц и одиннадцати жертв - поэтому стрелять можно будет только из револьверов. Для того, чтобы пули не ricochetили, Юровский предусмотрительно поставил перед ней дощатую стенку. А затем собственноручно оклеил ее обоями. На них Юровский написал двустишие из стихотворения Гейне о царе Вальтасаре, оскорбившем бога Иегову и убитого за это. Он помнил это стихотворение еще с тех пор, когда ходил в школу. Юровский хотел, чтобы уничтожение царской семьи выглядело не просто убийством.

В двенадцать часов ночи он вошел в комнату Государя. Тот ни чем не выдал своего удивления.

- В городе стреляют, - сказал Юровский. - Поэтому я прошу вас одеться и спуститься вниз. Пули могут залететь в вашу комнату. Никаких выстрелов царь не слышал. Но он молча исполнил приказание.

Тускло светила лампочка в коридоре. Впереди шел Юровский, за ним Государь, несший на руках больного царевича Алексея, затем царица Александра Федоровна и дочери Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия. Колонну жертв замыкала прислуга - врач Боткин, горничная Демидова, повар Харитонов и камердинер Трупп. Последний путь последних представителей самого известного русского рода, имевшего перед собой в течении всего трехвекового правления только одну цель - создание могущественной империи, с которой вынуждены были считаться все государства мира. Им удалось создать такую империю.

Юровский завел их в комнату и поставил к деревянной стенке. Царица спросила: - Что и стульев не будет? Куда же мы сядем?

И снова Юровский по лакейской привычке сначала низко согнул голову, затем вышел. Царь и его семья стали рассматривать комнату. Государь уже догадывался, зачем их сюда привели, поэтому при-

жимал к груди лежавшего у него на руках Алексея. Мальчику снова нездоровилось и когда Николай видел его в таком состоянии, у него сжималось сердце. Сына царь любил больше своей жизни.

Царица, повернувшись к деревянной стенке, увидела надпись из стихотворения Гейне. В комнате, как и коридоре, лампочка была тусклой, но она прочитала ее. Наклонившись к Государю, Александра Федоровна шепотом пересказала ему двустушие. Ее поразило, что Николай никак не отреагировал на это. Он лишь посмотрел на сына и еще крепче прижал его к себе. Ему хотелось, чтобы мальчик, как и положено царям, умер без страха. Сердце Николая кровоточило, однако лицо его было спокойным.

В комнату вошел Юровский с двумя стульями в руках. На один села царица, на другой Николай посадил Алексея. Сам встал за спинку стула и положил руку на плечо сына. Справа от него встала дочь Мария, слева - дочь Анастасия. Татьяна и Ольга встали за спиной матери.

Юровский снова вышел. В соседней комнате собралась вся команда убийц - десять человек. Восемь из них были вооружены револьверами, двоим Юровский выдал винтовки со штыками.

- Повторяю еще раз, - тихо произнес Юровский, - целиться прямо в сердце, чтобы потом не добивать. Каждый знает в кого надо стрелять. Николая и Анастасию не трогать. Это - мои. И он повернулся к двери. Команда, стуча сапогами, направилась за ним.

Царская семья и ее прислуга находились на том же месте и в тех же позах, как их оставил Юровский. Он понимал, что настал величайший момент в его жизни. Он ждал этого с того самого дня, когда Белобородов и Голощекин направили его в Тюмень, чтобы доставить в Екатеринбург царскую семью. Юровский сразу понял, для чего это было нужно. С тех пор для него существовало ни жены, ни детей, ни старухи матери. Одна страсть всепоглощающе владела им: увидеть кровь царя и его наследников. Юровский прекрасно понимал историческую глубину этого акта. Они не раз говорили об этом с Голощекиным. Он знал, что пуля, которую он сейчас пошлет в сердце царя, навсегда впишет его имя в историю России. Она навеки прославит его и даст возможность поставить последнюю точку в завоевании большевиками России. Пока жив царь, победа не может быть полной и окончательной. Вот почему Юровский чувствовал себя новым мессией.

Он давно продумал слова, которые хотел бросить царю в лицо перед тем, как нажать на спусковой крючок нагана. Это были даже не слова, а маленькая и, как казалось Юровскому, совершенно неотразимая речь, призванная обличить все самодержавие, всю трехсотлетнюю эпо-

ху правления семьи Романовых. Но когда он встал перед царем, все заранее приготовленные слова вылетели у него из головы. Вместо речи Юровский произнес всего три слова. Но и они вошли в историю.

- Принуждены вас расстрелять! - громко, нервно и как-то совершенно плоско выкрикнул он.

Николай, все так же держа руку на плече Алексея, повернулся к дочерям, стараясь придать им силу духа своим взглядом, но именно в этот момент Юровский выстрелил. Царь со стуком упал на пол. Началась беспорядочная стрельба. Юровский видел, как Анастасия пыталась защитить грудь подушечкой, которую принесла с собой. Лицо ее было бледным и необычайно красивым даже в эту ужасную минуту. Но Юровский обратил внимание не на лицо, а на большой бриллиантовый перстень, блеск которого на среднем пальце Великой княжны. На долю секунды их взгляды встретились и Юровский, к своей радости, заметил в ее глазах ужас. Но это снова не был страх перед смертью. Анастасия видела, как на полу в конвульсиях бьется истекающий кровью Алексей. И тут Юровский изменил решение. Ему захотелось увидеть не мертвую Анастасию, а ее агонию. Он выстрелил ей в живот. Она вздрогнула, чуть-чуть опустилась на согнутых коленях, но не упала, а продолжала стоять. Юровский, не отводя глаз от ее лица, выстрелил снова. Анастасия прижала руку к животу, сквозь ее пальцы сразу же выступила кровь, но она продолжала стоять все также прямо. Тогда он выстрелил третий раз, теперь уже в грудь. Княжна опрокинулась на спину и упала на пол. И тут Юровский заметил, что царевич Алексей все еще бьется в конвульсиях. Он сделал шаг к нему и, наклонившись, дважды выстрелил в голову.

Комната была полна порохового дыма, в ней поднимался приторный и такой знакомый Юровскому запах крови. Ей были забрызганы стены, залит пол. Кровь попала на лицо и губы самого Юровского. Это была кровь царевича.

Юровский стоял в каком-то полубессознательном состоянии. Он видел, как команда бросилась к царице и княжнам и начала снимать у них с пальцев, срывать с одежды драгоценные украшения и прятать их по карманам. Когда один из латышей попытался снять так приглянувшийся Юровскому бриллиантовый перстень с руки Анастасии, она застонала и стала приподниматься на локте. Юровский почувствовал, что волосы на его голове встают дыбом. Но он тут же пришел в себя.

- Добей ее! - крикнул он латышу.

Тот размахнулся и со всей силы вонзил в грудь Анастасии штык. Потом вытащил его и ударил снова. Из уголка губ Великой княжны потекла тонкая струйка

крови и она затихла. Юровский подошел к ней и сам начал стаскивать с пальца перстень. Он не поддавался. Тогда он распрямылся и произнес:

- Все драгоценности немедленно сдать мне. Тут же, в этой комнате!

И перешагивая через трупы, начал обходить чекистов, требуя отдать кольца, серьги, броши, кулоны, которые те считали своей законной добычей. Если бы они знали, что ее придется отдать, некоторые из них отказались принимать участие в убийстве. Но Юровский был неумолим и драгоценности пришлось вернуть.

Убитых вынесли во двор, уложили в грузовик и, прикрыв сукном, чтобы никто из случайных прохожих не увидел страшного груза, повезли к деревне Коптюги в урочище Четырех братьев. Там Юровский достал из кармана перочинный нож и отрезал у Анастасии палец с перстнем. Перстень положил себе в карман, а палец выбросил за борт машины. Так трагически закончилась история величайшей династии мира.

Разбирая документы, связанные с последними днями жизни царской семьи, следователь адмирала Александра Васильевича Колчака по особо важным делам Николай Алексеевич Соколов нашел в книге, принадлежавшей старшей дочери Императора Великой княжне Ольге Николаевне два стихотворения. Они были написаны ей за несколько дней до убийства. Я не могу не привести одно из них. Стихотворение называется "Молитва".

Пошли нам, Господи, терпенье
В годину бурных, мрачных дней
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей.
Дай крепость нам, о Боже правый,
Злодейство ближнего прощать
И крест тяжелый и кровавый
С твоею кротостью встречать.
И в дни мятежного волнения,
Когда ограбят нас враги,
Терпеть позор и оскорбленье,
Христос Спаситель, помоги.
Владыка мира, Бог вселенной,
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной
В невыносимый страшный час.
И у преддверия могилы
Вдохни в уста твоих рабов
Нечеловеческие силы
Молиться кротко за врагов.

Стихотворение написано не поэтом, но в нашей литературе отыщется немного строк, которые могли бы подняться до таких вершин самой высочайшей поэзии. Оно потрясает силой своего эмоционального воздействия благодаря единственным словам, найденным для выражения душевного состояния человека. Их мог родить или гений, или сердце, распахнутое навстречу всему миру и вдруг осознавшее, что оно должно сделать после-

дние удары. Стихотворение, написанное по дороге на эшафот, как нельзя лучше характеризует нравственные качества всей семьи Романовых.

В убийстве царской семьи сегодня многих потрясает именно моральный аспект содеянного. Вот почему историки-интернационалисты и обслуживающая их пресса делают все возможное, чтобы вину за убийство свалить на непосредственных исполнителей. Они готовы пожертвовать и Голощекиным, и Юровским лишь бы обелить непосредственных организаторов гнуснейшего злодеяния. Но историю обмануть нельзя. Истинные факты все равно всплывут наружу, хотя кому-то они могут показаться неудобными. Вот, например, что свидетельствует по поводу убийства царской семьи ближайший друг и помощник Ленина Лев Троцкий.

"В один из коротких приездов в Москву - за несколько недель до казни Романовых - я мимоходом заметил в Политбюро, что ввиду плохого положения на Урале следовало бы ускорить процесс царя. Я предполагал открытый судебный процесс... Следующий мой приезд в Москву выпал уже после падения Екатеринбурга. В разговоре со Свердловым я спросил мимоходом:

- Да, а где царь?
- Конечно, - ответил он, - расстрелян.
- А семья где?
- И семья с ним.
- Вся? - спросил я.
- Вся, - ответил Свердлов, - а что? Он ждал моей реакции. Я ничего не ответил.
- А кто решал? - спросил я.

- Мы здесь решали. Ильич считал, что нельзя оставлять им живого знамени, особенно в нынешних трудных условиях". (Л. Троцкий. "Дневники и письма", "Эрмитаж", стр. 100-101).

Что приобрела и что потеряла Россия, а вместе с ней и все мы с того дня, когда была убита царская семья? Лучше всего об этом сказал Уинстон Черчилль два года спустя после октябрьского переворота. Выступая в палате общин 5 ноября 1919 года, он заявил:

"Большевики одним ударом украли у России два ее наиболее ценных сокровища: мир и победу. Ту победу, которая уже была в ее руках, и тот мир, которого она более всего желала. Немцы послали Ленина с обдуманном намерением поработать на ее поражение. Не успел он прибыть туда, как стал приманивать подозрительных субъектов из тайных убежищ Нью-Йорка, Глазго, Берна и других стран. И он собрал воедино руководящие умы могущественной секты. Самой могущественной во всем мире. Окруженный этими силами, он стал с демоническим усилием разрывать на куски все, на чем держалось русское государство и русский народ. Россия была повержена, Россию нужно было повергнуть. Ее страдания намного ужаснее, чем о них

пишется, и у нее украли место, по праву принадлежавшее ей среди великих народов мира".

Трагедия 1917 года привела к катастрофе государства. Произошло тотальное разрушение основ существования нации. От величайшей и богатейшей империи, полученной большевиками в наследство от императорской власти, сегодня остался небольшой осколок, на территории которого практически полностью исчезло национальное самосознание народа, не ставящего перед собой никакой другой цели, кроме элементарного стремления выжить. 25 миллионов русских оказались вообще за пределами своего Отечества.

Сможем ли мы опять подняться до тех вершин, которые занимала в мире императорская Россия? На этот вопрос, пожалуй, не сумеет ответить никто. Прежде, чем начать возрождение, нам нужно сначала осознать себя нацией. Сегодня мы представляем из себя людей, волею случая оказавшихся на одной территории. У нас нет никаких объединяющих начал - ни религии, ни общей цели, ни даже представления о том, каким бы мы хотели сделать свое государство. Мы разъединены на белых и красных, на демократов и патриотов, на западников и евразийцев, на тех, кто стремится возродить Россию и тех, кто хочет за ее счет набить карман и пере-

браться в края с более устойчивым политическим и экономическим климатом. Разрушать всегда легче, чем строить. Разрушив все, мы поставлены перед необходимостью создавать свое государство с первого камня, с его основ.

Люди, находящиеся в нашей стране у власти, много говорят о примирении. Если мы действительно стремимся к этому, то начать примирение надо хотя бы с того, что признать правоту как белых, так и красных. И те, и другие погибли за ту Россию, о которой мечтали. Но ни тем, ни другим не удалось осуществить своей мечты. Для этого были глубокие объективные причины. Свергнув Императора и отказавшись от православия, Россия потеряла стержень, скреплявший ее на протяжении всей тысячелетней истории. Двадцатый век неопровержимо доказал - русский народ не может жить без веры и без правителя, который был бы символом всей нации. К сожалению, не все у нас еще осознали это.

А пока нам надо бы по христиански похоронить останки Царя и его детей, назвать в их честь хотя бы несколько улиц в Москве, Санкт-Петербурге и Екатеринбурге, поставить памятники. Царь заслужил это своей преданностью России, а дети - чистой и непорочной жизнью. Лишь тогда, когда мы сделаем это, мы можем начать свой путь к возрождению.

Николай ЧЕРТОВ

Николай Александрович Чертов окончил Алтайский политехнический институт, инженер-строитель. Работал прорабом, начальником ПМК, был на партийной, хозяйственной работе. В настоящее время первый заместитель главы Администрации Алтайского края.

ЧТО ДЕНЬ ГРЯДУЩИЙ НАМ ГОТОВИТ?

Седьмой год продолжается беспрецедентный в нашей истории спад производства. Спад, отбросивший страну по объему выпускаемой на душу населения продукции до уровня слаборазвитых государств, таких как Панама или Алжир, а по ряду других важнейших макропоказателей - экономической, инновационной и производственной активности, средней продолжительности жизни населения - до уровня слаборазвитых государств Азии и Африки. И дело здесь не только в ущемленной национальной гордости и обиде за бывшую великую державу, а в том, что спад производства более не может компенсироваться перераспределением накопленного богатства в пользу потребления. Значит, категория тех, кто живет по нынешним меркам сносно, сократится и увеличится число тех, которые, что называется, сводят концы с концами.

Еще на слуху обещания правительства сделать 1996 год годом стабилизации и выхода из депрессивного состояния. Однако вопреки имеющимся прогнозам в результате проводимой политики депрессивные явления в реальном секторе экономики страны еще более усилились: сокращается как накопленное богатство, так и потенциал будущего роста. На повестке дня, - в случае реализации пессимистического сценария развития событий, - массовое выбытие ставших ненужными основных производственных фондов, сжатие и фактическое разрушение созданной за многие годы социальной инфраструктуры, кризис бюджетных отраслей, быстрый рост безработицы.

Ключевой момент - продолжающийся уход государства из экономики, снятие с себя ответственности за ее развитие. Экономической теорией и современной практикой доказано, что нет и не может быть эффективной социально ориентированной рыночной экономики без активной регулирующей роли государства. Ослабление регулирующих начал в период политической и экономической трансформации общества привело и в дальнейшем приведет лишь к неизбежному нарастанию хаоса.

К сожалению, подход к формированию экономической политики, реализованный в проекте среднесрочной программы Правительства Российской Федерации на 1997-2000 годы "Структурная перестройка и экономический рост", остался старым. Он по-прежнему исключает необходимость усиления государственного регулирования для решения неотложных проблем кризиса, игнорирует реальные тенденции его углубления, продолжающееся снижение уровня жизни населения и рост социальной напряженности в стране. До сих пор не решен вопрос о создании системы государственного регулирования рыночной экономики, соответствующей задачам обеспечения интересов граждан России, не определены принципы формирования и функции государственного сектора экономики, а также эффективного управления им.

Определяющее значение на социально-экономическое положение края как региона, со дня своего основания получающего дотации из федерального бюджета, оказывает бюджетная политика. Из опубликованной концепции бюджетной политики Российской Федерации на 1998 год рельефно просматривается снижение количества реальных денежных средств в бюджетах регионов. По расчетам участников Совета Межрегиональной ассоциации "Сибирское соглашение", состоявшейся в г. Красноярске, выпадающие из местных и региональных бюджетов налоги (с учетом предполагаемых межбюджетных и иных компенсаций) принесут примерно 23 трлн. рублей бюджетных недопоступлений. Особенно сильно это ударит по Алтайскому краю. В частности, по итогам прошлого года доля налога на добавленную стоимость в совокупных налоговых поступлениях в крае составила почти 40 процентов, подоходного налога с физических лиц - 17 процентов. Предполагаемые изменения ставок подоходного налога и порядка его уплаты для бюджета Алтайского края носят, скорей, негативный характер, поскольку доля богатого населения у нас очень низка, соответственно, весьма вероятно снижение собираемой налоговой массы. Помимо этого изменяются порядок и величина отчислений в территориальные внебюджетные фонды и жестко регламентируются перечень и предельные ставки региональных и местных налогов, что уменьшает возможности региональных органов управления варьировать имеющимися денежными ресурсами.

Вызывает сомнения нормальная реализация реформы социальной и жилищно-коммунальной сфер путем прямых ассигнований из бюджета. Основной причиной возможных здесь проблем является необходимость чисто денежных субвенций, тогда как доходы местных и региональных бюджетов во многом формируются за счет неденежных поступлений. Так, например, из всех налогов, собранных в крае за 5 месяцев текущего года, лишь треть поступила в денежной форме. То же самое касается и системы стимулирования предприятий региональным госзаказом. Далеко не каждое предприятие решится участвовать в конкурсе, если победителя будут финансировать нестабильно и ненадежными средствами.

Несвоевременным мне представляется тезис о якобы эквивалентной замене дотирования сельского хозяйства на предусмотренные налоговые льготы. Основная масса сельских товаропроизводителей в настоящее время не имеет оборотных средств и источников их пополнения для начала сельхозработ, а выгоды от налоговых льгот будут получены лишь на конечном этапе.

Что касается межбюджетных отношений, то из проекта бюджета достаточно отчетливо прослеживается стремление замены административных мер воздействия центра на региональную власть на финансово-экономические, что тоже может негативно сказаться на политике краевой администрации вследствие уменьшения возможности маневра. Многократный разрыв между регионами по уровню доходов населения и экономического развития, высокая дотационность многих региональных бюджетов (в их числе - Алтайский край) серьезно затрудняют развитие федеративных отношений, повышение самостоятельности и ответственности органов власти Федерации.

На наших глазах возникает и упрочивается парадоксальная ситуация: негативные последствия непродуманных реформ и просчетов на федеральном уровне во всей своей полноте проявляются в регионах и, соответственно, ответственность за это несут, главным образом, региональные органы власти.

Как свидетельствуют социологические опросы, население края требует от властей всех уровней - федеральных, региональных, муниципальных - решения одних и тех же наиболее острых проблем: наведение порядка с выплатой заработной платы, борьбы с безработицей и преступностью. При этом, не учитывая реальную компетенцию, наибольшие требования предъявляются не к президенту и правительству, а именно к региональным и муниципальным властям. Так, сельское население края считает ответственными в первую очередь руководителей края за наведение порядка с выплатой заработной платы и пенсий (каждый пятый опрошенный), снижение и упорядочивание налогов (каждый седьмой опрошенный), гарантирования соблюдения конституционных прав граждан и, прежде всего, права на труд (каждый десятый опрошенный).

Объективно же создание предпосылок подъема экономики во многом связано не с деятельностью краевых или муниципальных органов, а с работой федеральных органов управления. В ситуации, когда цены на основные виды топлива и конструктивных материалов существенно превышают мировой уровень, а процент за кредит превышает норму прибыли в реальном секторе экономики, производственная деятельность теряет всякий экономический смысл. Изменение же денежно-кредитной политики, устранение сложившихся ценовых диспропорций, обеспечение совершенствования хозмеханизма в целях создания благоприятных условий для производственной деятельности находятся в компетенции Федеральных органов управления.

То же самое касается социальной сферы. Возьмем, к примеру, реформу жилищно-коммунального хозяйства. Она, на мой взгляд, должна была быть проведена при обязательном согласовании с органами власти субъектов Российской Федерации. Иначе не учитывается специфика региона, социальные последствия реформы становятся непрогнозируемыми. Достаточно сказать, что если в целом по России за чертой бедности находится 23 процента населения, то в Алтайском крае - около 40 процентов. В этих условиях перекалывание на плечи населения затрат по содержанию жилищно-коммунальной сферы весьма проблематично, поскольку резко возрастает риск увеличения неплатежей. С другой стороны, на субсидии могут претендовать, по примерным оценкам, от половины до двух третей семей края, что делает реформу жилищно-коммунальной сферы края бюджетом бессмысленной.

Еще один важный аспект обсуждаемой темы - невыполнение либо частичное выполнение обязательств федеральных органов управления по отношению к регионам. Вот последние факты из жизни края. По состоянию на 1.06.1997 г. в край поступило из федерального бюджета лишь 54,4 процента объема запланированных трансфертных платежей. Отсутствие в текущем году бюджетной ссуды под товарный кредит из федерального бюджета привело к необходимости брать кредиты в коммерческих банках под гарантию доходной части краевого бюджета. На 37 процентов по сравнению с прошлым годом сократился лимит капитальных вложений по целевым федеральным программам, в т. ч. по крупнейшей из них Семипалатинской программе - в 9 раз. Фактическое же финансирование федеральных программ 5 месяцев текущего года составило лишь 5,5 процента, или менее половины от общего объема освоенных за этот период капитальных вложений.

Из сказанного следует, что необходимо существенно повысить роль региональных органов управления при принятии решений, кардинально задевающих интересы населения, сформировать и провести в жизнь региональную социально-экономическую политику по защите интересов края. В противном случае, повторяюсь, возникает ситуация, когда федеральные органы устраниваются от решения экономических проблем, а на субъекты Федерации перекалывается вся ответственность за негативные последствия кризиса.

Цель региональной социально-экономической политики я определил бы как максимальное использование имеющихся на краевом уровне возможностей экономического роста, подъема благосостояния населения. Ее стержень - создание благоприятных условий для производственной деятельности, повышение конкурентоспособности алтайских товаропроизводителей на основе имеющегося в крае промышленного и научно-интеллектуального потенциала.

Региональная социально-экономическая политика наряду с защитой интересов края перед федеральными органами управления должна, по моему представлению, выполнять своеобразную компенсаторную функцию, восполняя промахи и пробелы, допущенные при формировании хозяйственного механизма на федеральном уровне. Ждать от ее реализации сиюминутных результатов очевидно не стоит, поскольку сфера влияния региональной политики крайне ограничена. Дело осложняется еще и тем, что ее предстоит осуществить в условиях затяжного кризиса экономики, характеризующегося нарушением глубинных воспроизводственных связей, перерастанием экономического спада в разрушение научно-технического потенциала, вытеснением с рынков отечественных производителей, расстройством платежной системы, глубоким бюджетным кризисом, хроническими невыплатами заработной платы и социальных пособий, нарастающей дезинтеграции страны в целом.

Здесь есть еще один существенный момент, касающийся роли краевых органов управления в регулировании социально-экономических процессов. Суть дела в том, что выработка адекватных форм и методов региональной политики, направленной на полную и эффективную реализацию потенциала края, предполагает отказ от иллюзий повсеместной рыночной самоорганизации, освоение органами власти современных методов и технологий регулирования социально-экономических процессов, инструментов антикризисной экономики. Не следует опасаться обвинений ортодоксов-рыночников в отходе от курса реформ. Тому, кто работает в реальной экономике, а не видит ее только с высоты учебной кафедры, уже давно ясно: формальная теория разработана для идеальных условий, отличающихся от российских в целом и алтайских, в частности, кардинальным образом.

Для предотвращения дальнейшего углубления экономического кризиса и перерастания его в катастрофу администрация края заняла активную позицию в формировании предпосылок роста экономики края. В этих целях мы будем не только способствовать формированию благоприятной внешней среды деятельности предприятий, но и оказы-

вать им конкретную помощь в адаптации к изменениям и колебаниям рыночной конъюнктуры. В условиях, когда половина алтайских предприятий является убыточной, было бы непростительной наивностью с нашей стороны ожидать со снижением инфляции притока инвестиций в производство и подъема экономической активности. Нужен целый ряд предпосылок, главная из которых - выравнивание прибыльности различных сфер экономической деятельности, формирование нормального механизма рыночной конкуренции.

Этого, к сожалению, пока нет. Налицо усиливающееся разделение экономики на низкоэффективный производственный и высокоприбыльный торговый и финансово-посреднический сектора, спонтанный переток кредитных ресурсов в сверхрентабельную сферу обращения с характерными для нее спекулятивными рынками. Необходимо создать условия для перетока капитала в производственную сферу: добиться снижения доходности спекулятивных операций, навести порядок в кредитно-денежном кругообороте, стимулировать спрос и т. п. Это, снова-таки, компетенция федеральных органов. Не будет этих условий - не будет производственных инвестиций и перспектив промышленного развития страны, перспектив развития края.

Что можно сделать на региональном уровне? Я уже говорил, что слабым местом региональной инвестиционной политики была незащищенность расходов бюджета на инвестиционные цели. Для радикального изменения такой ситуации администрация края разработала инвестиционную программу, отделив финансирование его бюджетной части от финансирования текущих нужд. Проведен анализ имеющихся инвестиционных проектов, создан банк данных. На заседании комиссии по инвестиционным кредитам принято решение о выдаче кредитов 23 предприятиям края на сумму 76 млрд. рублей. Ход финансирования капиталовложений находится под еженедельным контролем администрации.

Г Выход из создавшегося положения в промышленности видится, во-первых, в формировании краевого заказа, в который в частности войдут: продукция сельхозмашиностроения, удобрения, гербициды, лекарственные препараты и медицинские аппараты; во-вторых, в формировании краевой инвестиционной программы; в-третьих, в помощи предприятиям в пополнении оборотных средств; в-четвертых, в развитии легкой и текстильной промышленности на базе местных сырьевых ресурсов (лен, шерсть, синтетические волокна).

В числе основных направлений деятельности администрации - содействие в продвижении продукции промышленных предприятий края на внутреннем и внешнем рынках. Так, на БАМЗе проведена выставка газовой аппаратуры, в Рубцовске - ярмарка-выставка продукции предприятий легкой и текстильной промышленности. Алтайские предприятия участвовали в ярмарках и выставках в Монголии и Казахстане.

И все же динамика структуры валового внутреннего продукта свидетельствует о том, что у нас сохранены реальные, базовые сектора экономики в гораздо большей степени, чем в России в целом. По сравнению с Россией, где доля реального сектора экономики, производящего товары, близка к нижнему пределу (в 1 квартале 1997 г. - 37,9 процента), в Алтайском крае она существенно выше (57,2 процента за 8 месяцев 1997 г.). В то же время постепенно возрастает доля сектора экономики, производящего рыночные услуги (финансовая, банковская, страховая деятельность, коммерческая деятельность по обслуживанию рынка).

Отмеченные тенденции, замедление в крае темпов роста розничных цен, насыщение потребительского рынка и ужесточение конкуренции на нем, - обратите внимание, сколько времени занимает сегодня реклама по продвижению товаров на телевидении, - плюс приостановление снижения уровня жизни населения, поддержание и даже незначительный рост покупательской способности населения края - все это заслуживает внимания. Происходит отрезвление общества и улетучивается эйфория от рынка. Необходимость разумного и дозированного вмешательства государства в экономику очевидна сегодня не только директорскому корпусу, - он с самого начала перестройки жил без розовых очков, - но и правительству, и Президенту.

В целях стабилизации крайне важного для края сельскохозяйственного производства администрацией разработана программа действий по восстановлению и модернизации агропромышленного комплекса. Предусмотрена организация закупок сельхозпродукции в личных подсобных хозяйствах населения, доведение администрациям районов государственного заказа на поставки основных видов сельхозпродукции, сырья и продовольствия, определение им лимитов материально-технических ресурсов. Приняты соответствующие постановления администрации края. Весенне-полевые работы текущего года доказали жизнеспособность и необходимость такого подхода.

Насущный вопрос - активизация работы по эффективному управлению краевым и муниципальным имуществом. Необходимость развертывания этой работы на региональном уровне обусловлена тем обстоятельством, что формальная смена собственника, больше напоминающая бесконтрольную раздачу государственной собственности, не была подкреплена реальными механизмами экономической ответственности за результаты ее использования. Вследствие этого мы практически также далеки от эффективного собственника, как и в начале приватизации. По имеющимся оценкам, почти две трети крупных и средних предприятий страны не имеют ответственного собственника.

По итогам 9 месяцев, несмотря на негативные тенденции в производственной сфере, уровень потребления населения края не уменьшился. Что стоит за этим фактом? Прежде всего, активная позиция администрации в части формирования ценовой политики. Наряду со сдерживанием цен и тарифов в крае проводится работа по созданию оптовых продовольственных рынков, исключающих посредников и, соответственно, позволяющих снизить цены на основные продовольственные товары. Так, в Барнауле создан крупный оптовый продовольственный рынок с ежедневным товарооборотом 1 млрд. рублей. Открыт оптовый рынок в Алейске, намечено создание аналогичных рынков в Бийске, Рубцовске, Кулунде.

Оптовые продовольственные рынки, расширяя спрос населения, оказывают благотворное влияние на развитие пищевой промышленности края. Темпы ее падения уменьшились более чем в 6 раз, чего не скажешь о легкой промышленности, где продолжается сильнейший спад производства.

Относительной стабилизации пищевой и перерабатывающей промышленности во многом способствовали организационно-экономические мероприятия, предпринятые администрацией. В их числе: разработка инвестиционной политики в мясной и молочной промышленности края на 1997-1998 гг.; создание финансово-промышленной группы предприятий молочной промышленности и производителей молока; разработка комплексной программы по возделыванию твердых сортов пшеницы, ее переработке и производству макаронных изделий и др. На развитие пищевой и перерабатывающей промышленности выделено под инвестиционные проекты на возвратной основе за 9 месяцев текущего года 16 млрд. рублей.

Но, если говорить об инвестиционном климате в крае в целом, то он остается неблагоприятным. Капитал ориентирован на спекулятивные рынки; цена привлеченных в производство средств превышает норму прибыли; частные инвесторы не способны компенсировать нехватку финансовых средств у государства. При таком положении с инвестициями следует думать не о подъеме производства, а о снятии угрозы деиндустриализации края в результате массового выбытия основных фондов в отраслях промышленности, строительства и транспорта. Недопустимо, по крайней мере, длительное время жить за счет труда предыдущих поколений, проедать накопленное ими национальное богатство. Едва ли не главная перспективная задача администрации края - уйти от "самоедской" экономики, "экономики проедания".

Я убежден в том, что перспективы выхода страны из кризиса с минимальными потерями зависят не только от обязательной корректировки общефедеральной модели реформ, но и от проведения разумной региональной политики, так как именно в регионах происходят самые существенные экономические преобразования. Намеченные направления разработки и реализации региональной социально-экономической политики должны содействовать выводу экономики края из кризисного состояния на траекторию устойчивого и постепенного экономического роста.

Святослав ГРИГОРЬЕВ

Святослав Иванович Григорьев родился в 1948 году в Алтайском крае. Доктор наук, профессор. Руководитель научного комплекса "Социология, психология и социальная работа". Член-корреспондент Российской академии образования и Нью-Йоркской Академии наук, академик Международной Академии информации и Академии социальных наук, вице-президент Ассоциации социальных работников и социальных педагогов, председатель правления Славянского общества Алтайского края. Автор многих десятков работ по проблемам образования и социальной защиты населения.

СУДЬБА ОБРАЗОВАНИЯ - НАША СУДЬБА..

В дни трудных, нередко - горьких размышлений об истории Отечества и сегодняшней нашей жизни мне часто вспоминаются слова моей матери, сельской учительницы. О том, каков человек, говорила она, суди по тому, как он относится к образованию, учится или нет, развивается или не очень... Сколько помню родителей, они делали все, что могли, для обучения детей. При этом учились и сами. Отец последний свой диплом получил, когда ему было за сорок...

Мое поколение родившихся вскоре после войны было, наверное, самым счастливым. Мы получили хорошее образование, не знали ужасов войны и репрессий, сохранили веру в справедливость, уважение к своим родителям, Родине, давшей и дающей так много миру... Ему, этому поколению, сегодня уже за сорок, а кому-то и под пятьдесят... Это - пора социальной зрелости и духовного расцвета.

Почему, спросит читатель, вопреки распространенному мнению о том, что это время было невероятно трудным, я говорю о нем иначе? И можно ли сегодня говорить о каком-то благополучии и счастливой судьбе? И тем более - связывать ее с образованием?

Думаю, что да. Почему сегодня так остро встал в России вопрос о том, что именно образование становится главным условием, определяющим судьбу страны? Потому что только забота об образовании позволила Советскому Союзу стать великой державой, создать современную

аэрокосмическую и атомную промышленность, занять ведущие позиции во многих направлениях мировой науки, совершить немало крупнейших научных открытий. Уровень образования народа - одна из важнейших составляющих национальной безопасности государства. О том, какое значение придавалось этому еще недавно, говорят такие цифры.

На Алтае только за период между двумя последними переписями (1979 и 1989 гг.) численность людей, имеющих высшее образование, увеличилась с 51 до 82 человек в расчете на 1000 жителей, а среди занятого населения - с 70 до 113 человек. Напротив, численность имеющих начальное образование сократилось (в расчете на 1000 жителей) с 214 человек в 1979 г. до 155 человек в 1989 г., а в расчете на 1000 занятого населения - с 212 до 96 человек*. Повышение уровня образования населения имело место как в городской, так и в сельской местности и было характерно как для мужчин, так и для женщин.

В России в начале 1990-х годов на 10 тысяч населения приходилось в среднем 190 студентов. В Алтайском крае этот показатель еще в 1994 году составлял 145 человек на 10 тысяч населения.

Сегодня потребность в высшем и среднем специальном образовании

* См.: Численность и территориальное размещение населения Алтайского края. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. Часть 1. Барнаул. 1990. С. 13-14.

еще более возросла. Во-первых, потому, что этого требует все более ускоряющийся научно-технический прогресс.

Во-вторых, явно ускорились темпы общественного развития. Все процессы, происходящие внутри общества, стали значительно более динамичными, и для того, чтобы правильно реагировать на них, нужно иметь хорошую подготовку. Кроме того, в 1980-90-е годы в России возросло внимание к развитию национальных школ (немецкой, казахской, алтайской и др.). Возросло внимание и к проблемам русской национальной школы, а также к развитию глобального образования, его взаимодействию с национальным, региональным, семейным.

Эти явления выражают одно из основных противоречий развития современного общества. С одной стороны, действует тенденция массового распространения ценностей, стандартов, форм так называемого "универсального образа жизни", распространяемого в условиях информационной, в целом - коммуникационной, революции. Этому в значительной мере служит глобальное образование, формирующееся на основе принципа "диалога культур", приоритета общечеловеческих ценностей. С другой стороны, нельзя не заметить повсеместного стремления к развитию национально-культурных традиций различных национально-этнических групп. Образование для них становится важнейшим средством самосохранения, воспроизводства национальной культуры, способности к выживанию.

Свершающаяся информационная революция кардинально меняет основу отношений собственности и власти, представления о силе и слабости народов и государств. Возрастающая ценность информации, знания, технологии его хранения, использования, умножения принципиально иначе определяет роль науки и образования в жизни современного общества. Они становятся главными рычагами, обеспечивающими силу того или иного государства и народа. Их можно рассматривать как основное богатство человека, вступающего в XXI век, в котором должно сформироваться не просто информационное, но образовательное общество.

Что же происходит у нас в стране и крае на пороге возникновения образовательного общества?

Несложные расчеты показывают, что за последние 10-12 лет в стране произошло обвальное сокращение расходов на образование и его научное обеспечение. Фактически к середине 1990-х годов государство стало выделять на образование лишь около 20 процентов того, что предусматривалось бюджетом страны еще в середине 1980-х.

Финансирование образования в 1996-97 гг. также осуществлялось под знаком сокращения расходов из госбюджета. Бюджет страны на 1998 год предусматривает новое сокращение расходов на образование (примерно на 12 процентов). Если это случится, то государственное финансирование системы образования в стране по отношению к 1985 году сократится фактически в десять раз.

Недопустимо низкой стала заработная плата работников образования. Она и близко не напоминает по своей величине среднюю заработную плату квалифицированного рабочего, которая в середине 1990-х годов уже более чем вдвое превышала зарплату педагогов. Это прямо противоречит "Закону об образовании", первому президентскому указу, ориентирующему общество на такую социальную норму.

Еще более разрушительной стала практика задержек выплаты заработной платы работникам образования. Она привела на грань катастрофы всю систему образования в стране, сделала массовой не только социально-экономическую деградацию отрасли, но и ее педагогический, профессионально-этический упадок, а также неуправляемость, несогласованность развития образовательной деятельности. Массовыми стали забастовки учителей, произвольное сокращение сроков учебы, программ обучения, что явно снижает уровень и качество обучения и воспитания.

В связи с большими и растущими различиями в социально-экономическом развитии регионов эти процессы в современной России, конечно, идут с большей социально-территориальной дифференциацией. Даже в пределах Западной Сибири мы имеем сегодня, например, многократные различия в величине средней заработной платы работающих. В сентябре 1997 года каждому работающему Алтайский край обеспечивал только 667 тысяч рублей в среднем за месяц. В то же время в Тюменской области этот показатель превышал 2 млн. рублей в месяц, в Томской области - около 1,5 млн. рублей.

Масштабные различия возникли в региональном и поселенческом плане в обеспечении учебных заведений учебниками, компьютерами, множительной аппаратурой, средствами связи... Все более обостряется проблема сельской школы, вообще развития образования в аграрных регионах, где разрушающееся производство и сфера управления создают обстановку, близкую к катастрофе.

Серьезная проблема - национально-культурная дифференциация образовательной деятельности, проводимая в регионах, она заметно ослабляет духовно-

образовательное единство страны, закладывает основы будущих социально-национальных конфликтов, ослабляя роль русской, славянской культуры в единении всех народов, проживающих в нашей стране. В этой связи серьезный кризис переживает русская национальная школа, которая в правовом и социальном отношении оказывается незащищенной, предоставленной самой себе.

Давление на национально-культурные основы развития русской национальной школы осуществляется прежде всего со стороны растущего влияния глобального образования, "универсального образа жизни", стандарты которого распространяются западной пропагандой. Это влияние идет через конкурсы по разработке учебников, финансируемые зарубежными фондами, особенно - по гуманитарным дисциплинам, через активно развиваемые сегодня (преимущественно в западном направлении) образовательные связи, проекты вузов и школ, которые также финансируются за счет иностранных источников, через расширение практики организации образования в режиме "диалога культур". С вступлением России в Интернет это влияние явно расширяется.

Говоря об этом, мне бы не хотелось представлять дело таким образом, что русская национальная школа должна быть отгорожена железным занавесом от других культурно-образовательных традиций. Разумеется, она должна активно использовать все то, что обогащает отечественную культуру, включает нашу страну в мировое образовательное пространство.

Речь идет лишь о том, что русская национальная школа, как таковая, должна обеспечивать воспроизводство и развитие русской культуры, духовной силы русского народа, без чего он перестает быть самостоятельной культурной силой, способной взаимодействовать с другими социальными и культурными силами современного общества. Этот простой, но очень важный вывод должны сделать правительством нашей страны, руководители учреждений образования, науки, средств массовой информации. Если русским (а это более 80 процентов населения страны) в России будет плохо, то плохо будет и всем другим народам, живущим здесь.

Для России сегодня первостепенное значение имеет возрождение в контексте русской национальной культуры всех национальных групп, наций, не имеющих за ее пределами своих национально-государственных образований. Развитие региональных подсистем образования, национальных школ должно учитывать прежде всего это обстоятельство.

Культурно-образовательная ситуация в современной России осложняется тем, что принятая нынешним руководством страны

за основу реформ либерально-демократическая доктрина, провозглашая приоритет общечеловеческих ценностей, явно игнорирует ту роль, которую должно играть образование как средство воспроизводства национально-культурной идентичности человека, его национально-государственного, патриотического, гражданского воспитания. В этом смысле в 1990-е годы в России произошли масштабные разрушительные процессы, стимулируемые критикой тех периодов истории нашей страны, которые характеризуются взлетами государственного развития, уничтожительными характеристиками современного состояния российского общества, падением авторитета государственной власти как таковой.

Не случайно доля учащейся молодежи в вузах России, ориентированная на выезд за рубеж для постоянного проживания, в 1990-е годы возросла до 35-50 процентов, что особенно характерно для двух российских столиц и городов-миллионников. На Алтае эти показатели последствий влияния либерально-демократической идеологии и практики реформирования общества менее масштабны. Но и здесь по различным учебным заведениям данный показатель колеблется от 12 до 27 процентов.

Особенно тревожно то, что как среди эмигрирующих, так и в массе учащейся молодежи, ориентированной на миграцию за рубеж, стало больше русских. Это явный показатель кризиса национально-государственных ценностей в сегодняшней России. И его, конечно, не преодолеешь импульсивными призывами руководства страны активно разрабатывать национальную идею, способную объединить всех.

Свою лепту во все более осложняющую ситуацию вносит и образование, которое в значительной мере оказалось в России денационализированным, идеологически во многом, как это ни странно, восстановленным против государства в процессе так называемой деидеологизации учебных заведений. Этому способствовало и массовое распространение учебников, игнорирующих фундаментальную роль для отечественного образования русской, в целом - славянской культуры.

Надо сказать, что в известной мере такое положение дел объясняется и перегибами интернационалистски-уравнительного развития отечественной культуры вообще и образования, в частности, в годы советской власти. Тогда явно недооценивалась национально-культурная компонента образовательной деятельности, хотя в первые годы после революции 1917 года мы пережили явный бум в развитии национальных школ, возродив и создав заново письменность, учреждения

образования для более, чем двух десятков народов, проживающих на территории бывшего СССР. Унификация, давление вульгарно-интернационалистских подходов усилилось и стало доминирующим уже в 1930-е годы.

Впрочем, советская система образования исторически, вероятно, все-таки объективно должна оцениваться положительно. И не только потому, что она обеспечила массовую грамотность, доступность образования, но и в силу ее научно-педагогических достижений, качества обучения и воспитания детей и молодежи, признанного во всем мире.

В России XX века наиболее крупные успехи общеобразовательной школы принадлежат годам советской власти. Это - бесспорный факт.

На школу в годы советской власти не жалели средств даже в самые трудные периоды. В результате к 1960-м годам она была полностью обеспечена бесплатными учебниками, а к 70-80-м годам все преподаватели-предметники имели высшее образование. В каждой области и крае, не говоря уже о республиках, были созданы педузвы, а также институты (или факультеты) повышения квалификации педкадров. Была развернута мощная сеть пионерских лагерей, лагерей труда и отдыха. В основу преподавания истории, литературы, географии, воспитания в школе были положены идеи социальной справедливости, ценности труда, культуры, образованности, борьбы за мир. Была полностью ликвидирована неграмотность населения. Стало массовым среднее специальное и высшее, а также начальное профессиональное образование. В 1987 году доля лиц, имеющих среднее и высшее образование среди работающей молодежи, составляла 93 процента. При этом, конечно, школа имела и немало проблем.

Общезвестно и то, что после космического полета Юрия Гагарина во всех развитых странах было организовано углубленное изучение опыта образования в СССР, в особенности - массовой общеобразовательной и высшей школы, работы с одаренной молодежью.

Повышенным был интерес и к организации воспитательной работы в советской школе. Не случайно опыт А. Макаренки и В. Сухомлинского в 1960-80-е годы стал широко изучаться во многих зарубежных образовательных центрах.

И тем не менее, кризис советского общества и его школы на рубеже 1970-80-х годов был очевиден. Как это ни странно, далеко не последнюю роль в этом сыграло опережающее развитие образования. Его темпы, не вполне согласованные с экономическим и социальным движением вперед, во многом спровоцировали перестроечные лозунги горбачев-

ской волны реформ и вызвали реставрационный капиталистический откат в выборе путей общественного развития страны. Последнее, конечно, не могло не оказать обратного влияния на судьбу и самого образования. Рост потребностей и социальных ожиданий явно опередил возможности их удовлетворения, что вызвало массовое разочарование в том общественном устройстве, которое совсем недавно признавалось справедливым и эффективным. Особенно "постаралась" интеллигенция. В конце 1980-х - начале 1990-х годов она сыграла главную роль в "разрыхлении", дискредитации и ликвидации советского строя во всех республиках бывшего СССР. И это, несмотря на то, что в XX веке фактически весь западный мир и уж, конечно, развивающиеся страны, "раскачиваясь" в интервале от общечеловеческих ценностей либерализма до самой откровенной диктатуры, медленно, но неуклонно дрейфовали в сторону рыночного или "шведского социализма".

Однако у нас в стране созданная в годы советской власти многочисленная интеллигенция довольно быстро переориентировалась на западные ценности, обеспеченное развитие наций, национальные модели образования. Этому способствовала и соответствующая обработка общественного мнения западными информационно-идеологическими центрами, что теперь вполне очевидно и мало кем отрицается как у нас в стране, так и за рубежом.

Из всех союзных республик в наиболее сложную ситуацию попала Россия, где в 1991 году у власти оказалась группировка прозападно ориентированных политических деятелей. Их переориентация коснулась основ национально-государственного строительства, в том числе и образования - фундамента сохранения национальной культуры и государственного суверенитета. Обрубленная беловежским топором до границ допетровской Руси страна оставила за рубежом более 25 миллионов соотечественников, абсолютное большинство которых являются русскими. Тем самым начался новый период и в развитии образования. Его результат оценивают сегодня диаметрально противоположно. Одни утверждают, что это - прорыв в XXI век, другие называют то, что происходит в образовании, его крахом. Попытаемся оценить сложившуюся ситуацию и мы.

Как известно, реформы первой половины 1990-х годов в России проводились под флагом замены "коммунистических" идеалов - "демократическими". Пришедшие к власти в 1991 году реформаторы взяли на вооружение идеологию западного радикал-либерализма.

Идеология либерализма, возникшая в XVII-XVIII веке как выражение интересов буржуазии, включала в себя два основных компонента: с одной стороны, демократический - утверждение свободы личности, равенства граждан перед законом, защита прав человека, выборность руководящих органов власти, ее отдельных представителей. С другой стороны, был явно обозначен буржуазный компонент - трактовка свободы как права неограниченного владения и распоряжения собственностью, в том числе и на средства производства, как свобода продавать свою и покупать чужую рабочую силу.

Однако идеи либерализма на Западе со времени их возникновения проделали значительную эволюцию. Это не было учтено нашими реформаторами. Они проигнорировали тот факт, что страны Запада еще в годы первой мировой войны, а в особенности после "великой депрессии", были вынуждены перейти к постепенному усилению роли государства в экономике. А после второй мировой войны стала очевидна неизбежность планирования (регулирования государством) экономического роста, его темпов, направлений развития хозяйства и социальной сферы.

В социальной области многие западные правительства вынуждены были пойти на сокращение рабочего дня, установление минимума зарплаты и пособия по безработице, расширение помощи самым бедным слоям населения, введение страховой системы в здравоохранении, развитие бесплатного среднего образования, сокращения количества частных школ, предоставление ссуд на длительные сроки студентам вузов.

Сторонники радикал-либерализма в нашей стране с конца 1980-х годов стали подвергать тотальной критике советскую систему образования. Если духовный наставник радикал-демократов Е. Гайдар призывал к разгосударствлению экономики, сплошной приватизации, то наиболее активный представитель прозападнического движения в педагогике Э. Днепров требовал "освобождения" школы от государственной опеки, "разгосударствления" образования, максимальной его коммерциализации. Постепенно все это было в той или иной мере навязано учебным заведениям в особенности - в системе профессионального образования, начиная с начального и завершая высшим и послевузовским.

Так, на Алтае сегодня в большинстве вузов почти половина первокурсников принимается на частично платную форму обучения. На полное платное образование оформляется от 10 до 30 процентов к плановому набору студентов. В результате более половины студентов вынуж-

дены платить за обучение в вузе. Все более широко к оплате расходов за обучение привлекаются родители учащихся общеобразовательных школ.

Оправдания подобных явлений ссылками на Запад не убедительны, ибо там школа финансируется государством или региональными правительствами (земель, штатов, провинций, областей). Частные школы и школы, находящиеся под опекой церковей, других обществ, выполняют вспомогательную роль и составляют не более 10-15 процентов от общего количества учебных заведений.

Сторонники радикально-демократических реформ в народном образовании России доказывают необходимость общественно-государственного управления системой образования, отводя государству при этом второстепенную роль. Хотя в Законе об образовании 1992 года, наоборот, зафиксирован государственно-общественный характер образования. В региональном законе "О народном образовании в Алтайском крае" эта норма не только конкретизирована и закреплена, но и расширена. Целый ряд вопросов развития образования отнесен здесь к ведению государственных органов регионального уровня. Другое дело, что государственно-общественный характер управления образованием в крае осуществляется пока медленно, он осложнен крупными потерями в экономике и социальном развитии. Учет основных тенденций развития хозяйства нашего края в новых условиях приобретает стратегическое значение еще и потому, что в настоящее время готовится сокращение госзаказа на подготовку кадров большинству региональных вузов, техникумов и ПТУ.

Справедливости ради следует сказать, что исполнительная и законодательная власти у нас в крае в последние годы не были безучастными к развитию региональной системы образования. Так, еще в начале 1996 года был принят Закон "О народном образовании в Алтайском крае". В ноябре 1996 года Коллегия Комитета администрации края по образованию и Совет ректоров вузов Алтайского края утвердили Проект Комплексной программы сохранения и обновления региональной системы образования в Алтайском крае. Готовится рассмотрение этой программы на Совете администрации и в Законодательном собрании Алтайского края.

И Закон, и Комплексная программа исходят прежде всего из интересов и специфики Алтайского края. В частности, одобренный проект Комплексной программы учитывает, во-первых, тот факт, что пик развития основных отраслей промышленности края пришелся на 1950-60-е годы, когда здесь сформировались новые промышленные центры, определился нынеш-

ний экономический профиль региона. Именно в этот период произошла массовая миграция сельского населения в города, сформировалась сеть городских и сельских учебных заведений, включая вузы - политехнический, сельскохозяйственный, педагогические, медицинский.

Во-вторых, учитывается, что в 1970-80-е годы в крае завершилось формирование достаточно развитой системы профессионального образования, адекватного профилю хозяйства Алтая, потребностям его культурного развития. Подготовка кадров уже велась более чем по 60 специальностям. Были открыты классический университет и институт культуры, ряд филиалов вузов и НИИ других городов страны.

Однако в ходе начавшейся радикальной реформы 1991 года произошло обвальное сокращение объемов выпуска большинства основных видов продукции, были свернуты целые отрасли производства и социального обслуживания, начались коренная структурная перестройка экономики, массовая приватизация. За это время в пять-семь раз снизился уровень жизни населения края. При этом система образовательных учреждений продолжала функционировать и косметически полустихийно обновляться вне прямой связи с изменениями экономики и социальной сферы. К середине 1990-х годов она в основном сохранила структуру, сложившуюся в 1970-80-е годы. Особенно трудным оказывается сейчас перепрофилирование и закрытие ПТУ и техникумов, оказавшихся по существу брошенными на произвол судьбы. До недавнего времени в крае существовало три пединститута, по несколько факультетов математики, физики, истории, филологии. При этом мы не готовили и не готовим специалистов по целому ряду профилей, необходимых для полноценного развития края.

Прогноз на ближайшие 3-5 лет характеризуется тем, что логика хозяйственного развития Алтая будет определяться

влиянием наследственной структуры его экономики, имеющей агропромышленный профиль. А это значит, что никакого резкого подъема нашего народного хозяйства, более или менее заметного повышения жизненного уровня большинства людей ждать не приходится. Нас ждут трудные времена и никто не может сказать, когда они закончатся.

В этих условиях необходимо определить принципиальные направления по сохранению системы образования. От них зависит, какими вступят край и вся Россия на порог третьего тысячелетия. Борьбу за место под солнцем среди развитых государств в следующем столетии выиграет тот, чей народ окажется более образованным и целеустремленным. А поэтому наши школы, начиная от начальной и кончая высшими учебными заведениями, должны давать своим воспитанникам не только хорошие современные знания, но и учить их упорству в достижении цели. А она у нас одна - возродить Отечество. При этом надо понять, что отношение к образованию со стороны государства кардинально изменилось. Его дальнейшее развитие теперь зависит не только от государственного финансирования, но и поддержки местных властей, спонсорской помощи, средств родителей.

Вузы Барнаула получили доступ в Интернет. Мы должны понять, что эта информационная система - не только благо, но и зло. Она - обоюдоострое оружие, пользоваться которым нужно весьма умело. Это оружие может нанести ущерб не только психике человека, дезориентировать его в мире нравственных и научных ценностей, но и ударить по безопасности страны, национально-культурному развитию ее народа.

Сегодня, когда я думаю о судьбах моей страны, ее народа, нашем будущем, я прежде всего думаю о судьбе отечественного образования...

ЦИНИКИ ЛЕЗУТ В ДЕТСКИЕ КРОВАТИ

НА ЧТО НАС ТОЛКАЕТ РАПС?

Бездуховность, пошлость, цинизм, разврат, жестокость наступают нынче на страну и ее молодое поколение не только с книжных лотков, страниц газет и экранов телевизоров. Теперь они уже маскируются под "образование". И начался этот процесс с момента создания у нас Российской ассоциации планирования семьи (РАПС).

Идейный вдохновитель наших "РАПСистов" - Международная федерация планирования семьи (МФПС), которая была создана в 1921 году как Американская лига по контролю за рождаемостью. Ее основатель Маргарет Сэнджер любила повторять: "Контроль над рождаемостью - это не более, чем процесс уничтожения сорняков человечества". Идеология деятелей Лиги была очень близка взглядам Гитлера, который еще в 1924 году в книге "Майн кампф" писал, что одной из главных обязанностей государства является "проведение практического современного контроля за рождаемостью": "больным или слабым людям не должно быть позволено иметь детей". Чтобы избежать обвинений в близости к фашизму, в 1942 году Лига была переименована в Ассоциацию планирования семьи, позже - МФПС.

В 1991 году в России, растерзанной перестроечно-реформенными событиями, правительственный функционер Инга Гребешева собирает одиннадцать единомышленников и создает РАПС. В 1993 году они были признаны МФПС (получили статус российского филиала)

и оиенены нашими "просветителями". Дружба генерального директора РАПС Инги Гребешевой с председателем Комиссии по вопросам женщин, семьи и демографии при Президенте РФ Екатериной Лажовой дала свои плоды. В 1993 году была принята федеральная правительственная программа "Планирование семьи" как часть президентской программы "Дети России".

А состояние дел с воспроизводством населения в стране действительно ужасающе. В 1991 году мирание приняло всероссийский характер. За это время "естественная убыль" составила 3,5 миллиона человек. Невероятно высока материнская и младенческая смертность. Аборты становятся чуть ли не национальным бедствием, наших женщин можно заносить в Книгу рекордов Гиннеса (встречаются "чемпионки", успевшие сделать за свою жизнь 14, а то и 22 аборта!). Как констатировал Совет безопасности, "пропаганда насилия, жестокости, секса влияет на психику людей, деформирует их самосознание и шкалу моральных ценностей". Потому и неудивительно раннее начало половой жизни, проституция, разврат.

Под всхлипы о гибнущей стране и была проташена федеральная программа "Планирование семьи". И финансирование получили поначалу стоящее - 22 с лишним миллиарда рублей! Вот уж развернулись с бесплатной раздачей презервативов подросткам и группам риска (проституткам)!

Кроме того, чуть ли не все филиалы РАПС и молодежные центры

создавали свои "программы полового просвещения". И сейчас они "работают" в Москве, Ярославле, Курске, Перми, Мичуринске, Воткинске, Нижневартовске, Новосибирске, Армавире... И даже введены кое-где в сетку школьного расписания. А темы такие - "вопросы секса между мужчиной и женщиной", "позы", "как подавить страх перед первым разом", "сексуальная жизнь подростков", "как определить беременность?.."

Однако всего этого, по мнению зарубежных кукловодов, было недостаточно - и для реализации контрацептивной продукции, и для достижения еще более законспирированной цели: подтолкнуть страну к черте, за которой начинается необратимое вырождение и вымирание.

Поэтому в рамках федерального мероприятия "Планирование семьи" на государственные деньги были созданы "программы полового воспитания". Составители их предполагали давать "правдивую и нравственную информацию о взаимоотношениях между полами", начиная с 12-13, а то и семи лет. Примеры такой "информации" страшно перечислять: "мастурбация как средство, позволяющее снять и смягчить проявления физиологического дискомфорта, вызванного биологической потребностью", "здоровая сексуальность и планирование семьи", "презервативы как противозачаточные средства", "ритуалы налога натурой для искупления греха и позора", "гетера, баядерка, гейша - жрицы свободной любви", "эротический фетишизм подростковой сексуальности", "безопасный секс", "проституция - гетеросексуальная и гомосексуальная, индивидуальная и организованная", "секс-маньяки", "некрофилии", "жизненный путь гомосексуала"...

Заказчик четырех программ, Министерство среднего и профессионального образования, гордое собой, разослало их в школы. И оторопевшие поначалу учителя, придя в себя, задуренные нынешней "вариативностью программ", кое-где стали внедрять их в жизнь.

Детский психиатр, советник Комитета по образованию Москвы профессор Борис Драпкин встревожен: "В стране растет количество случаев алкоголизма, наркомании, задержки умственного развития. Такое воспитание

подстегнет лавинообразное развитие этих явлений. Это удар по генотипу нации".

Руководитель отделения острых психосоматических расстройств Института скорой помощи им. Склифосовского доктор медицинских наук Виктор Остроглазов назвал эти программы "человеконенавистническими".

Президент РАО Артур Петровский на заседании "круглого стола" в РАО недоумевал: "Это что, программы для "групп риска"?"

Главный специалист Управления реабилитационной службы и специального образования Минобраз Татьяна Пестич, страстно расхваливая мне достоинства этих "пособий по секс-просвещению", несколько лукавила: "Издаются они в качестве рукописей - двадцать-пятьдесят экземпляров". Ах, Татьяна Дмитриевна, на обороте ведь указан тираж: 38 тысяч экземпляров! По всей России пошли. Нынешний заместитель министра Елена Чепурных уверяла меня, что эти программы предназначены для учителей. На мое возражение, что первое же практическое занятие в первом классе (!) требует от шестилеток выполнить "рисунок или аппликацию основных систем органов растений, птиц, млекопитающих, человека", она ахнула: - В наших программах?! Не может быть!

Елена Евгеньевна - национальный координатор Международного проекта "Половое воспитание российских школьников". Да-да, Министерство образования, издав в прошлом году еще одну программу, более "приличную", академика Колосова, радостно ухватилось за предоставленную ему, министерству, возможность еще потрудиться на этой ниве (хотя бы в качестве "свадебного генерала", изрекающего "ошибкам-с") в международном проекте.

Проект грандиозный. Фонд народонаселения ООН выделяет под него 750 тысяч долларов. Правда, 450 тысяч получает "голландская неправительственная организация", которая оказалась позже голландским Институтом содействия здоровью и профилактики болезней (НИГЗ). Главные руководители проекта - два кандидата наук, Валерий Червяков и Борис Шапиро. Консультант - академик РАО Игорь Кон.

Долгосрочная цель проекта, никогда не поверите, - "улучшение знаний, отношений и практики российских под-

ростков относительно сексуальности, безопасного секса и противозачаточных средств" (выделено в проекте. - Г. В.). Авторы его утверждают, что проект "является прямым ответом на нужды российской молодежи, которые нашли отражение в федеральной программе "Планирование семьи". Ну а точкой отсчета для оценки эффективности такого проекта могут служить лишь результаты "предварительного исследования знаний, отношений и практики российских подростков в области секса, сексуального здоровья и противозачаточных средств".

Кроме НИГЗ, в проекте упоминается еще одно научное учреждение, именуемое здесь "старейшим социологическим институтом в России", - Институт социологии РАН. Этому замечательному учреждению авторы проекта предписывают многочисленные обязанности.

И вот наконец появились социологические анкеты для школьников седьмых - девярых классов, учителей и родителей, где внушительно значилось: "Институт социологии РАН, Институт международных исследований семьи".

Анкеты настолько чудовищны, так цинично поставлены вопросы детям, что процитировать их не решились даже взрослые люди, ученые на заседании "круглого стола" и президиума в РАО.

Во всем мире существует негласный закон: среди детей до 16 лет нельзя проводить социологические опросы. А здесь им предлагается не просто опрос, а анкеты. Первая называется "Что ты знаешь о сексе?", вторая, где 150 вопросов, - "Про это... (приглашение к откровенности)". Вопросы на шекотливую, непристойную или даже криминальную тему (к примеру, гомосексуализм или изнасилование) сформулированы не как запрещение, а как разрешение. Идет закладывание в подсознание детей установок, нужных авторам анкет. И все это под эгидой Института социологии РАН?

На самом деле институт слыхом не слыхивал об этом. Директор института академик РАН Владимир Ядов узнал о "сексуальной" революции в социологии от президента РАО Артура Петровского...

Артур Владимирович на заседании президиума РАО утверждал:

- Такого рода программы приносят огромный вред, а анкеты просто недо-

пустимы. Не должен презерватив превращаться в символ полового воспитания.

Сейчас от пресловутых программ, как от бесовского наваждения, отрециваются все, упирая на то, что международный проект на ту же тему - это совсем другое начинание, хорошее и чистое. Однако омерзительные анкеты и новая программа одного из руководителей проекта Бориса Шапиро убеждают, что курс "секс-просветителей" абсолютно не изменился. Шапиро, заявив в своей "Пояснительной записке" об отрицательном воздействии на поколение не только средств массовой информации, но и... семьи, в дальнейшем всячески доказывает собственное положительное влияние на наших детей.

В его программе чего только нет. Присутствуют здесь три источника любви (ну-ка, взрослые, назовите!) - "безопасный секс", "сексуальная вседозволенность и пуританство как крайние проявления половой морали", "основные формы половой жизни человека: экстрагенитальные, генитальные и ортогенитальные". Развенчивает г-н Шапиро "антинанучные представления о вреде онанизма", рассказывает о "нестандартных психосексуальных ориентациях" и воспитывает "терпимость к сексуальным меньшинствам"...

Пожалуй, многие из вас, читатели, согласятся с протоиереем Владимиром Воробьевым, ректором Свято-Тихоновского православного богословского института:

- Эта программа провокационна. Она не имеет доводов "за"!

Выход один - этот эксперимент над нашими детьми должен быть запрещен. Точку в этой истории ставить невозможно. Программы и проект - лишь уродливые цветы ядовитого растения, с корнем которого и нужно разделаться.

Галина ВАСИНА.

ОСТАНОВИТЕ РАСТЛИТЕЛЕЙ!

В школах России вводят программы полового воспитания и сексуального просвещения. Что несут в себе эти программы?

Полное разрушение у подростков естественного чувства стыда и скромности, заложенного Богом у каждого че-

ловека. Пример: 986-я школа г. Москвы, на базе которой проходят семинары "Подростки обучают подростков", где старшеклассники обучаются пользованию презервативами в классах и где проходят соответствующие ролевые игры. Второе - пропаганда потери невинности и чистоты "безопасным способом". Взрослые внушают ребенку: "Можно делать все, что угодно, со своим и чужим телом, если при этом предохраняться". Детям подбрасывается мысль: "Блудить можно, только осторожно, безопасно для здоровья, культурно, грамотно". Таким образом взрослые вооружают детей на смертный для души грех блуда. Вооружают идеологией греха, как нормой, путем отмены в детском сознании Богом данного понятия его преступности. Детей учат не дорожить своей девственностью и невинностью, учат относиться к блуду, к разврату как к норме, образу жизни, хотят отменить чувство вины и раскаяния за однажды совершенное падение.

Сделать грех безопасным хочет сатана, тогда человек его раб. Именно это навязывают слуги сатаны - растлители, предлагая детям средство сделать "разврат без последствий", отделить грех от естественной и неизбежной расплаты за него. Современные сексологи хотят растлить детей и сделать это растление привычным и незаметным для каждого. Это значит моральное и физическое убийство подростка, молодого человека как личности.

Пропаганда безопасной потери невинности и вооружение детей идеологией и практическими средствами потребительского отношения к своему и чужому телу как к "объекту для разрядки" будет актом Богоубийства, так как этой идеологией совершенно низлагается Божия Заповедь "не блуди". Грех перестает осознаваться грехом и делается для человека нормой. Это гораздо хуже абортов, так как в настоящее время любая женщина, идущая на аборт, знает, что она преступница и на ней невинная кровь. И именно это чувство может явиться первопричиной покаяния. Развратители же детей хотят добиться того, чтобы дети, вовлекаясь в разврат, не подозревали о том, что это - смертный грех, считая его безопасным и безобидным развлечением.

Это - разрушение будущей России, ее нравственности, семьи, веры.

- Это - соблазн ко греху и растление несовершеннолетних.

Это - государственная политика растления детей.

Граждане, защитите детскую чистоту и невинность от посятательств развратников с дипломами педагогов или психологов.

Не верьте пропаганде, утверждающей, "что все дети уже развращены, и лучше дома, чем в подворотне". Нет, мы должны бороться за души наших детей, так как трусливое бездействие является здесь сотрудничеством с дьяволом и отречением от Бога.

Помогите невинным детям. Оградите их от развратных программ, насаждаемых Министерством образования РФ и Российской ассоциацией планирования семьи.

*Общественный комитет
"За нравственное
возрождение отечества",
Ассоциация "Жизнь"*

ДНЕМ - "ОСНОВЫ СЕКСА", ВЕЧЕРОМ - "ИМПЕРИЯ СТРАСТИ"

Мы с удовольствием узнали, что Тульская прокуратура возбудила уголовное дело против РАПСа.

Какое счастье, что деятельностью этой чудовищной организации - Российской ассоциации планирования семьи - заинтересовалась наконец-то прокуратура? Мы совершенно согласны с тульскими педагогами, что программа, предлагаемая "тетеньками из РАПСа", скорее, "курс растления", нежели воспитания. Но не менее страшно и то, что делает государственное учреждение, призванное стоять на страже нравственности своих подопечных, - Министерство образования.

Нашумевшие программы преподавания "основ секса" (одна из которых рассчитана на 374 часа!) и активнейшее участие минобразовских чиновников в международном проекте "Половое воспитание российских школьников" - это запланированное вторжение в формирующийся хрупкий духовный мир детей, то есть в генофонд нации. Это глубоко продуманный ход растлителей, учитывающий самобытность нашего народа.

Наши национальные традиции зиждутся на чувстве чистоты и непорочности, на традициях православной веры. Важнейшими формами нравственного сознания человека на Руси всегда были стыдливость, совесть, долг, обязанность, ответственность и воздаяние. И сегодня наша душа поворачивается к церкви, мостится дорога к Богу...

Однако нынче против духовно неокрепшего ребенка направлено все: и агрессивная политика средств массовой информации, и рекламно-сексуальный бум, и журнально-книжная продукция, и видеорынок. Страну из "поля чудес" господы имущие уже хотят превратить в "империю страсти", воспевая вакханалию разнузданной вседозволенности и вседоступности.

Раздавить стыд и совесть, вычеркнуть эти понятия из сознания людей - именно этим целям подчинены деяния растлителей конца XX столетия. Сегодняшней власти ни к чему вспоминать великие примеры близких и далеких деятелей богатой русской истории.

Н. М. Карамзин в "Истории государства Российского" так характеризует личность Иоанна Грозного: "...чув-

ствуя превосходство других европейцев в гражданских искусствах, ревностно желая заимствовать от них все полезное, кроме обычаев, усердно держась русских; оставял вере и духовенству образовать ум и нравственность людей; не думал в философическом смысле просвещать народ, но хотел доставить ему плоды наук, нужнейшие для величия России".

Вот государственная мудрость, вот понимание и бережение самобытности русского народа!

У нас же "дедушка президент" не в состоянии сделать что-либо. Правительство занято латанием дыр. Политика обещаний исчерпала кредит доверия и терпения людей. О каком светлом будущем наших детей мы можем говорить и думать?

Бездарные политики подвели страну к пропасти падения нравов и бездуховности. Мы допустили их к власти и потому ответственны за это перед историей. Но и перед своими детьми, и перед своей совестью. Нам уже нельзя молчать и бездействовать.

*Тамара и Валерий Житковы,
учителя.*

ОТ РЕДАКЦИИ

Мы обратились к первому заместителю председателя комитета Администрации Алтайского края по образованию А. Н. Слажневу с просьбой подтвердить или опровергнуть слухи о том, что в некоторых школах Барнаула уже внедряется "программа полового просвещения".

Александр Николаевич оказался наслышанным о разговорах, знает, откуда дует ветер, категорически развеял опасение.

- Министерство образования не утвердило программу, несмотря на активные атаки влиятельных лобби.

- В край не пришло по линии министерства ни единого экземпляра программы. Даже для ознакомления, обсуждения. То, что было показано по Алтайскому телевидению, - личная собственность "пропагандиста", купленная на свои деньги, и не соответствует действительному содержанию столичных наработок.

- Мнение комитета единодушно: нужно учить математике, русскому, иностранному языку, литературе, истории, физике, химии, биологии, географии и т. д., всему, что необходимо для трудовой человеческой деятельности, наконец, воспитывать гражданина, хотя новый закон об образовании оставляет этот вопрос на усмотрение местным педагогам.

- Да, в крае есть фанфароны, проповедующие половое, сексуальное воспитание в школе. Комитет считает, что в объективных условиях, когда забываются элементарные "показания к житейскому обхождению", одобренные царем-реформатором Петром Великим, внедрение сомнительной программы в школы лишь прибавит грязи.

Редакция журнала считает нужным держать на контроле вопрос, и вернуться к нему время спустя.

Ильбек ХАЙРУЛИНОВ

СВЕТ И ТЕНИ

О художнике Николае Иванове

*В судьбе каждого талантливого человека
есть что-то трагическое.*

И. С. Тургенев

*Хороший, честный человек не может жить
легко, он не может спокойно смотреть на все.*

В. А. Астафьев.

Кто знал этого человека, говорил, что он своей статью, обликом напоминал великого русского певца Федора Ивановича Шаляпина. Они были правы. Николай Петрович Иванов, от природы наделенный могучей фигурой, здоровьем, умом и талантом, обращал на себя внимание всех, кто его видел впервые или общался с ним постоянно. Окончив Алма-Атинское художественное училище, затем Суриковский художественный институт, он вернулся на Алтай, в Барнаул, на свою родину, имея за плечами большую профессиональную подготовку и участие на Всесоюзной выставке в Манеже дипломной картиной "Алтайское кочевье".

В Союзе художников ждали приезда Н. Иванова. Краю и городу были нужны специалисты с высшим образованием. Как вспоминают ветераны художественного фонда, Иванова встретили хорошо. Он в первое время жил в гостинице, пока не выделили ему квартиру. Имел он и творческую мастерскую. За участие на Всесоюзной выставке с картиной "Алтайское кочевье" в 1960 году он был принят кандидатом в члены Союза художников. Пройдя большую школу, воспитанный на примере жизни и творчества ведущих художников Москвы: К. Максимова, В. Нечитайло, А. Пластова, на принципах демократизма и гражданственности искусства, еще в годы учебы познавший значение творческой среды, без которой трудно любому талантливому человеку, Н. Иванов по приезде на Алтай хотел видеть организацию единомышленников, творческую обстановку, дух соревнования, присущий любому виду человеческой деятельности.

Но обстановка была сложная, как и сама жизнь. Я помню слова известного художника Алтая, замечательного человека, ветерана войны В. Зотева, сказавшего в сердцах: "Иногда мне кажется, что война для меня не закончилась в 1945 году, что она продолжается, только там, на фронте, я знал, что враг перед тобой и он должен быть уничтожен. Сейчас затрудняюсь порой, что-то не так в жизни, много трудностей, несправедливости, а кто в этом виноват? Не сразу ответишь".

О Николае Петровиче Иванове можно написать интересную, поучительную книгу. Он был редким человеком огромного дарования и сложной судьбы - судьбы настоящего художника, автором известной картины "Алтайское лето".

Первый вариант картины, по сути большой эскиз, был принят на краевую выставку и приобретен Управлением культуры для Музея изобразительных и прикладных искусств, что на Октябрьской площади. Работа получила доб-

рую оценку зрителей и художников. Вдохновленный успехом, художник начал основной вариант, значительно больший по размерам, соответствующий глубине и масштабу поднятой темы.

... В солнечный летний день прямо на зрителя едет верхом женщина-алтайка с мальчиком, рядом жеребенок, который, увидев впереди человека (зрителя), поддался интуитивно к кобылке. Ребенок доверчиво смотрит на нас.

Земля, наполненная теплым воздухом, запахом трав, в пору бурного цветения, простирается до горизонта, увенчанного коронами белков, и переходит в Космос. Солнце, Материнство, Жизнь и Космос - таков масштаб, охваченный душой и сердцем художника, воссозданный его красками и кистью.

Человека, создавшего такое произведение, невозможно не уважать и не принять близко к сердцу его произведение.

Но вот гримаса случая или обстоятельств. Спустя год идет прием работ на зональную выставку. Голосование... Картина Н. Иванова не набрала нужное количество голосов - не проходит на выставку.

Удивленный автор говорит почтенным членам выставкома: "Если такую картину не принимают, какую же еще представить?!"

С этого момента началась черная полоса в жизни художника.

Я долгие годы знал Н. Иванова. Предлагаемые заметки, - как дань уважения его личности, таланту, мастерству.

1968 год

Жизнь как жизнь. Семья, родились дочери. Второй неприятный случай у него был, когда он написал картину по заказу. Кому-то показалось (вернее, хотелось), что он воспользовался в работе чужим решением. Приписали плагиат! Готовили бумаги, чтобы Н. Иванова исключить из Союза художников. Это было тяжкое обвинение.

Николай Петрович написал письмо в Москву, автор этих строк возил ее нарочным адресату...

Иванов отвел от себя клевету. Но удар был коварен и силен. Не видя сочувствия, понимания, Николай Петрович стал искать утешение в вине. Это тоже играло на руку недругам.

Помню случай. Зима, снег, пурга. Молодой сержант "дежурит" у подъезда, ждет, когда нетрезвый Иванов выйдет на улицу, чтобы его немедленно доставить в отделение милиции... А далее, протокол... Выписку - в правление Союза художников... Такое уже было.

Я не успел дверь за собой закрыть, Николай Петрович огорошил меня вопросом:

- Он еще стоит там?

- Да, а что?

- Пусть стоит, я уже неделю не выхожу из дома... Проходи, будем ужинать.

Жена ставит блюдо с пельменями. К ним приложение... Я вежливо отказываюсь. Пужинали. Долго сидели среди книг, он показывал свои приобретения. Простились поздно. Снег шел, под фонарем сержант усиленно похлопывал себя по полушубку руками, согрелся...

1977 год

Если до института он ко мне относился как к студийцу, после моего возвращения из Ленинграда, по окончании учебы, он особо давал понять, что наши отношения переходят на профессиональную, более строгую стадию. Мы уже могли говорить о проблемах рисунка, живописи, картины, вообще о жизни. У него опыт, у меня горячее желание писать, общаться. К каждой выставке я давал новые работы, и он меня всячески поддерживал, хвалил порой, на мой взгляд, чрезмерно...

Чувствовалось, он компенсировал то, чего не получил сам, когда это было так важно в начале творческого пути.

К работам коллег относился всегда доброжелательно строго, находил, что сказать, делился воспоминаниями, опытом. Он знал много. Общался с писателями, дружил с Николаем Дворцовым, Леонидом Мерзликиным.

В пылу полемики бывал нетерпим к тем, кто не выносил серьезного разговора об искусстве, критического анализа, кто больше пыхился, рисовался, нежели творил, создавал.

- Вот посмотри (назвал известного в крае художника). Он все складки перечисляет, какие есть, а надо ли? Нужен отбор, ты же художник!

- Да, он мыслит конкретно, универсальности нет, все одинаково, а жизнь-то так разнообразна.

- Живопись он чувствует, но не думает.

Или такие размышления вслух на примере товарища:

- Я хорошо знаю его детство. Одноклассница рассказывала. Все - в себе. Родители внушали, видимо, что он исключительный. Условия создавали. Так и привык. Теперь он больше о себе думает, не любит тех - кого пишет, только знает, что это поощряется.

1977 год

Через некоторое время я встретил Николая Петровича в магазине "Детский мир", он покупал разбавитель.

- Чтобы живопись была пожиже? - показывая на сетку, спросил я.

- Не говори, в самом деле жиже, - смеясь, ответил Николай Петрович.

Мы вышли из магазина и лицом к лицу столкнулись с общим знакомым, обаятельным человеком.

- Скажите, пожалуйста, - спросил он, - что означают фигуры над Театром драмы? Сколько смотрю, никак не могу понять.

- Авторы - отец и сын, московские художники Нероды. Фигуры означают музы, - ответил Николай Петрович.

- Почему они упали?

- Старые упали, молодые стали в рост, - пошутил Николай Петрович.

- Все-таки, скажите, как вы, художники, на это смотрите, какое ваше мнение?

- С моим мнением никто не считается.

- Пусть. Но оно же у Вас есть, - не унимался наш приятель. - Скажите, если не секрет.

- Два Нерода изготовили четырех уродов и выслали в Барнаул, так я думаю. Может, и ошибаюсь. - Иванов рассмеялся. И нельзя было понять, шутка это или нет.

1978 год

Прошло лето. Николай Петрович приехал в Новосалтайск, зашел в мою комнату в общежитии. Я показал ему свои этюды. Он был в хорошем настроении, хвалил, делал точные замечания. Понравились "Первый снег", "Лошадки на рассвете". Посоветовал написать на большом холсте, развить мотивы. Писать, никому не показывать.

- Вот она, Россия! Такие зимы только у нас в Сибири. Снег, деревья, скамейка, запорошенная снегом. Красивое вокруг нас! Зачем куда-то ездить, искать поднебесное. Я не люблю Крым. Может, он кому-то и мил, но ведь я родился в Сибири. - Глядя на второй этюд, продолжал рассуждать. - Лошадки отдохнули, трудовой день скоро начнется, серебристый свет льется, солнца еще нет, а жеребенок нежится на травке. Я верю: хорошая вещь получится. Куплю! - и рассмеялся, довольный сказанным.

Польщенный, я показал ему картину "Проводы". 1941 г."

- Ничего не нужно добавлять. Молодцом. Мне нравится. Чуть-чуть поработаешь над лицом солдата, самую малость. Ребенка вовсе не показывай. Тишина. Пусть и зритель помолчит.

Он угадал мои намерения и мысли. Картину "Тяжкая весть. 1942 г." воспринял сложно.

- Я тебя понимаю. В художественном отношении у меня замечаний нет. Пластически в эскизе смотрится великолепно, мастерски решил. И колорит хорош. У Льва Толстого есть рассказ или повесть "Холстомер". Читал? Вот там один человек свое горе рассказал лошади, потому что его никто из людей внимательно не выслушал... Трагизм - как Достоевский хватанул! Вещь решена, но на выставку примут ли... Трагедия, пессимистическое настроение...

Его опасения полностью подтвердились, картина не была принята ни на зональную выставку, ни на "Нивы Алтая", ни на краевые... Через восемь лет, в 1990 году, послал ее в Москву на выставку к 40-летию Победы, она экспонировалась в Манеже, приобретена дирекцией выставок, показана на Поклонной горе в 1993 г.

Группой студентов во главе с В. Заклюковым посетили мастерскую художника Н. Иванова.

- Николай Петрович, - говорю, - отворачивайте холст, посторонние увидят.

Он выглянул из-за мольберта, улыбнулся.

- Я никогда ничего не прячу. Проходите, садитесь. Смотрите, как картину мажу. На этюды съездил.

- Горы, как сарлыки, сарлыки, как горы! - говорю.

- Да, да угадал, хочется передать спокойствие. Голубой Алтай. Белила взял как камертон, - начал он говорить, над чем работает и как. - Почему наши работы проигрывают в выставочном зале? В тоне не угаданы, темны. Ежели освещение неважное, тог-

да совсем - черны!.. Все вспоминаю, как ты писал мне, просил объяснить, что такое тон в картине. Я и сам тогда еще многого не знал, если говорить откровенно. У меня "Алтайское кочевье" в мастерской смотрелась хорошо, а в Манеже потемнело. Следующую работу написал светоносно. Она уже в экспозиции не терялась... На днях отвез картины в выставочный зал, расставил. Все коллеги-художники в кучу собрались, смотрят молча. Никто ни слова. Потом Филонов (автор изумительных рисунков пером) спрашивает, почему картины сильно светлые? Что ему скажешь? Говорю, они еще потемнеют. Это сложный вопрос - тон. Картина, если не угадана в тоне, летит к черту, - заключил он.

1978 год

Года два Николай Петрович совершенно не пил. На вопросительные взгляды отвечал:

- Я свою долю испил, хватит, пусть другие пьют. Пока не исполнится шестьдесят - ни рюмки! Даю слово.

Но слово сдерживать не всегда удавалось, и он срывался. И здесь находилось веское объяснение, не вызывающее сомнений, на его взгляд.

- Болят ноги, не могу ходить, врачи ничем помочь не могут. Пошел к знакомой старушке, она мне и говорит:

- Раньше пил?

- Пил, - говорю.

- Курил? - уточняет старуха.

- Курил!

- Почему бросил? Нельзя резко, нужно постепенно, понемногу, а вы сразу, столько лет пили, курили - бросили, так не получится, сынок. Человек что машина: берет разгон, захотел на большой скорости остановиться - невозможно. Постепенно нужно, вот и не ходят ваши ножки. Пей, сынок, но в меру, а там, бог даст, постепенно хвори отойдут... Вот и пью!

Меру, о которой говорила бабушка, блюсти не удавалось, но он боролся с собой. Бывали дни, он чувствовал себя вполне здоровым... И тогда в душе начинала просыпаться какая-то другая сила, с вопросами, на которые Петрович не находил ясного ответа, и не мог он сопротивляться этой, как бы даже ему не подчиняющейся силе. Он рассуждал, декламировал, анализировал, искал собеседников, спорил...

Когда Николая Петровича исключили из партии, он пытался уединиться, закрылся в огромной мастерской, которую называл "крепостью". Писал, пользовался старыми этюдами. Домашние радовались. Да и сам художник сознавал, что за палитрой время идет полноценней, даже неудачи вызывают дополнительный прилив сил. Утром провозжал, вечером встречал жену. Много ходил пешком.

Когда заходила речь о партии, говорил: "У нас с женой теперь один билет на двоих. Мой билет отобрали, а убеждения при мне остались!"

1982 год

Он хорошо знал художественный фонд, среду художников, ему там было неуютно. - Сколько они художников погубили, - говорил он. - Возьмите Дерявского - какой график! Талантливый человек, а как с ним обошлись?! Просто выбили из коллектива, не давали работать. Разве нельзя было договор ему дать к зональной выставке? Можно было! Пять-шесть листов! А ему пришлось заниматься монументальным искусством в ущерб близкому.

Ветераны фонда рассказывали, как молодой Саша Дерявский приехал в Барнаул после окончания Казанского художественного училища, показал членам правления свои работы, в основном рисунки, эскизы... Они были такого высокого уровня, что члены правления засомневались: его ли? Саша вышел во двор, сел на крыльцо и заплакал...

Николай Петрович возмущенно продолжил: "Акимов как скульптор сильнее многих, такого нет на Алтае! Миронов его вначале привлек к себе, взял что надо, а потом в сторону, не нужен конкурент. Так с любым поступают. У нас 60 членов Союза, а есть картина? есть портрет? Кто вышел на союзные выставки? Ни того, ни другого. Одни пейзажи и то не всегда. Вот и уровень!"

1983 год.

Однажды Николай Петрович, будучи преподавателем в художественном училище, ушел с просмотра. Он предложил отличную оценку за работы талантливого студента 4-го курса В. Лапина, а члены комиссии - против, тогда он говорит: "Коль с моим мнением не считаются, тогда меня увольте от этого дела".

Встреча в музее ИЗО. Экспозицию подготовила Анна Матвеевна Тондовская. Были Н. Иванов, В. Зотеев, Г. Борунов, Л. Цесюевич. Сидели рядом, говорили о жизни: где родились, где росли, где и как учились. И мне дали слово. Я сказал: "Великий русский художник Михаил Нестеров говорил, если после смерти на его могиле напишут: "Здесь похоронен художник Нестеров" - то это уже много. Жизнь сложна, здесь сидят люди трудной судьбы, видите, и я сбоку пристроился".

1984 год

Училищу не хватает преподавателей, меня попросили уговорить Николая Петровича поработать, он нехотя согласился.

- Ты прав, полезно общаться с молодежью. Сидишь в мастерской, такие мрачные мысли приходят... Веселее будет. Вот и с тобой встретился. Не пишется и - никакой радости. Я заметил, раньше бывало дураломом писал, мазал, собой гордился, петухом ходил, а теперь не испытываю радости. Ум мешает руке?

Спустя несколько дней выдал новое рассуждение.

- Аркадий Вычужанин большой мастер, но одинок. Один из лучших художников Сибири! А какой портретист?! Жаль, что и его не жалуют.

Я понимаю, кого-то признать - нужно делиться и деньгами. Нет ничего страшнее для человека, как посредственность против таланта. Примерно так писал О. Бальзак.

На выставочном молодежной выставки встретился с Н. Ивановым. Вижу, ему не терпится узнать, что я делаю... Смотрели картины. Я пригласил его к себе. Показал картину "1941 год". Вот его слова: "Это уже настоящая картина получилась, пойдет на зональную и республиканскую. Спасибо, что показал! Посмотри, подумай, по рисунку проверь, мне кажется, - левые две головы чуть больше, саням полозья пошире... А так, прямо реквием пишешь". Несколько раз он подходил к холсту близко-близко, разглядывал, снова отходил. Вижу, остался доволен увиденным.

- Ничего, у тебя есть все: образование, умение, желание работать. Главное, ты еще молод".

Вскоре я встретил его крайне огорченным. Он сказал, что в училище работать не сможет, иначе урежут пенсию. С сожалением признался:

- К ребятам привык, они ко мне.

Узнав, что я готовлю персональную выставку, стал размышлять: "Это очень ответственно, я никак не решусь, после персональной художник заново рождается - или умирает". И посоветовал без афиши и каталога на выставку не соглашаться. "Гордость имей", - требовательно сказал он.

1984 год

"Алтай прозрачен. Его писали густо, без понятия тона. У Гуркина жиденько, но это только кажется на первый взгляд.

- Развспоминался:

- Однажды приезжий художник писал этюд, подходит старик, смотрит из-за спины. Молодой человек недоволен что-то буркнул, а старик не уходит, просит уступить место. Удивленный художник отдает палитру и кисть. Старик на палитре написал этюд, показал, как нужно брать этот мотив. Молодой человек обомлел, никогда не видел ничего подобного! Старик вручил ему обратно палитру, кисти и ушел. А тот долго стоял, не зная, что дальше делать, писать нельзя - этюд испортишь, так и пошел домой, держа в руках фанеру с драгоценным созданием незнакомого старика. Это был Григорий Иванович Гуркин.

1985 год

Позвонил Ивановым, трубку взяла жена. Она была рада, пригласила домой, посмотреть этюды. Николай Петрович в мастерской. Через полчаса я у дома. Общие двери закрыты. Кричу в окно.

- О, Хайрулинов... Сейчас.

У Иванова сидит муж младшей дочери Лены. Студент пятого курса медицинского института. На столе водка, рюмки (слава богу, не стаканы), помидоры, хлеб... Отдыхают.

Беседа, искренние проявления взаимного уважения, знакомство с его зятем, "Спор" несущественный. Я отказался пить... Приняли как должное. Николай Петрович заговорил стихами:

Виночерпий. Что делать мне с сердцем моим?
Мертвым лучше в могиле, спокойнее им.
Сколько раз я ни калялся, сколько ни плакал -
Все грешу! Очевидно, я - неисправим.

- Омар Хайям! Я Назыма Хикмета видел, он выбрал мой этюд. Я тогда студентом 3-го курса был. Ох, завидовали мне.

Вспомнил о поездке с художниками, академиками Цыплаковым, В. Нечитайло в Ленинград. Выпивки в Москве с опохмелкой в Ленинграде.

- Меня такие художники уважали. Стожаров, Гаврилов, Савицкий... Но тут же себя резко осуждает.

- Я пил, дурачился. Намаеялся.

- И жены с вами, - говорю деликатно.

- Да, и они со мной. Первая, красивая, ушла, вторая, некрасивая, но умная, - бросила! Третья, хорошая, - жалеет, ухаживает, кажется, то, что нужно. Если бы с самого начала встретился с ней, может, сделал бы в искусстве больше.

1985 год

Многие боялись Николая Петровича. Он мог любого поставить на место, иногда в очень резкой форме. Он был глубоко одинок. При властном режиме личностное отвергается, оно опасно, оно не укладывается в рамки, его ломают. Кто выстоит - тому и честь. "Не подходишь к воротам, шея длинная - отсечь часть шеи с головой" - такова логика бюрократа. Нет человека - нет проблем!

Как сказал художник Ефим Честняков: "Покажи свои грезы - скажу, кто ты, по красоте их займешь свое место в жизни".

- Не здесь ли кроется мысль А. Твардовского, мечтавшего написать статью "Боязнь художественного вымысла". Художник и власть. Художник и жизнь. Вечные проблемы. Очень много вокруг искусства "холостяков", ничего не создавших, не родивших...

- Порой кажется, что мы вдохновенно суетимся. Искусство многие используют как ширму, как прикрытия коммерческого подхода или малого профессионализма, некомпетентности. Хорошие книги, картины не каждый день рождаются, за ними жизнь, лишения, сомнения, конечно же, жгучее желание высказаться о выстраданном, о заветном...

31 июля 1985 года, - открытие выставки Горьковских художников. Анатолий Шетинин сообщил нам, что Николай Петрович сильно болен, плох. Выписали из больницы. Художники С. Кошкаров, С. Кораблин, В. Скрипников, А. Шетинин все вместе пошли к нему домой. Квартира его была недалеко от вокзала. Вид у Петровича тяжелейший, густо-желтого цвета лицо. Худой, только глаза тревожные, сколько боли и горечи, обиды, досады и страха в них. Это невыносимо описать.

Сергей Иванович шутил, смешные истории, байки пытался говорить, стараясь развлечь больного, но Николай Петрович возвращал нас на землю, говорил о начале своего творческого пути, что он "недобитый труп с самого начала, а теперь что? Считайте, меня нет". - При этом показал руки, оттянул кожу.

- Думаете, я сейчас умираю? Нет! Зарубили мою картину на первую зону... (выставка "Сибирь социалистическая"). Вот когда началось! Я это только вчера понял.

Мы все стихли.

- Я тогда был молод, сказал им: "Если такую картину не принимают, какую же еще вам нужно представить?!"

Жена дала знак, что Петрович устал. Угасает наш Шаляпин, все о своей любимой картине "Алтайское лето" думает. Говорю ему: "В Москве, в музее народов Востока проходит выставка алтайских художников "Голубой Алтай". Со всего мира едут люди, посмотрят вашу картину, еще неизвестно, кто проиграл". Он: "Можно и так рассмотреть". Видно было, что эти слова пришлись бальзамом для его души. Вручил ему вырезку из газеты "Советская культура", где два крупных снимка рядом: "Озеро горных духов" Григория Ивановича Гуркина и "Алтайское лето" Николая Петровича Иванова. Двух замечательных живописцев Алтая, чьи произведения могут украсить любой музей Мира.

Владислав КОЗОДОВЕ

ТАКАЯ ГОРЬКАЯ ЛЮБОВЬ

Недавно в журнале для семейного чтения "Горница", издания Новосибирской писательской организации, прочитал любопытную заметку писателя Г. Мурыгина, касающуюся прошлого Барнаула. Думаю, что она будет интересна всем жителям Алтая, потому процитирую ее полностью.

"Еще в раннем детстве, которое прошло у меня в Барнауле, я услышал эту печальную историю. На солнечной стороне Никитинской улицы стоял красивый дом и ребята постарше, показывая на него, говорили:

- Вот здесь застрелились гимназистка и молодой офицер".

Позднее в повести сибирского писателя Ефима Пермитина "Первая любовь" я прочитал и о гимназистке и о ее возлюбленном офицере. "В середине апреля в полку случилось необычное происшествие. Покончил жизнь самоубийством прапорщик Николай Короткевич и вместе с ним Шурочка Озогоина"... (настоящая фамилия - Ожогина. - Г. М.).

На столе написанная размашистым, твердым почерком Короткевича, лежала записка: "Если все проходит, чего же ждать? Презрев будни, умираем". Две подписи: Александра, Николай. Все молодые Барнаула провожали их".

Вот так поведал писатель Ефим Пермитин о гибели влюбленных.

Что же стало причиной трагедии? Однажды заинтересовавшись, я стал расспрашивать старых барнаульцев и вот что удалось узнать.

Отец гимназистки - Сергей Ожогин - имел свою портновскую мастерскую и обшивал всех состоятельных граждан. Был он известен как человек крутого нрава. Дочь его училась на последнем году в казенной гимназии. Мечтала стать учительницей. Полюбив молодого прапорщика, она пришла вместе с ним к отцу за благословением. Выслушав дочь, Ожогин рассвирепел. Отстегнул приводной ремень ножной швейной машины, задрал подол дочери и стал ее избивать. Прапорщик вырвал у Ожогина ремень, забросил его в дальний угол и увел Шуру из дома. После этого они и покончили с собой.

Когда я восстановил эту историю, захотелось увидеть лицо юной гимназистки. Ведь в то время в Барнауле было много фотографий. После долгих поисков я разыскал одноклассницу Шурочки Ожогиной - Клавдию Андреевну Горжевскую, которая и подарила мне эту фотографию. На обороте снимка надпись: "Гимназистка казенной женской гимназии VI класса Александра Сергеевна Ожогина, погибшая трагической смертью 17 лет.

Еще весной 1949 года я был на могиле влюбленных. Теперь ее уже не найти".

Вот о чем поведал новосибирский писатель.

На фотографии юное улыбающееся лицо в обрамлении пышного ореола черных вьющихся волос. Жители улицы Аванесова еще поняли могилу влюбленных на Нагорном кладбище. На ней лежала чугунная плита с надписью взятой из их предсмертной записки. К сожалению, никто не помнит даты их гибели. Думаю, что случилось это где-то в начале века, так как женская казенная гимназия была открыта в 1906 году. Помнят старожилы и то, что на могиле еще возвышалась мраморная стелла, а на ней высечены два целующихся голубка, как символ любви.

Грустная история. Грустная еще и потому, что не сохранилась могила, над которой можно было бы постоять, размышляя о смысле жизни и о суете сует. Кому же понадобилось стереть ее с лица земли? Да разве только эту могилу. И случилось это не в постреволюционные годы, как многие привыкли думать, а

Из прошлого

в 1954 году, когда уже утихли страсти классовой борьбы. А в тридцатых годах к памятникам старины и могилам предков относились еще с почтением. Свидетельство тому, журнал № 12 "Алтайский сборник", издание Алтайского географического общества и Барнаульского естественно-исторического музея. Там помещен список наиболее выдающихся памятников в Барнауле, составленный в марте 1928 года. Это Петропавловский собор (построенный в 1774 г.), чугунный памятник французскому ученому Менье (умершему в Барнауле в 1862 г.), памятник доктору Ф. В. Геблеру (чугунная плита на кирпичном основании), памятник механику-самоучке К. Д. Фролову (каменный с чугунной плитой), мраморный памятник С. И. Гуляеву, яшмовый памятник на могиле Журина, памятник на могиле мальчика Матвеева из трех кусков: темного порфира, темно-зеленой яшмы и розового кварца и, наконец памятник Н. М. Ядринцеву (медный бюст на гранитном основании). Все они находились на Нагорном кладбище. Кроме них, решением городского Совета, подлежали охране все чугунные надмогильные плиты XVIII века, "независимо от того, на чьей могиле они находятся". Из надмогильных плит, находящихся вне кладбища, подлежали охране: чугунная плита на могиле священника Шелковникова, одного из первых учителей в Барнаульской словесной школе, яшмовая плита с надписью над могилой Марии Качки, умершей в 1794 году. Обе эти могилы находились на площади Свободы (тогда пл. Республик. В. К.) за загородкой между каменной часовой Петропавловского Собора и водоразборной будкой.

Из перечисленных могил и памятников, сохранился памятник Н. М. Ядринцеву и только потому, что о его публицистике высоко отзывался Ленин. Все остальные уничтожены. На площади Свободы в 1935 году при разрушении Собора, на Нагорном кладбище в 1954 году, когда решением крайкома КПСС и крайисполкома на этом месте строилась выставка достижений народного хозяйства. Чугунные плиты и железные решетки растаскивались пионерами на металлолом. Экскаваторы грузили в самосвалы истлевшие гробы вместе с содержимым, которые увозили их на свалку мусора. Где-то там оказались и кости бабушки Н. Крупской Тестровой, жены управляющего одного из Алтайских заводов. Внучка, переписываясь в начале двадцатых годов с барнаульскими школьниками, ни разу не вспомнила о родной бабушке, ведь тогда бы пришлось признаться в своем "буржуйском" происхождении.

Ученый и путешественник Менье - национальная гордость Франции и французы, приехав в Барнаул, интересуются могилой своего соотечественника. Как можем объяснить мы им причину уничтожения могилы, когда мы не сохранили могил своих знатных соотечественников, чьими именами названы сегодня улицы города? Ползунов, Штильке, Потанин, Фролов... А сколько было на Нагорном кладбище могил воинов, полных Георгиевских кавалеров, почетных граждан Барнаула, просто интересных людей? Несть им числа. Что там могила с целующимися голубками. Так, эпизод в сплошной цепи вандализма, граничащегося с безумием. Да и были ли психически нормальными люди, уничтожавшие собственную историю, действующие на родной земле, как во вражеском стане. А была ли им когда-либо эта земля родной? И не за осквернение ли могил предков наказывает нас Господь всевозможными карами и ранее и нынче. Поэт Василий Федоров когда-то написал:

Не ворошите старые могилы,
Они чреваты новой бедой.

А виноваты ли мы все за грехи конкретных людей, которые в сатанинской злобе пытались сделать нас "Иванами, не помнящими родства". Многие из них живы и поныне, равнодушно поглядывают на то, как рушится Россия, наивно не подозревая, что в ее грехопадении виноваты и их деяния.

Не пора ли архивистам и историкам разыскать их имена и предать широкой огласке? Вот такие мысли пришли после прочтения случайной заметки.

"МОРЖИ" ИОАННА ПРЕДТЕЧИ

В архиве Евгения Клевакина, председателя Алтайского отделения Союза Русского народа, есть небольшое сообщение о том, что в 1902 году в праздник Крещения обрушился лед у проруби на Оби и утонуло много "любопытных мешан". Их просто утянуло под лед.

Что же за чудо собрало их у проруби? Об этом я нашел ответ у писателя Михаила Зверева, детство и юность которого прошли в Барнауле. В повести "Займка в бору" он пишет: "Шестого января (по старому стилю. Авт.) было крещение. Мы ходили на

берег Оби смотреть "моржей" того времени. На льду были прорублены проруби в виде креста или обыкновенная прорубь, но с часовней над ней, выложенной из льдин. На берег сходилось много зевак. Около проруби находились священники (служили молебн). Смыть с себя грехи можно было только в этот день. Эта процедура протекала так: к проруби подъезжали сани, в них лежал голый человек, завернутый в тулупы. Священник благословлял грешника, и он прыгал в прорубь. С округлившимися от холода глазами, захватывающего дыхание, человек трижды окунался с головой. Затем с ярко-красным телом, как ошпаренный, выскакивал из проруби на пронизывающий ветер, иногда при сорокаградусном морозе. Священник что-то скороговоркой бормотал, крестя избавившихся от грехов, а человека заворачивали в тулуп, укладывали в сани и вскачь увозили домой.

Но гораздо больше было таких желающих избавиться от грехов, которые не имели своих лошадей и денег, чтобы нанять их, но они были твердо убеждены, что избавиться от грехов можно было только таким мучительным способом. Люди раздевались догола на ветру и бросались в воду. Одеться им помогали добровольцы из толпы. Находились и сердобольные люди, которые увозили "счастливых", избавившихся от грехов".

Думаю, что всех их ожидала дома горячая баня.

А какие же грехи заставляли людей кидаться в ледяную воду? Главными грехами, как утверждает в одном из номеров газета "Жизнь Алтая", были "прелюбодеяние и пьянство". Допившись до ручки, многие мужики в сопровождении жен и близких, приходили в этот день к проруби, чтобы снять похмельный синдром. В 1912 году принял купание сын владельца пивоваренного завода Ворсина, допившегося до белой горячки. Его привезли связанным, а окунали в воду два дюжих приказчика. Он моментально протрезвел и всю зиму не пил, боясь ледяной купели.

Смывали с себя грехи и женщины, в основном по требованию мужей, заподозривших их в "прелюбодеянии". Для них вырубалась прорубь отдельно и отгораживалась от любопытных войлоком.

Крещение проходило почти на том же самом месте, где купаются нынче современные моржи, так как только в этом месте берег полого сходит к Оби. Смывали грехи барнаульцы вплоть до 1927 г. А в 1928 году начались гонения на церковь и 19 января по новому стилю у берега Оби был выставлен милицейский кордон. Несколько лет тайные купания устраивались на Оби выше д. Ересной, но после разрушения церквей и изгнания духовенства, они исчезли навсегда.

А купание в воде восходит еще к доисторическим временам. Крещение водой начал Иоанн Предтеча. Предтеча потому, что он родился на шесть месяцев раньше Иисуса Христа. Правда крестил он людей в реке Иордан, которая никогда не знала льда. Думаю, случись ему проповедовать водное крещение в Сибири, его бы первого утопили в проруби.

"Крещение, - пишется в "Библейской энциклопедии", - есть таинство, в котором верующий при трехкратном погружении тела в воду, с призыванием Бога Отца и Сына и Св. Духа, умирает для жизни плотской и возрождается от Духа святого в жизнь духовную, святую".

Предполагалось, что после ледяной купели человек уже не будет грешить. "О тех, которые грешат после крещения, - поучала церковь, - должно думать, что они виновные в грехах своих больше, нежели некрещенные, потому что имели от Бога особенную помощь к добру, и отвергли ее".

КТО ЖЕ ОН БЫЛ, ПОЛЗУНОВ?

Недавно чудом раздобыл ставшую библиографической редкостью книгу "Некоторые моменты истории Барнаула", изданную в 1929 году в количестве 500 экз. Автор Г. Няшин был первым заведующим архивным бюро в крае после революции. А до этого окончил Московский университет, знал шесть языков, преподавал в Барнаульских гимназиях. В конце тридцатых он выступил в прессе против разрушения культовых зданий и был изгнан со всех должностей. Умер в неизвестности в 1943 году.

Книга его подкупает абсолютной аполитичностью, он просто излагает факты, каковыими они были. Как ее пропустила цензура, ведь уже начинались времена искажения истории. Однако и в ней я нашел легкие следы цензурирования. И вот в какой фразе: "И в Сибири человек имел свой денежный эквивалент; проживающая в Барнауле вдова Пелагея Ивановна П-ова в 1771 году купила у помещицы Казанской губернии Путиловой в Томске дворового человека И. С. Селиванова с женой Парасковьей Ивановной за 140 р."

Озадачил факт утаивания фамилии. Зачем? Пока я не догадался, что под П-ова скрывается вдова И. И. Ползунова. Дело в том, что к моменту выхода книги, появилось много публикаций о нищете Ползунова, затравленности его и смерти в забвении. Естественно, все это было делом рук царских опричников. Покупка вдовой Ползунова крепостных никак не вписывалась в эту версию.

С Пелагеей Ивановной, в девичестве Поваляевой, вдовой солдата, И. Ползунов вступил в гражданский брак в Петербурге в 1758 году. Он сопровождал туда караван с серебром, кстати, такая честь оказывалась не каждому. Тогда же он купил 11-летнего мальчика Ермолая Яковлева, "казачка" для домашних дел. Вторым слугой у Ползуновых был денщик.

Жила семья в прекрасном доме на улице Иркутской, ныне Пушкинской. По свидетельству первого биографа И. Ползунова В. Данилевского, дом был построен по собственному проекту. Правда, краевед Н. Савельев утверждал, что семья Ползуновых жила в "казенной светлице" по улице Тобольской (Льва Толстого) в районе филармонии, самом престижном месте по тем временам.

Оставшись вдовой, Пелагея Ивановна обращалась к Екатерине II, чтобы та определила ей "вдовское жалованье!", т. е. пожизненную пенсию. Интересно тогдашнее положение о пенсиях по потере кормильца. Вдова офицера от 40 лет и выше "по смерти кормильца и новому замужеству" получала половину жалованья умершего. А если она была моложе 40 лет, то ей выдавалось разовое годичное жалованье мужа, кроме "разве будет так увечна выйти замуж будет нельзя, то против старой выдавать до смерти". Ползуновой было 30 лет, увечной она не была, потому ей выдали годовой оклад мужа - 140 рублей (рядовые служилые люди получали в год от 8 до 24 рублей). А еще она получила 400 рублей премии за устройство ее мужем паровой машины, от которой Ползунов вначале отказался до ее пуска. А чувствуя приближение смерти, потребовал ее, что и было немедленно сделано.

Похоронив мужа 19 мая 1766 года, вдова в декабре уехала в Москву, где ей выдали еще 500 рублей. По тем временам это была большая сумма, что свидетельствует о высокой оценке Кабинетом деятельности Ползунова.

Возвратившись в Барнаул, Ползунова купила дом и жила на проценты от денег. Жила неплохо, раз прикупила еще двоих дворовых, не довольствуясь одним Ермолаем.

В 1773 году она вновь вышла замуж за ученика Ползунова Дмитрия Левзина, но через два года скончалась от чахотки, как и И. Ползунов. Болезнь эта была самой распространенной среди плавильщиков и горняков того времени. Лечить ее не умели. Потому и детей у Ползуновых не было. Вернее, было двое, но умерли в младенческом возрасте, возможно по той же причине.

Где была похоронена Ползунова - неизвестно, а вот он сам много лет покоился в притворе Петропавловского собора, где хоронили самых уважаемых людей, в т. ч. управляющего заводами Безра. Могила утеряна задолго до революции.

А вот образ И. Ползунова, навязанный советской пропагандой остался незыблемый до сих пор. Потому нет-нет да и раздается в печати раздраженный голос о несоответствии памятника Ползунову у политехнического университета с истинным образом. Особенно многим колет глаза парик. Но ведь при Петре I и Екатерине II все служащие-дворяне должны были носить парик и титулярную форму.

"Ползунов был сыном своего века, - писал о нем известный на Алтае краевед Н. Савельев. - В погоне за "конфликтами" авторы художественных произведений окружают Ползунова многочисленными "врагами" его дела, мешающими построить "огненную" машину и ускоряющими трагическую гибель самого изобретателя".

Между прочим, Н. Савельев еще в 1965 году написал самую правдивую биографию Ползунова, которая могла бы войти в серию "Жизнь замечательных людей". Но она даже не была опубликована при жизни автора, а вышла только в 1988 году. Почему? Очевидно по той же самой причине, о которой я писал выше.

НАШИ В ТУНДРЕ

Перечитывая "Архипелаг Гулаг" А. Солженицина, наткнулся на знакомую фамилию.

"Прочтите, прочтите в "Мертвой дороге" Побожия, - пишет А. Солженицын, - эту картину высадки и выгрузки с лихтеров на реке Таз, эту полярную Иллиаду сталинской эпохи: как в дикой тундре, где не ступала человеческая нога, муравьи - заключенные под муравьиным конвоем тащат на себе тысячи привезенных бревен, и строят причалы, и кладут рельсы, и катят в эту тундру паровозы и вагоны, которым ни-

когда не суждено уйти отсюда своим ходом. Ээки спят по 5 часов в сутки на голой земле, окруженной табличками "зона".

И он же описывает дальше, как заключенные прокладывают по тундре телефонную линию: они живут в шалашах из веток и мха, комары разъедают их незащищенные тела, от болотной жижи не просыхают их одежда, уж тем более обувь. Трасса их разведена кое-как, проложена не лучшим способом (и обречена на переделку), для столбов нет леса вблизи и они на два-три дня (!) уходят в сторону, чтобы оттуда принести на себе столбы".

"Мертвая дорога" была опубликована в журнале "Новый мир" в 1964 году. А первый очерк Побожия "Глухой неведомой тайгой" появился осенью 1961 года в одном номере с повестью А. Солженицына "Один день Ивана Денисовича", в бытность редактором "Нового мира" А. Твардовского, который несомненно был хорошо знаком с Побожием и поддерживал его творчество.

Александр Алексеевич Побожий наш земляк. Он родился в с. Крутиха в 1917 году. Окончил Новосибирский землеустроительный техникум и связал всю свою жизнь с изысканием железнодорожных трасс в основном на севере. Только во время войны он был вызван под Сталинград для прокладки рокадной дороги на Саратов.

"От берегов Тихого океана до Балтики, от барханных пустынь Монголии до вечных льдов Полярного Урала - почти всюду, где мы строим или будем строить железные дороги, - знают и помнят старого изыскателя. Он всегда приходил одним из первых, и везде вслед за его появлением начиналась большая стройка, менялся уклад жизни района, а то и целого края". Так писал в очерке об А. Побожии 18 января 1972 года С. Богатков в газете "Правда".

Он участвовал в строительстве первой очереди метро, прокладывал трассу Тюмень-Сургут, где тогда только еще начинались работы по добыче нефти.

Но меня, как писателя, больше заинтересовали его литературные успехи. Прочитав все написанное им, хочу сказать, что он обладал несомненным литературным даром и его по праву можно поставить рядом с такими известными писателями, как Федосеев и Арсентьев. Не зря первые его очерки были тепло приняты А. Твардовским, а "Новый мир" в начале шестидесяти годов был ведущим литературным журналом. К тому же во время хрущевской оттепели можно было правдиво писать обо всем. Ведь все северные железнодорожные трассы делались в основном руками заключенных.

Потому и заинтересовали его правдивые очерки А. Солженицына. К тому же после Гарина-Михайловского, писавшего еще до революции об изыскателях трасс для железных дорог, А. Побожий был первым, кто вновь привлек читателей к этой теме. Его книги издавались такими уважаемыми тогда издательствами, как "Советская Россия" и "Молодая гвардия", сотысячными тиражами и расходились мгновенно.

В моей библиотеке есть его книга "Дорогами тайги". Одни заголовки глав чего стоят: "Путь к Хунгарии", "Орочи", "Охота на медведя", "К хребту Сихоте Алин" и др. Интересно, а помнят ли своего именитого земляка в Крутихе?

ЛУЧИ СМЕРТИ ИЗ ЕЛЬЦОВКИ

В партийном архиве хранится письмо, полученное в январе 1943 года от технорука Ельцовского лесхоза А. Д. Войкова. Вот что он писал: "Сейчас наши войска перешли в наступление. Это хорошо. Но не исключено, что немцы могут изобрести тайное оружие. (Газеты нет-нет да и писали о возможности применения немцами нового оружия. Авт.) Мы должны противопоставить им свое оружие. Я несколько лет работаю над "лучами смерти". Это вереница крупных линз. Если через них пропустить солнечные лучи и направить их, куда следует, они сожгут все. Но мне нужна помощь. В Ельцовке проверить мое изобретение невозможно. Тем более, что начальство встречает мои предложения насмешкой. Ну что ж, и над Галлилеем смеялись, а что вышло".

Войкову было уже за пятьдесят, в Ельцовку он приехал незадолго до войны. В его распоряжении была вся техника лесхоза.

Письмо его попало зав. отделом оборонной промышленности крайкома Мироненко. Тот, не долго думая, переслал его начальнику краевого НКВД Волошенко с припиской: "Если его изобретение серьезно, чтобы оно не пошло во вред Родине". Слово "вред" здесь было употреблено в том смысле, что как бы, мол, это изобретение не попало в руки немцам. В тюрьмах и лагерях Алтая томились в то время тысячи людей, заподозренных в шпионаже в пользу Германии и Японии. Хотя, как потом оказалось, ни одного настоящего шпиона среди них не было. Просто узбеки, казахи, ал-

тайцы, тувинцы, корейцы и китайцы подозревались в шпионаже в пользу Японии, немцы, украинцы и русские - в пользу Германии.

Но вернемся к изобретателю. Ночью к его домику на окраине Ельцовки подъехал "воронка". Операция была настолько секретной, что даже не пригласили понятых. У ошеломленного Войкова конфисковали все бумаги и чертежи, а также книги. Между прочим в описи числится книга А. Толстого "Гиперболоид инженера Гарина". Не она ли и подвигла бедного технорука на изобретение, о чем он не раз, очевидно, впоследствии сожалел.

А дальше события развивались так. Все бумаги были увезены в Барнаул, а изобретатель помещен в отдельную камеру Бийского НКВД. Там он находился до конца войны.

Бумагам же был дан самый широкий ход. Не исключено, что они побывали и на столе Берии, который к тому времени взял под свое крыло весь научный потенциал страны.

Но никого изобретение Ельцовского Кулибина не заинтересовало. Слишком наивны были его представления о лазерных лучах. Все отзывы ученых были отрицательны, а кто-то даже назвал изобретение "бредом сивой кобылы".

Находясь в тюрьме, Войков не раз писал жалобы, в т. ч. Калинину и Сталину о незаконности его ареста, но кто тогда мог услышать его голос. А чтобы придать законность его задержания, было сфабриковано уголовное дело. В архиве сохранилось заявление второго секретаря Ельцовского РК о том, что Войков занимался гаданием на картах. А в подтверждение своих "предсказаний" сам же посылал поддельные письма жертвам гадания. Абсурдной обвинения нельзя было придумать.

Так закончилась карьера даже трудно сказать кого: авантюриста ли, чудака, или Икара с восковыми крыльями. В любом случае мне его жаль, ибо жизнь без таких людей скучна и безрадостна.

Как я ни рылся в документах, но узнать что либо о его дальнейшей судьбе не смог. Возможно эта публикация поможет приоткрыть тайну, которую несомненно кто-то знает. Или оставшиеся в живых родственники, или те, кто занимался его делом.

ТУЛУП С ЧЕРНОЙ МЕРЛУШКОЙ

или в чем ходили наши деды

В феврале, а именно 12 февраля 1913 года, на крещение, в селе Тюменцево потрясло два загадочных убийства. В одну ночь были зарублены в своих домах солдатка Лукерья Наумова и бобыль, как значится в полицейском протоколе, Василий Завалин. Бобыль по Далю - бедный, безземельный крестьянин.

Наехавшее следствие ничего не могло обнаружить. Главное, что удалось установить, посторонних людей никто в селе не видел. Значит преступление совершил кто-то из местных, знакомый убитым. Незнакомым они бы дверь ночью не открыли.

Меня заинтересовала опись украденного, из которого так ясно представляется мир сельской одежды начала века.

У Лукерьи было взято 50 рублей денег (по тем временам не очень большая сумма - месячный заработок печника. *Авт.*), медный самовар полуведерный, на стене против крана вырезан цветок. Из вещей: четыре подушки, одна в черной ситцевой наволочке, а три - в красных с большими черными цветами, две кочмы (вернее кошмы-войлок, изготовленный из овечьей шерсти. *Авт.*), одна белая в два аршина, другая серая, самодельная. Пальто женское на вате, крытое нанкой с бумажным подкладом - бумазейка черная с бордовыми цветами, кофта казинетовая (казинет - сорт полушерстяной или бумажной ткани. *Авт.*), серая из кудели, подкладка черная с розовым. Черный овчинный тулуп поношенный, на спине белая овчина, а полы черные. Еще тулуп с черной мерлушкой и таким же воротником шалью, крытый черным сукном, рукава и полы обшиты узкой полоской мерлушки. Еще взяты шаль суконная, совсем новая, коричневая в клетку, платье женское, новое, синего цвета с белыми цветами". Вот и все, что перечислено в полицейском акте, но это то, что взято, а что не взято? Перина была обычным атрибутом крестьянской избы, домотканые половники и холсты полотна. А вот золота не было. Крестьяне предпочитали серебро. У Лукерьи были похищены серебряные серьги и колечко. Все уворованное очевидно, было перечислено следователю родными или подругами, которые до мелочей знали богатства друг друга. Ведь покупка любой вещи становилась событием.

Бобиль Василий, вероятно, был сельским щеголем. У него забраны: "высокие яловые сапоги с высокими калошами и 9 кушаков (пояс из широкого куска ткани или связаный из шнура. *Авт.*), из них 7 черных и 2 зеленых с красными полосками. Драповый пиджак синего цвета, жилетка черная в клетку с красным, канифасовая (канифас - род старинной плотной, преимущественно полосатой бумажной ткани. *Авт.*), с четными цветами рубаха, рубаха синего цвета, красная бумазейная рубаха и рубаха из кашемира. Шарф вязаный, цветной, белое полотенце с красными на концах полосками, рукавицы черные вязаные без пальцев (исподни), шаровары нижние ситцевые и денег 55 рублей".

В протоколе не перечислена верхняя одежда, но не потому, что у Василия ее не было. Просто грабители ее не взяли. Непременным мужским атрибутом одежды были полушубки-борчатки и тулупы, шапки с овчины, а то и хорьковые или из волчьих мехов. Носили медвежьи или собачьи дохи.

Следствие так ничего и не могло обнаружить. А вскоре началась мировая война, а там гражданская и следственные материалы были сданы в архив. Вновь всплыло оно в 1921 г. На барахолке в Камне кто-то из родственников Лукерьи узнал "тулуп с черной мерлушкой": Задержанный местный житель пояснил, что этот полушубок он приобрел у красноармейца, и призвал свидетелей. На квартире у него был сделан обыск, но иных вещей убитых найдено не было и его отпустили с миром. Так и кануло это дело в небытие, оставив нам опись вещей погибших, читая и перечитывая который так ясно представляешь мелкие, но милые заботы наших дедов и прадедов.

Как стать попечителем

Бийский купец Н. И. Ассанов вошел в мировую историю уже тем, что доставил в 1904 году для зоологического сада в Гамбурге диких лошадей Пржевальского. Договор, составленный заказчиком и подрядчиком, не оговаривал количество, и потому Ассанов пригнал из Монголии целый косяк - 28 голов. Как утверждает кандидат биологических наук И. Акимушкин, все ныне имеющиеся в зоопарках мира лошади Пржевальского ведут свое начало как раз с того косяка.

Здесь справедливо назвать и отставного военного Кричевцева, жившего в селе Алтайском и занимавшегося коневодством. Сто лет назад, в 1897 году, Н. Ассанов женился на его дочери. Злые языки поговаривали, что удачная беспроектная сделка была частью приданого.

Как бы то ни было, Н. Ассанов заработал огромную сумму денег и уже в 1908 году согласился быть попечителем мужской гимназии.

Мечты, мечты...

Бийск, Рубцовск, Барнаул, потом уж Челябинск, Свердловск, Новосибирск почти три года были питательным полем обитания самозванных "наследника Алексея Николаевича", "Великой княжны Марии Николаевны", "Великого князя Владимира Кирилловича", "Великой княжны - Аси, - Анастасии Николаевны". Это не легенда, не газетная или журнальная "утка" в угоду моде времени. Сорок два человека предстали перед коллегией ОГПУ 29 августа 1927

года за самозванство, за добровольную принадлежность к "царской" челяди, за укрывательство и ползущее распространение слухов "Живы!" К слову, один из осужденных был однофамильцем или далеким потомком нашего славного механикуса, создателя паровой машины.

За подробной информацией отправляем читателей к журналу "Источник" № 6 за 1995 год, где напечатаны докладная записка (1926 года) старшего помощника краевого прокурора Сибири по Барнаульскому округу Вяткина "О раскрытии лиц, объявивших себя детьми Николая II", "Заявление арестанта Алексея Ивановича Шитова следователю ГПУ" и другие материалы, хранящиеся в УФСБ РФ по Алтайскому краю.

Богатство

Дикая флора Алтая насчитывает свыше тысячи восьмисот видов растений. Здесь встречаются эндемики, которые тщетно искать в Альпах, в Карпатах, в Гималаях, в Андах. Двести видов растений присущи только Алтаю. Это полукустарниковые хризантемы, субальпийская фиалка, альпийский эдельвейс, единственная в своем роде купальница, имеющая сиреневые цветы. Предполагают, что свыше ста пятидесяти видов растений Алтая обладают лечебными, тонизирующими свойствами. А золотому корню приписывают силу фантастического элексира жизни.

К сожалению, природное богатство это используется экономикой не в полной мере.

Подготовил Юрий Козлов.

Художник Николай Иванов

Портрет писателя Николая Дворцова

«Алтайское лето»

61

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru